Вестник Челябинского государственного университета

Филологические науки

Выпуск 144

ISSN 1994-2796 (print)
ISSN 2782-4829 (online)
doi 10.47475/1994-2796

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Основан в 1991 году

№ 5 (511) 2026

УЧРЕДИТЕЛЬ
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Челябинский государственный университет»

Главный редактор
Таскаев Сергей Валерьевич — доктор физико-математических наук, доцент (Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия);
ORCID: 0000-0001-6352-2816; **Scopus Author ID**: 55886287900;
ResearcherID: AAU-9890-2021

Ответственный секретарь
Саломатова Оксана Ивановна
(Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия)

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Болдырев Николай Николаевич, доктор филологических наук, профессор (Тамбовский государственный университет им. Г. Р. Державина, Россия); **Бубнов Юрий Александрович**, доктор философских наук (Воронежский государственный университет, Россия); **Голованова Елена Иосифовна**, доктор филологических наук, профессор (Челябинский государственный университет, Россия); **Желтухина Марина Ростиславовна**, доктор филологических наук, профессор (Волгоградский государственный социально-педагогический университет, Россия); **Качалов Роман Михайлович**, доктор экономических наук, профессор (Центральный экономико-математический институт РАН, Россия); **Невелев Анатолий Борисович,** доктор философских наук, профессор (Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия); **Нижегородцев Роберт Михайлович**, доктор экономических наук (Институт проблем управления РАН, Россия); **Питина Светлана Анатольевна**, доктор филологических наук, профессор (Челябинский государственный университет, Россия); **Попов Евгений Васильевич**, доктор экономических наук, профессор, член-корреспондент РАН (Уральский институт управления — филиал РАНХиГС, Россия); **Эндер Демир**, Университет Рейкьявика (Рейкьявик, Исландия); **Ж. Ришар**, PhD, профессор (Университет Париж-Дофин, Франция); **Роберт Филлипсон**, PhD, почетный профессор (Копенгагенская школа бизнеса, Дания).

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ НАУЧНОГО НАПРАВЛЕНИЯ

Е. В. Шелестюк, доктор филологических наук, доцент, председатель редакционной коллегии (Челябинск); **Е. И. Минина**, кандидат филологических наук, заместитель председателя редакционной коллегии (Челябинск); **Е. Н. Бекасова**, доктор филологических наук, профессор (Оренбург); **Н. Н. Болдырев**, доктор филологических наук, профессор (Тамбов); **Т. В. Борисенко**, кандидат филологических наук (Челябинск), **Г. К. Валеев**, кандидат филологических наук, доцент (Челябинск); **Т. А. Воронцова**, доктор филологических наук, профессор (Челябинск); **Е. И. Голованова**, доктор филологических наук, профессор (Челябинск); **С. Ю. Двинина**, кандидат филологических наук (Челябинск); **М. Р. Желтухина**, доктор филологических наук, профессор (Волгоград), **М. В. Загидуллина**, доктор филологических наук, профессор (Челябинск); **Л. А. Месеняшина**, доктор педагогических наук, профессор (Челябинск); **А. А. Миронова**, доктор филологических наук, доцент (Челябинск); **Л. А. Нефёдова**, доктор филологических наук, профессор (Челябинск); **Н. С. Олизько**, доктор филологических наук, профессор (Челябинск); **С. А. Питина**, доктор филологических наук, профессор (Челябинск); **О. Ю. Редькина**, кандидат филологических наук (Челябинск); **Ал. А. Селютин**, кандидат филологических наук, доцент (Челябинск); **А. А. Селютин**, кандидат филологических наук, доцент (Челябинск); **Е. М. Хакимова**, доктор филологических наук, профессор (Челябинск); **Т. В. Чернышова**, доктор филологических наук, профессор (Барнаул); **Марьям Шафаги**, кандидат филологических наук (Университет имени Алламе Табатабаи, Иран); **Маджид Эстири**, кандидат филологических наук (Государственный университет Гонбад-Кавус, Иран).

Журнал включен в перечень рецензируемых научных журналов, утвержденный ВАК Минобрнауки РФ, по отраслям: экономические науки, филологические науки, философские науки.

Издание включено в базы данных: UlrichsWeb Global Serials Directory; EBSCO's research collections.

Журнал выходит 12 раз в год

Адрес издателя:
Россия, 454001, Челябинск, ул. Братьев Кашириных, 129

Адрес редакции:
Россия, 454001, Челябинск, ул. Братьев Кашириных, 129

Адрес редакции научного направления «Филологические науки»:
Россия, 454084, Челябинск, пр. Победы, 162-в
Тел.: (351) 799-70-26
e-mail: russlang@csu.ru

С требованиями к оформлению статей можно ознакомиться на сайте http://journals.csu.ru/index.php/BulletinCSU

Редакция журнала может не разделять точку зрения авторов публикаций

Ответственность за содержание статей и качество перевода аннотаций несут авторы публикаций

Журнал зарегистрирован в Роскомнадзоре. Свидетельство ПИ № ФС77-91039 от 03.03.2026 г.

Индекс 33077 в каталоге «Пресса России»

Корректура *С. В. Ястребовой*
Верстка *С. В. Ястребовой*

Подписано в печать 22.06.26.
Выход в свет 30.06.26.
Формат 60×84 $^{1}/_{8}$. Бумага офсетная.
Гарнитура Times. Усл. печ. л. 17,6.
Уч.-изд. л. 16,0.
Тираж 500 экз. Заказ 341.
Цена свободная

Отпечатано:
Издательство Челябинского государственного университета
Россия, 454021, Челябинск, ул. Молодогвардейцев, 57б

12+

Bulletin of Chelyabinsk State University

Philological Sciences

Issue 144

ISSN 1994-2796 (print)
ISSN 2782-4829 (online)
doi 10.47475/1994-2796

ACADEMIC PERIODICAL

Founded in 1991

№ 5 (511) 2026

The journal is published 12 times per year

FOUNDER
Chelyabinsk State University (CSU)

Editor-in-chief
S. V. Taskaev, Dr. Sci. (Physics and Mathematics), Prof. (Assoc.)

Executive secretary
O. I. Salomatova

EDITORIAL COUNCIL

N. N. Boldyrev, Dr. Sci. (Philology), Prof. (G. R. Derzhavin Tambov State University, Russia); **Yu. A. Bubnov**, Dr. Sci. (Philosophy), Prof. (Voronezh State University, Russia); **E. I. Golovanova**, Dr. Sci. (Philology), Prof. (Chelyabinsk State University, Russia); **M. R. Zheltukhina**, Dr. Sci. (Philology), Prof. (Volgograd State Socio-Pedagogical University, Russia); **R. M. Katchalov**, Dr. Sci. (Economics), Prof. (Central Economics and Mathematics Institute of RAS, Russia); **A. B. Nevelev**, Dr. Sci. (Philosophy), Prof. (Chelyabinsk State University, Russia); **R. M. Nizhegorodtsev**, Dr. Sci. (Philosophy), Prof. (Institute of Control Sciences of RAS, Russia); **S. A. Pitina**, Dr. Sci. (Philology), Prof. (Chelyabinsk State University, Russia); **E. V. Popov**, Dr. Sci. (Philosophy), Prof., Corresponding Member of RAS (Ural Institute of Management — branch of RANEPA, Russia); **E. Demir**, PhD, University of Reykjavik (Reykjavik, Iceland); **J. Richard**, PhD, Prof. (Paris-Dauphine University, France); **R. Phillipson**, PhD, Prof. Emer. (Copenhagen Business School, Denmark).

EDITORIAL BOARD OF SCIENTIFIC DIRECTION

E. V. Shelestyuk, Dr. Sci. (Philology), Prof. (Assoc.), Chairperson of Editorial Board (Chelyabinsk); **E. I. Minina**, Cand. Sci. (Philology), Deputy Chairperson of Editorial Board (Chelyabinsk); **E. N. Bekasova**, Dr. Sci. (Philology), Prof. (Orenburg); **N. N. Boldyrev**, Dr. Sci. (Philology), Prof. (Tambov); **T. V. Borisenko**, Cand. Sci. (Philology), Prof. (Assoc.) (Chelyabinsk); **G. K. Valeev**, Cand. Sci. (Philology), Prof. (Assoc.) (Chelyabinsk); **T. A. Vorontsova**, Dr. Sci. (Philology), Prof. (Chelyabinsk); **E. I. Golovanova**, Dr. Sci. (Philology), Prof. (Chelyabinsk); **S. Yu. Dvinina**, Cand. Sci. (Philology) (Chelyabinsk); **M. R. Zheltukhina**, Dr. Sci. (Philology), Prof. (Volgograd); **M. V. Zagidullina**, Dr. Sci. (Philology), Prof. (Chelyabinsk); **L. A. Mesenyashina**, Dr. Sci. (Pedagogical), Prof. (Chelyabinsk); **A. A. Mironova**, Dr. Sci. (Philology), Prof. (Assoc.) (Chelyabinsk); **L. A. Nefedova**, Dr. Sci. (Philology), Prof. (Chelyabinsk); **N. S. Olizko**, Dr. Sci. (Philology), Prof. (Chelyabinsk); **S. A. Pitina**, Dr. Sci. (Philology), Prof. (Chelyabinsk); **O. Yu. Redkina**, Cand. Sci. (Philology) (Chelyabinsk); **Al. A. Selyutin**, Cand. Sci. (Philology), Prof. (Assoc.) (Chelyabinsk); **A. A. Selyutin**, Cand. Sci. (Philology), Prof. (Assoc.) (Chelyabinsk); **E. M. Khakimova**, Dr. Sci. (Philology), Prof. (Chelyabinsk); **T. V. Chernyshova**, Dr. Sci. (Philology), Prof. (Barnaul); **M. Shafaghi**, Cand. Sci. (Philology) (Allameh Tabataba'i Umiversity, Tehran, Iran); **M. Estiri**, Cand. Sci. (Philology) (Gonbad Kavous University, Iran).

The journal is included into the list of peer-reviewed journals, approved by the State Commission for Academic Degrees and Titles of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation, in the following branches of knowledge: Economic Sciences, Philological Sciences, and Philosophical Sciences.

This journal is currently listed in: UlrichsWeb Global Serials Directory; EBSCO's research collections.

Address of Publisher:
129 Bratiev Kashirinykh St.,
Chelyabinsk, 454001, Russia

Editorial office's address:
129, Bratiev Kashirinykh St.,
Chelyabinsk, 454001, Russia

"Philological Sciences" editorial office's addres:
162v, Prospect Pobedy,
Chelyabinsk, 454084, Russia
Telephone: + 7(351) 799-70-26
e-mail: russlang@csu.ru

All the requirements are available on the web-site http://journals.csu.ru/index.php/BulletinCSUu

The Editorial Board may not share the views of the authors

Authors are responsible for the article content and quality of annotations' translation

Academic periodical is registered in Federal Supervision Agency for Information Technologies and Communications
Certificate ПИ № ФС77-91039 dated 03.03.2026

Index 33077
in the "Press of Russia" catalog

Proofreader *S.V. Yastrebova*
Imposition by *S.V. Yastrebova*

Approved for printing 22.06.26.
Date of publication 30.06.26.
Format 60×84 $^{1}/_{8}$. Litho paper.
Font Times.
Conventional print. sh. 17,6.
Ac.-publ. sh. 16,0.
Circulation 500 copies.
Order 341. Open price

Printed:
Publishing Office
of Chelyabinsk State University
57b Molodogvardeitsev St.,
Chelyabinsk, 454021, Russia

12+

СОДЕРЖАНИЕ

ФРАЗЕОЛОГИЯ, ИДИОМАТИКА И МЕТАФОРИКА

Асадулина Г. С., Ким А. А. Сопоставительный анализ русских и тувинских фразеологизмов с концептуальным компонентом «труд». 7

Духнова М. А. Стратегия перевода метафор в сборнике О. Мандельштама «Камень» (на материале лексем, обозначающих состояние вещества). 16

Лаврова Н. А., Козьмин А. О., Буйлова И. В. Специфика фразеологизмов современной американской поэзии 25

Шафиков С. Г. Фразеология алкогольного злоупотребления в романских языках 35

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЯ: КОНЦЕПТЫ, СИМВОЛЫ, МЕДИАТОПОНИМИКА

Беспалова Е. А. Города Курской области как объекты перифрастической номинации (на материале медиатекстов). 44

Борисенко Т. В. Концепт *ребёнок/child* в русской и американской лингвокультурах 54

Моради М. Отражение мифонима «Mehr» («Митра») как морфемы в системе словообразования персидского языка 62

ДИСКУРС-АНАЛИЗ И ПРАГМАЛИНГВИСТИКА

Касымова О. П., Лебедева А. В. Актуальные процессы в современном косметологическом дискурсе 70

Лантух М. С., Минина Е. И. Лингвистические маркеры завершения и незавершённости речевого конфликта в драматургическом дискурсе (на материале отечественных пьес второй половины XX века). 77

Садовников С. А., Ефимова Е. В., Красикова О. Г. Обращение к концептосфере зрителя как прием речевой агрессии в программе «Вести недели» 86

Свердлова Н. А., Марьясова Е. П., Черкашин Е. А. Модель организации дискурсивного пространства научной статьи с помощью промпт-стратегий 93

ИСТОРИЧЕСКАЯ ЛЕКСИКОЛОГИЯ, ЭТИМОЛОГИЯ

Дворкина А. А., Питина С. А. Сравнительная этимология русской лексемы «страх» и английской “fear” 103

ПРИКЛАДНАЯ И КОМПЬЮТЕРНАЯ ЛИНГВИСТИКА, АВТОМАТИЧЕСКАЯ ОБРАБОТКА ТЕКСТА

Зиновьева А. Ю., Шереметьева С. О. Контекстные факторы в анализе тональности 110

Колбин П. А., Голованова Е. И. Проблема моделирования словарной статьи комплексного учебного словаря авиационной терминологии. 119

ПЕРЕВОД И ПЕРЕВОДОВЕДЕНИЕ

Исмагилова Ф. Г., Мельник С. В. Коранические аллюзии в прозе Махмуда Дарвиша и особенности их передачи в английском переводе 128

ОБЩЕЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ, ИСТОРИЯ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ИДЕЙ

Турбина О. А. Средневековый концептуализм и современная лингвистика: история идей 136

БИЛИНГВИЗМ

Хамидуллаев Х. Ф., Турамуратова И. И. Homo Bilinguis: вариативность как ключевое свойство языкового опыта человека-билингва 146

CONTENTS

PHRASEOLOGY, IDIOMS AND METAPHORS

Asadulina G. S., Kim A. A. Comparative Analysis of Russian and Tuvan Phraseological Units with the Concept of "Labor" 7

Dukhnova M. A. Metaphor Translation Strategies in Osip Mandelstam's Poetry Collection "Stone": the Case of Lexical Units Denoting States of Matter 16

Lavrova N. A., Kozmin A. O., Buylova I. V. Idioms in Modern American Poetry 25

Shafikov S. G. Phraseology of Alcohol Abuse in Romance Languages. 35

LINGUOCULTUROLOGY: CONCEPTS, SYMBOLS, MEDIA TOPONYMY

Bespalova E. A. Cities of the Kursk Region as an Object of Peripheral Nomination (Based on Media Texts) 44

Borisenko T. V. The Concept of *Child* in Russian and American Linguistic Cultures 54

Moradi M. Reflection of the Mythonym "Mehr" (Mirtá) as a Morpheme in the Word-Formation of the Persian Language. 62

DISCOURSE ANALYSIS AND PRAGMALINGUISTICS

Kasymova O. P., Lebedeva A. V. Current Processes in Modern Cosmetology Discourse 70

Lantukh M. S., Minina E. I. Linguistic Markers of Conflict Resolution and Irresolution in Dramatic Discourse (Based on Russian Plays of the Second Half of the 20th Century) 77

Sadovnikov S. A., Efimova E. V., Krasikova O. G. Appeal to the Viewer's Conceptual Sphere as a Device of Speech Aggression in the Program "Vesti Nedeli" 86

Sverdlova N. A., Mariasova E. P., Cherkashin E. A. A Model for Organizing the Discursive Space of a Scientific Article Using Prompt Strategies 93

HISTORICAL LEXICOLOGY, ETYMOLOGY

Dvorkina A. A., Pitina S. A. Comparative Etymology of the Russian Lexeme "страх" and the English "Fear" 103

APPLIED AND COMPUTATIONAL LINGUISTICS, AUTOMATIC TEXT PROCESSING

Zinoveva A. Yu., Sheremetyeva S. O. Contextual Factors in Sentiment Analysis 110

Kolbin P. A., Golovanova E. I. Problem of Modeling a Dictionary Entry of a Comprehensive Educational Dictionary of Aviation Terminology 119

TRANSLATION AND TRANSLATION STUDIES

Ismagilova F. G., Melnik S. V. Qur'anic Allusions in the Prose of Mahmoud Darwish and Their Rendering in English Translation 128

GENERAL LINGUISTICS, HISTORY OF LINGUISTIC IDEAS

Turbina O. A. Medieval Conceptualism and Modern Linguistics: the History of Ideas 136

BILINGUALISM

Khamidullaev Kh. F., Turamuratova I. I. Homo Bilinguis: Variability as a Key Feature of a Bilingual Person's Linguistic Experience. 146

ФРАЗЕОЛОГИЯ, ИДИОМАТИКА И МЕТАФОРИКА
PHRASEOLOGY, IDIOMS AND METAPHORS

Вестник Челябинского государственного университета. 2026. № 5 (511). С. 7–15.
Bulletin of Chelyabinsk State University. 2026;(5(511):7-15.

Научная статья

УДК 811.512.156

DOI: 10.47475/1994-2796-2026-511-5-7-15

СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ РУССКИХ И ТУВИНСКИХ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ С КОНЦЕПТУАЛЬНЫМ КОМПОНЕНТОМ «ТРУД»

Галия Спартаковна Асадулина[1], Александра Аркадьевна Ким[2]

[1] Томский государственный педагогический университет, Томский индустриальный техникум, Томск, Россия, asadulinags@tomintech.ru, 0009-0005-9704-1208

[2] Томский государственный педагогический университет, Томск, Россия, kimaa@tspu.ru, 000-0002-8829-6760

Аннотация. В статье сопоставляются русские и тувинские фразеологизмы с концептуальным компонентом «труд». Рассматриваются основные критерии сопоставления в контрастивной лингвистике (установление фразеологических соответствий, семное описание значений, семантическое описание контрастивных пар, выявление национально-специфических компонентов, дифференциальная семантизация, дифференциальное толкование), которые применяются для анализа отобранного материала. Объект исследования — 59 тувинских и 220 русских фразеологизмов. Предмет исследования — когнитивные аспекты сопоставления. В качестве лингвокультурологической единицы выбран концепт, позволяющий учитывать такие полюсы, как положительное (старание, упорство), так и негативное (лень) понимание труда. Определяются лексемные компоненты, описывающие отношение к труду, как средства выражения коннотаций. Особое внимание уделялось образности фразеологии. В результате исследования выявляются фразеологические соответствия как полные эквиваленты, так и частичные. При смысловом совпадении отмечается отличие внутренней формы. Доказывается влияние культурно-исторических факторов на формирование фразеологических единиц и взаимосвязь оценочных коннотаций и национальной специфики народа. Культурные коннотации в основном представлены фразеологизмами с лексемами *труд, работа, лень, знания* и *опыт*. В обоих языках имеются фразеологизмы с анатомической лексикой. Как правило, такие единицы имеют метафорическое значение. Все объяснительные переводы с тувинского языка представлены в авторском варианте составителя словаря Я. Ш. Хертека и авторов сборника тувинских пословиц и поговорок Хадаханэ М. и Саган-оол О. В качестве материала рассматривались фразеологические единицы в широком плане, т.е. включались паремии. Семантический анализ позволил определить наиболее часто употребляемые семы в сопоставляемых единицах. Подчеркивается, что для исследования группы фразеологизмов о мастере без продуктов своего труда соответствий в тувинском языке не выявлено.

Ключевые слова: сопоставительный анализ, фразеология, тувинский язык, концепт, контрастивная лингвистика, коннотации

Для цитирования: Асадулина Г. С., Ким А. А. Сопоставительный анализ русских и тувинских фразеологизмов с концептуальным компонентом «труд» // Вестник Челябинского государственного университета. 2026. № 5 (511). С. 7–15. DOI: 10.47475/1994-2796-2026-511-5-7-15.

Original article

COMPARATIVE ANALYSIS OF RUSSIAN AND TUVAN PHRASEOLOGICAL UNITS WITH THE CONCEPT OF “LABOR”

Galia S. Asadulina[1], Alexandra A. Kim[2]

[1] Tomsk State Pedagogical University, Tomsk Industrial College, Tomsk, Russia, asadulinags@tomintech.ru, ORCID 0009-0005-9704-1208

[2] Tomsk State Pedagogical University, Tomsk, Russia, kimaa@tspu.ru, 000-0002-8829-6760

© Асадулина Г. С., Ким А. А., 2026

Abstract. The article compares Russian and Tuvan phraseological units with the concept of "labor". The main criteria of comparison in contrastive linguistics are considered (establishment of phraseological correspondences, semantic description of meanings, semantic description of contrastive pairs, identification of nationally specific components, differential semantics, differential interpretation), which are used to analyze the selected material. The object of the study is 59 Tuvan and 220 Russian phraseological units. The subject of the study is the cognitive aspects of the comparison. As a linguistic and cultural unit, a concept has been chosen that allows taking into account such poles as a positive (diligence, perseverance) and a negative (laziness) understanding of work. Lexeme components describing the attitude to work as a means of expressing connotations are defined. Special attention was paid to the imagery of phraseology. As a result of the research, phraseological correspondences are revealed, both full and partial equivalents. In case of semantic coincidence, the difference in the internal form is noted. The influence of cultural and historical factors on the formation of phraseological units and the relationship of evaluative connotations and national specifics of the people is proved. Cultural connotations are mainly represented by phraseological units with the lexemes *labor, work, laziness, knowledge* and *experience*. Both languages have phraseological units with anatomical vocabulary. As a rule, such units have a metaphorical meaning. All explanatory translations from the Tuvan language are presented in the author's version by the compiler of the dictionary Ya. Sh. Hertek and the authors of the collection of Tuvan proverbs and sayings Hadakhane M. and Sagan-ool O. Phraseological units were considered as a material in a broad sense, i.e. paroemias were included. Semantic analysis made it possible to determine the most frequently used semes in the compared units. It is emphasized that for the study of a group of phraseological units about a master without the products of his work, no correspondences have been revealed in the Tuvan language.

Keywords: comparative analysis, phraseology, Tuvan language, concept, contrastive linguistics, connotations

For citation: Asadulina GS, Kim AA. Comparative Analysis of Russian and Tuvan Phraseological Units with the Conceptual Component "Labor". *Bulletin of Chelyabinsk State University.* 2026;(5(511):7-15. (In Russ.). DOI: 10.47475/1994-2796-2026-511-5-7-15.

Введение

Язык как носитель информации, богат многообразием форм отражения действительности. Опыт народа, выраженный различными языковыми средствами, позволяет использовать их в современной речи в контексте какой-либо ситуации. Несмотря на архаичность некоторых понятий, входящих в состав фразеологической единицы (далее ФЕ), смысл ее ясен и точно описывает отношение говорящего к данной ситуации. Любой народ в своем историческом развитии переживал взлеты и падения, войны и пандемии. ФЕ зачастую выражают не только менталитет и культуру народа, но и его мудрость и философское отношение к жизни.

Данное исследование актуально, поскольку сравнительный анализ русских и тувинских фразеологизмов с концептуальным компонентом «труд» до настоящего времени не был предметом специальных научных исследований.

Цель данного исследования — проведение сопоставительного анализа русских и тувинских фразеологизмов с концептом «труд». Основные задачи: 1) определить фразеологический материал для исследования и методы сопоставительного анализа; 2) выявить сходства и различия ФЕ в сопоставляемых языках; 3) описать влияние культурных, исторических и социальных факторов на формирование и употребление фразеологических единиц.

Новизна работы заключается в демонстрации применения контрастивной методики к фразеологическим единицам с концептом «труд».

Теоретическая значимость состоит в установлении семантических совпадений и различий русских и тувинских фразеологизмов с концептуальным компонентом «труд», а также выявлении национальной специфики семантики ФЕ двух языков.

Практическая значимость исследования заключается в использовании представленных теоретических материалов в лекционных курсах по межкультурной коммуникации, сопоставительному языкознанию, фразеологии современного тувинского языка.

Материал и методы исследования

Материалом для исследования послужили 220 русских фразеологизмов, отобранных путем сплошной выборки из фразеологического словаря русского литературного языка А. И. Федорова[1], большого фразеологического словаря русского языка И. С. Брилевой[2], большого фразеологического словаря русского

[1] Федоров А. И. Фразеологический словарь русского литературного языка. М. : Астрель : АСТ, 2008. 878 с.

[2] Брилева И. С. Большой фразеологический словарь русского языка: значение, употребление, культурологический комментарий / под ред. В. Н. Телия. М. : АСТ-Пресс Книга, 2006. 781 с.

языка В. Н. Телия[1] и 59 тувинских фразеологизмов из тувинско-русского фразеологического словаря Я. Ш. Хертека[2]. Основанием для отбора семантических групп послужили данные толковых словарей. В данном исследовании апробирован контрастивный метод анализа.

Вслед за В. В. Виноградовым будем считать ФЕ особой семантической категорией, элементы которой «не могут быть отделены друг от друга и от формы их взаимной связи» [5, с. 121]. Фразеология, применимая в конкретной ситуации, отражает отношение говорящего к этой ситуации. Исследуя ФЕ в составе языковой картины мира, ученые отмечают схожесть взглядов людей, вне зависимости от их языковой принадлежности. Данное направление очень актуально, и работы многих ученых-лингвистов посвящены этой проблеме. Большой вклад в развитие отечественного сопоставительного языкознания внесли А. А. Потебня, Ф. Е. Корш, Е. Д. Поливанов, В. А. Богородицкий, И. А. Бодуэн де Куртенэ, Л. В. Щерба, А. И. Смирницкий, В. Н. Ярцева, В. Д. Аракин и др.

В данной работе целесообразно использовать контрастивное исследование, основной целью которого, по мнению И. А. Стернина, является автоматическое выявление различий и сходств «в семантике и функциях единицы одного языка в сравнении с её возможными соответствиями в другом языке» [12, с. 16]. Ключевым понятием контрастивной лингвистики является критерий сопоставления. С. Г. Климченко выделяет три основных критерия сопоставления: семантический, грамматический и определение эквивалентности (семантической — через сопоставление значений слов, словосочетаний, предложений и прагматической (функциональной) через сопоставление функций текстов, структуры дискурса, стилистических свойств слов). Ученый предлагает осуществлять контрастивное описание языков на всех уровнях языковой структуры, в том числе и фразеологическом [8, с. 50–53].

Л. И. Зимина считает, что основу контрастивной фразеологии составляет сравнение фразеологических единиц разных языков по их семному описанию, а различие семантических компонентов сравниваемых ФЕ определяет национальную специфику семантики [6, с. 143]. С. Н. Малыхина придает большое значение использованию данных контрастивной фразеологии при переводе, отмечая как связь компонентного состава и семантики ФЕ, так и ее значение для сопоставительного анализа. Ученый указывает на сложности нахождения эквивалентных ФЕ с аналогичными ассоциациями, зачастую отражающими особенности этнического быта народа [10, с. 85–86].

Р. М. Бикмухаметова, прежде всего, выделяет образность фразеологии, считая, что фразеологизмы возникают в языке именно на основе образного представления, а национально-культурный принцип является основной частью структурного фразеологического значения [4, с. 8]. Еще в 1996 г. В. Н. Телия пишет, что если фразеология обладает культурно-национальной спецификой, то она должна воплощаться в образном основании, включающим в себя культурно-маркированные реалии, а способом указания на эту специфику является его интерпретация. Изучением национальной специфики семантики занимается лингвокультурология, а интерпретация фразеологии представляет собой содержание культурно-национальной коннотации, понятие которой является базовым для лингвокультурологии. Описание культурно-национальной коннотации фразеологизмов должно быть связано с обсуждением проблемы взаимоотношения языка и культуры как двух семиотических систем [13, с. 215–216, 228].

Основной единицей лингвокультурологии является концепт. В начале XX в. С. А. Аскольдов определил понятие концепта как ментального образования, которое в процессе мышления выступает заменителем для целой группы предметов, принадлежащих к одному и тому же виду [3, с. 31]. Проведя глубокое исследование понятия «концепт», предлагаемого разными учеными, В. А. Маслова определяет его как минимальную единицу человеческого опыта, имеющую подвижные границы и определенные функции для обработки, хранения и передачи знаний. Ученый отмечает его социальность и прагматичность, считая концепт «основной ячейкой культуры» [11, с. 35]. Средства фразеологии демонстрируют большое национальное своеобразие концептов. Культура описывается в языке через концепты, являющиеся определенным набором национальных и культурно-этических понятий, исследование которых помогает понять культурную специфику изучаемого народа [15, с. 8–9].

М. Айчичек рассматривает основные компоненты концепта: образ, информационное содержание

[1] Телия В. Н. Большой фразеологический словарь русского языка. М. : АСТ-Пресс. 2006. URL: https://rus-phrase-dict.slovaronline.com/ (дата обращения 07.10.2024).

[2] Хертек Я. Ш. Тувинско-русский фразеологический словарь: свыше 1500 фразеологизмов. Кызыл : Тувин. кн. изд-во, 1975. 205 с.

и информационное поле, считая их основными в когнитивной лингвистике. Ученый отмечает, что если одни и те же концепты наблюдаются у разных языковых групп, то они составляют мировую концептосферу [1, с. 7–8].

Слово «труд» и выражаемое им понятие входит в разряд базовых концептов основы человеческой деятельности. С. И. Ожегов определяет *труд* как целесообразную деятельность человека, работу, занятие, выделяя результат деятельности, привитие умения и навыков[1]. В. И. Даль трактует *труд* как работу и ее последствия, занятие, требующее усилий, в том числе и умственных, а также старанье и все, что утомляет[2], поэтому лексемы, отобранные для исследования, отражают такие понятия, как труд, лень, пустословие, знания, опыт, результат труда, терпение, поспешность, совместная работа. Проведенное ранее исследование показало превалирование ФЕ о труде и лени в русском языке и их активное использование в разговорной лексике, в том числе и современной молодежью [2, с. 107].

О. В. Ломакина, проведя фронтальный анализ паремиологического фонда тувинского языка, отмечает количественное преобладание тувинских пословиц о труде, характеризующих его как ценность и добродетель, имеющие важное значение в жизни человека, а также зависимость материального благополучия от труда [9, с. 11]. Поэтому в данной статье наряду с ФЕ будут рассмотрены и некоторые тувинские и русские пословицы.

Л. И. Зимина предлагает семь этапов контрастивного анализа семантики ФЕ: выделение исходной группировки ФЕ, установление фразеологических соответствий, семное описание значений ФЕ в сопоставляемых языках, семантическое описание контрастивных пар, выявление национально-специфических компонентов, дифференциальная семантизация ФЕ, дифференциальное толкование [7, с. 12]. Воспользуемся данным алгоритмом для проведения собственного анализа русских и тувинских ФЕ с концептом «труд».

Результаты и обсуждение

Результаты исследования поэтапно показывают следующее.

Из доступных источников было выделено русских ФЕ в 3,7 раза больше, чем тувинских.

Фразеологические соответствия можно обнаружить как непосредственно среди самих ФЕ, так и паремий, например:

1. Полный фразеологический эквивалент: тувинскому фразеологизму *алдын холдуг* (букв. с золотыми руками)[3] полностью соответствует русское выражение *золотые руки*, так как оба обозначают искусного, умелого человека; *баш көдурбес* (букв. не поднимать голову)[4] соответствует *не поднимая головы*, что значит *работать не отвлекаясь ни на что.*

2. Частичный фразеологический эквивалент: тувинскому *беш медерел-биле билир* (букв. знать пятью сознаниями)[5] соответствует русское *семи пядей во лбу* в значении «очень умный человек». Отличительными чертами будут количественные показатели, а также в тувинском языке знание выражается количеством сознаний (пять видов чувств связаны с традиционным буддизмом), а в русском — размерами лба (число семь в русской фразеологии означает «много», в данном примере много пядей, значит «большой»). *Аас-биле бүдүрер* (букв. делать ртом (языком))[6] — *работать только языком* означает делать что-то на словах. Отличие только на лексическом уровне (рот — язык). *Кырган аът орук часпас* (букв. старый конь не собьётся с пути [16, с. 52–53]) — *Старый конь борозды не портит*. Отличительные черты — путь и борозда. В последней паре предназначение коня в тувинской пословице для передвижения, а в русской — для фермерства.

3. Фразеологические аналоги: *Бак кежи уштунгуже* (букв. так, чтоб вылезла плохая кожа)[7] отражает русское значение *до седьмого пота*; тувинской паремии *Далашкан күске сүтке дүжер* (Торопливая мышь в молоке утонет) [16, с. 138–139] соответствует русская пословица *Поспешишь — людей насмешишь.* Смысл совпадает, но видно полное отличие внутренней формы: кожа — это наружный покров тела (орган), а пот – жидкость, из него выделяющаяся; в тувинской пословице описаны последствия спешки для мыши, в русской – для человека.

Семные описания значений ФЕ в сопоставляемых языках рассмотрим на примере ФЕ, отражающих отношение к труду:

[1] Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка: около 100 000 слов, терминов и фразеологических выражений / С. И. Ожегов; под. ред. проф. Л. И. Скворцова. 27-е изд. М. : Астрель, 2011. С. 1196.

[2] Даль В. И. Толковый словарь русского языка. Современное написание. М. : Астрель : АСТ, 2001. С. 864.

[3] Хертек Я. Ш. Тувинско-русский фразеологический словарь. С. 36.

[4] Там же. С. 64.

[5] Там же. С. 66.

[6] Там же С. 16.

[7] Там же. С. 61.

ФЕ со значением ‘трудолюбивый человек’ в русском языке: *в поте лица (работать), до седьмого пота, лезть из кожи вон, как ломовая лошадь, не за страх, а за совесть, не поднимать головы, не разгибать спины, работать с огоньком, рабочая лошадка, разбиться в лепёшку, свернуть горы.* В тувинском языке: *бак кежи уштунгуже* — до седьмого пота (букв. так, чтобы вылезла плохая кожа), *балдыр сыкпас* — работать без передышки (букв. не сгибать коленный сустав)[1], *баш көдурбес* — не покладая рук (букв. не поднимать голову)[2], *дылын уштуптар* — устать, выбиться из сил (от дел, движения) (букв. язык свой высунуть)[3], *карак кызыл* — упорный, настойчивый, рьяный, старательный, самоотверженный (букв. глаз красный)[4].

В обоих языках трудолюбивый человек соотносится как с изнурительным трудом, так и с упорством и желанием работать. Русские ФЕ представлены анатомической лексикой, артефактами и природными объектами, тувинские — только анатомической лексикой.

ФЕ со значением ‘ленивый человек’ в русском языке: *бить баклуши, валять Ваньку (дурака), груши околачивать, ловить мух, палец (пальцем) о палец не ударить, пальцем не пошевелить (не шевельнуть), плевать в потолок, руки в брюки, сидеть на шее, сидеть сложа руки, спустя рукава, считать ворон.* В тувинском языке: *дириг тулуп* — глупец, дармоед (букв. живой мешок)[5], *ийи холдаар* — делать что-либо кое-как (букв. двумя руками (делать))[6], *мойнунга олурар* — находиться на чьем-либо иждивении, будучи здоровым и трудоспособным (букв. сидеть на его шее)[7], *салаа бажы-биле ажылдаар* — работать с прохладцей (букв. работать кончиками пальцев)[8].

Образ ленивого человека в обоих языках представлен ФЕ, описывающими бездействие или халатное отношение к труду. Русские и тувинские ФЕ представлены анатомической лексикой и артефактами.

Все представленные примеры говорят о положительном или отрицательном отношении к труду.

Семантический анализ ФЕ и паремий, определяющих категорию труда и лени, показал, что в тувинской фразеологии чаще всего используются слова: *кижи* (человек), *чок* (отрицательная частица *нет*) и *тодар* (наедаться, насыщаться, становиться сытым), *чалгаа* (лень), *четпес* (отрицание, недостаточно), *чокта* (подниматься, идти вверх), *херек* (дело)[9]; в русской фразеологии чаще встречаются такие понятия, как *труд, руки, работа, работать, палец.*

Национально-специфические компоненты в тувинских ФЕ представлены лексемами, определяющими прежний кочевой образ жизни тувинского народа. Часто встречаются такие лексемы, как *лошадь, мешок, жеребенок, юрта, кожа,* например, *Атының чымчаа идээзинде, аъттың ээзинде* — Мягкость кожи зависит от выделки, справность коня — от хозяина [16, с. 72–73]. Национальная специфика проявляется и в русских ФЕ, отражающих быт, традиции, род занятий и т. д. русского народа, например, *лежать на печи, не лаптем щи хлебать, бить баклуши.* Лексемы *щи, лапти, печка, баклуши,* входящие в состав этих ФЕ, отсутствуют в тувинском языке.

Следует отметить, что оценочные коннотации тоже зависят от национальной специфики народа. Так, например, *дириг тулуп* — глупец, дармоед (букв. живой мешок)[10] ассоциируется у тувинского народа с чем-то бесформенным и бесполезным, в русском же языке понятие «дармоед» мотивируется входящими в него словами «даром» и «есть», то есть даром ест хлеб, что определяет ленивого человека. Относящиеся к этому понятию русские ФЕ в большей степени связаны с бесполезным времяпровождением, например, *считать ворон, лежать на боку, валять Ваньку.*

Дифференциальная семантизация на примере понятия ‘лентяй’ (в тувинском языке слово *чалгааранчыг* имеет несколько значений — *лентяй, скучный*).

Из табл. 1 видно, что полные эквивалентные соответствия есть в трех компонентах из четырех. В русском языке понятие ‘лентяй’ в большей степени используется для обозначения ленивого человека, в тувинском же — человека скучного, неинтересного, с ироничным оттенком.

[1] Там же. С. 61.

[2] Там же. С. 64.

[3] Там же. С. 85.

[4] Там же. С. 102.

[5] Хертек Я. Ш. Тувинско-русский фразеологический словарь. С. 74.

[6] Там же. С. 91.

[7] Там же. С. 123.

[8] Там же. С. 140.

[9] Тенишев Э. Р. Тувинско-русский словарь: около 22 000 слов / под ред. Тенишева Э. Р. М. : Советская энциклопедия, 1968. С. 239, 537, 414, 530, 538, 475.

[10] Хертек Я. Ш. Тувинско-русский фразеологический словарь. С. 74.

Таблица 1
Table 1

Эквивалентность слов «лентяй» и «чалгааранчыг»

Лентяй	*чалгааранчыг*	*Тип соответствия*
черта характера	черта характера	экв.
Неодобрение	неодобрение	экв.
–	иронич.	без экв.
действия без результата	действия без результата	экв.

Дифференциальное толкование можно представить следующими примерами:

балдыр сыкпас — букв. не сгибать коленный сустав. 1) связанный с постоянным движением (например, о работе) 2) подвижный, энергичный (о человеке); 3) работать без передышки[1]; описание того, что человек так много работает, что присесть некогда.

не разгибать спины, не разгибая спины — трудиться долго, упорно; без отдыха, без перерыва, долго и напряжённо (работать); описание дается как разговорное с экспрессивным оттенком (работает много, некогда спину выпрямить).

адаа аар — медлительный, неповоротливый (букв. низ его тяжелый) 1) медлительный, неповоротливый (сравнивается с русским ФЕ тяжелый на подъем) 2) беременная[2]; выражает насмешку над ленивым человеком.

тяжелый на подъем — 1) с трудом поднимающийся с места, с неохотой пускающийся в путь, любящий сидеть на одном месте; 2) неохотно, с трудом, медлительно принимающийся за работу, ленивый[3]; описание дается как разговорное с переносным значением.

дылын уштуптар — устать, выбиться из сил (от дел, движения) (букв. язык свой высунуть)[4] сравнивается с русским ФЕ язык на плече; ироничное описание усталости и излишнего усердия.

язык на плече у кого. Кто-либо сильно устал, очень утомился[5]; описание дается как разговорное с ироничным значением.

В тувинском языке больше всего фразеологизмов встречается о труде и лени, о знании и опыте, однако соответствий группе «Мастер без продуктов своего труда» в тувинском языке не выявлено. В русском же языке к этой группе ФЕ можно отнести *сапожник без сапог, портной без кафтана, кузнец без топора, плотник без дверей.* Русским ФЕ, отражающим совместную работу *(всем миром, внести лепту, два сапога — пара, лебедь, рак и щука, руку приложить, чувство локтя)*, можно сопоставить только тувинскую пословицу *Демниг сааскан теве тудуп чиир* — Дружные сороки верблюда одолеют [14, с. 62–63].

Заключение

Проведенный сопоставительный анализ тувинских и русских ФЕ и паремий с концептом «труд» выявил как семантические совпадения фразеологизмов, так и различия. Контрастивная методика, использованная в работе, позволила выявить национальную специфику семантики ФЕ двух языков. Наличие в них национально-специфических компонентов обусловлено, прежде всего, разными историческими путями развития народов. В тувинской фразеологии прослеживается кочевая жизнь и соответствующий ей образ жизни. Население же Древней Руси в большинстве своем проживало в сельской местности большими семьями, ведущими совместное хозяйство. В связи с чем, несмотря на практическое смысловое совпадение, дифференциальное толкование отличается. Следует отметить, что ФЕ как средства выражения коннотаций предлагают многообразие вариантов интерпретации концепта «труд» — это и личное отношение к нему, и оценочное, зачастую ироничное и экспрессивное со стороны наблюдателя. Система оценок, эмоции, убежденность в необходимости праведного труда — это культурные коннотации, которые представляются ФЕ с лексемами *труд, работа, лень, знания и опыт*, выраженных как анатомической лексикой — *спина, голова, рот, язык, пальцы, лоб, кожа*, так и семами, имеющими метафорическое значение – к*онь, лошадь (лошадка), мышь, мешок.*

[1] Хертек Я. Ш. Тувинско-русский фразеологический словарь. С. 61.

[2] Там же. С. 18.

[3] Ушаков Д. Н. Толковый словарь русского языка / под редакцией Д. Н. Ушакова (1935–1940). URL: https://feb-web.ru/feb/ushakov/ush-abc/default.asp (дата обращения: 03.10.2024).

[4] Хертек Я. Ш. Тувинско-русский фразеологический словарь. С. 85.

[5] Федоров А. И. Фразеологический словарь русского литературного языка. М. : Астрель : АСТ, 2008. С. 768.

Список источников

1. Айчичек М. Репрезентация концепта вода во фразеологической картине мира (на материле русского, турецкого и английского языков): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Уфа, 2012. 22 с. URL: https://www.dissercat.com/content/reprezentatsiya-kontsepta-voda-vo-frazeologicheskoi-kartine-mira/read (дата обращения: 12.10.2024).

2. Асадулина Г. С. Фразеологическая картина мира обучающихся в системе среднего профессионального образования: лингвокогнитивное исследование // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2024. Вып. 4 (234). С. 103–110. https://doi.org/10.23951/1609-624X-2024-4-103-110

3. Аскольдов С. А. Концепт и слово. Сборник «Русская речь» серия II под ред. проф. Л. В. Щерба. Ленинград : Academia, 1928. 84 с.

4. Бикмухаметова Р. М. Контрастивное исследование русской и башкирской фразеологии (на материале концептуальной сферы «жизнь» и «смерть») : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Уфа, 2015. 22 с. URL: https://www.dissercat.com/content/kontrastivnoe-issledovanie-russkoi-i-bashkirskoi-frazeologii-na-materiale-kontseptualnoi-sfe/read (дата обращения: 16.10.2024).

5. Виноградов В. В. Лексикология и лексикография. Избранные труды. М : Наука, 1977. 318 с.

6. Зимина Л. И. Контрастивная фразеография в современной лингвистике // Ярославский педагогический вестник. 2012. Т. 1. № 2. С. 142–146. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/kontrastivnaya-frazeografiya-v-sovremennoy-lingvistike/viewer (дата обращения: 16.10.2024).

7. Зимина Л. И. Национальная специфика фразеологической семантики (на материале фразеологизмов с наименованиями частей лица в немецком и русском языках): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2007. 22 с. URL: https://www.dissercat.com/content/natsionalnaya-spetsifika-frazeologicheskoi-semantiki-na-materiale-frazeologizmov-s-naimenova/read (дата обращения: 18.10.2024).

8. Климченко С. Г. Контрастивные исследования в контексте сопоставительного языкознания. Лингвистика, лингводидактика, лингвокультурология: актуальные вопросы и перспективы развития // Материалы II Междунар. науч.-практ. конф. Минск : Изд. центр БГУ, 2018. С. 49–54. URL: https://elib.bsu.by/handle/123456789/193997 (дата обращения: 20.10.2024).

9. Ломакина О. В. Тувинская паремиология: лингвокультурологический и лингвоаксиологический потенциал // Новые исследования Тувы. 2022, № 1. С. 6–16. DOI: https://www.doi.org/10.25178/nit.2022.1.1

10. Малыхина С. Н. Использование данных контрастивной фразеологии при переводе // Вестник Воронежского государственного университета. 2005. № 1. С. 84–88. URL: http://www.vestnik.vsu.ru/pdf/lingvo/2005/01/malyhina.pdf (дата обращения: 26.10.2024).

11. Маслова В. А. Когнитивная лингвистика: учебное пособие / В. А. Маслова. Мн.: ТнтраСистемс, 2004. 256 с.

12. Стернин И. А. Контрастивная лингвистика. Проблемы теории и методики исследования. М. : Восток-Запад, 2006. 206 с.

13. Телия В. Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М. : Школа «Языки русской культуры», 1996. 288 с.

14. Хадаханэ М., Саган-оол О. Тувинские пословицы и поговорки. Кызыл: Тувин. кн. изд-во, 1966. 175 с.

15. Чжан Мянь. Репрезентация концепта «гостеприимство/好客» в русской и китайской лингвокультурах: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Уфа, 2017. 26 с. URL: https://www.dissercat.com/content/reprezentatsiya-kontsepta-gostepriimstvo-v-russkoi-i-kitaiskoi-lingvokulturakh/read (дата обращения: 23.10.2024).

References

1. Ajchichek M. Reprezentaciya koncepta voda vo frazeologicheskoj kartine mira (na materila russkogo, tureckogo i anglijskogo yazykov) = Representation of the concept of water in the phraseological picture of the world (in Russian, Turkish and English). Abstract. Ufa; 2012. 22 p. Available from: URL: https://www.dissercat.com/content/reprezentatsiya-kontsepta-voda-vo-frazeologicheskoi-kartine-mira/read (accessed 12.10.2024). (In Russ.).

2. Asadulina GS. Frazeologicheskaya kartina mira obuchayushchihsya v sisteme srednego professional'nogo obrazovaniya: lingvokognitivnoe issledovanie = Phraseological picture of the world of students in the system of secondary vocational education: linguistic and cognitive research. *Bulletin of the Tomsk State Pedagogical University.* 2024;4(234):103-110. Available from: https://doi.org/10.23951/1609-624X-2024-4-103-110 (In Russ.).

3. Askol'dov SA. Koncept i slovo. Sbornik «Russkaya rech'» = The concept and the word. Collection of "Russian speech". Series II. Edited by prof. LV Shcherba. Leningrad; 1928. 84 p. (In Russ.).

4. Bikmuhametova RM. Kontrastivnoe issledovanie russkoj i bashkirskoj frazeologii (na materiale konceptual'noj sfery «zhizn'» i «smert'» = A contrastive study of Russian and Bashkir phraseology (based on the material of the conceptual sphere of "life" and "death". Abstract. Ufa; 2015. 22 p. Available from: https://www.dissercat.com/content/kontrastivnoe-issledovanie-russkoi-i-bashkirskoi-frazeologii-na-materiale-kontseptualnoi-sfe/read (accessed 16.10.2024). (In Russ.).

5. Vinogradov VV. Leksikologiya i leksikografiya. Izbrannye trudy = Lexicology and lexicography. Selected works. Moscow; 1977. 318 p. (In Russ.).

6. Zimina LI. Kontrastivnaya frazeografiya v sovremennoj lingvistike = Contrastive phraseography in modern linguistics. *Bulletin of Yaroslavl Pedagogical State University.* 2012;1(2):142-146. Available from: https://cyberleninka.ru/article/n/kontrastivnaya-frazeografiya-v-sovremennoy-lingvistike/viewer (accessed: 16.10.2024). (In Russ.).

7. Zimina LI. Nacional'naya specifika frazeologicheskoj semantiki (na materiale frazeologizmov s naimenovaniyami chastej lica v nemeckom i russkom yazykah) = National specifics of phraseological semantics (based on the material of phraseological units with names of parts of the face in German and Russian). Abstract. Voronezh; 2007. 22 p. Available from: https://www.dissercat.com/content/natsionalnaya-spetsifika-frazeologicheskoi-semantiki-na-materiale-frazeologizmov-s-naimenova/read (accessed: 18.10.2024). (In Russ.).

8. Klimchenko SG. Kontrastivnye issledovaniya v kontekste sopostavitel'nogo yazykoznaniya. Lingvistika, lingvodidaktika, lingvokul'turologiya: aktual'nye voprosy i perspektivy razvitiya: sbornik materialov konferencii = Contrastive studies in the context of comparative linguistics. Linguistics, linguodidactics, linguoculturology: current issues and development prospects. Minsk; 2018. Pp. 49–54. Available from: https://elib.bsu.by/handle/123456789/193997 (Accessed: 24.10.2024). (In Russ.).

9. Lomakina OV. Tuvinskaya paremiologiya: lingvokul'turologicheskij i lingvoaksiologicheskij potencial = Tuvan Paremiology: linguocultural and linguoaxiological potential. *New studies of Tuva*. 2022;(1):6-16. Available from: DOI: https://www.doi.org/10.25178/nit.2022.1.1 (In Russ.).

10. Malyhina SN. Ispol'zovanie dannyh kontrastivnoj frazeologii pri perevode = The use of contrastive phraseology data in translation. *Bulletin of the Voronezh State University.* 2005;(1):84-88. Available from: http://www.vestnik.vsu.ru/pdf/lingvo/2005/01/malyhina.pdf (accessed: 26.10.2024). (In Russ.).

11. Maslova VA. Kognitivnaya lingvistika: uchebnoe posobie = Cognitive Linguistics: a textbook. Minsk; 2004. 256 p. (In Russ.).

12. Sternin IA. Kontrastivnaya lingvistika. Problemy teorii i metodiki issledovaniya = Contrastive linguistics. Problems of theory and methodology of research. Moscow; 2006. 206 p.

13. Teliya VN. Russkaya frazeologiya. Semanticheskij, pragmaticheskij i lingvokul'turologicheskij aspekty = Russian phraseology. Semantic, pragmatic and linguocultural aspects. Moscow; 1996. 288 p.(In Russ.).

14. Hadahane M, Sagan-ool O. Tuvinskie poslovicy i pogovorki = Tuvan proverbs and sayings. Kyzyl; 1966. 175 p.

15. Chzhan Myan' Reprezentaciya koncepta «gostepriimstvo/好客» v russkoj i kitajskoj lingvokul›turah = Representation of the concept of «hospitality/ 好客" in Russian and Chinese linguistic cultures. Abstract. Ufa; 2017. 26 p. Available from: https://www.dissercat.com/content/reprezentatsiya-kontsepta-gostepriimstvo-v-russkoi-i-kitaiskoi-lingvokulturakh/read (accessed 23.10.2024). (In Russ.).

Информация об авторах

Г. С. Асадулина — аспирант кафедры языков народов Сибири, преподаватель кафедры деловой коммуникации на русском и иностранных языках (Томский государственный педагогический университет), преподаватель (Томский индустриальный техникум).

А. А. Ким — доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры английской филологии и межкультурной коммуникации; научный руководитель.

Information about the authors

G. S. Asadulina — Postgraduate student of the Department of Languages of the Peoples of Siberia, lecturer of the Department of Business Communication in Russian and Foreign Languages (Tomsk State Pedagogical University), teacher (Tomsk Industrial College).

A. A. Kim — Dr. Sci. (Philology), Associate Professor, Professor of the Department of English Philology and Intercultural Communication; scientific supervisor.

Статья поступила в редакцию 18.11.2024; одобрена после рецензирования 19.03.2025; принята к публикации 22.05.2026.

The article was submitted 18.11.2024; approved after reviewing 19.03.2025; accepted for publication 22.05.2026.

Вклад авторов: оба автора сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.
Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

The authors declare no conflicts of interests.
Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

Вестник Челябинского государственного университета. 2026. № 5 (511). С. 16–24.
Bulletin of Chelyabinsk State University. 2026;(5(511):16-24.

УДК 81’25:821.161.1

ББК 81.07

DOI: 10.47475/1994-2796-2026-511-5-16-24

СТРАТЕГИЯ ПЕРЕВОДА МЕТАФОР В СБОРНИКЕ О. МАНДЕЛЬШТАМА «КАМЕНЬ» (НА МАТЕРИАЛЕ ЛЕКСЕМ, ОБОЗНАЧАЮЩИХ СОСТОЯНИЕ ВЕЩЕСТВА)

Мария Александровна Духнова

Пермский государственный национальный исследовательский университет, г. Пермь, Россия, mariya.dukhnova@yandex.ru, 0000-0001-6788-1832

Аннотация. В статье анализируется стратегия передачи метафоры в китайском переводе сборника стихов О. Мандельштама «Камень», выполненном Ван Цзяньчжао. Актуальность исследования обусловлена значимостью анализа метафор для понимания художественного мира О. Мандельштама. Особое внимание уделяется лексемам, обозначающим состояние вещества, которые занимают важное место в системе образов сборника и позволяют проследить, каким образом в поэтике Мандельштама осмысляется вещество и как через образы материи передаются процессы становления формы. Цель исследования состоит в анализе способов передачи метафоры в китайском переводе сборника, а также в определении степени сохранения и трансформации исходного метафорического образа в процессе перевода. Материалом исследования послужили тексты сборника «Камень» в его первой редакции 1913 г. и их китайский перевод, выполненный известным китайским переводчиком, специалистом по русской поэзии Ван Цзяньчжао. В ходе исследования выделены лексемы, посредством которых реализуется метафора состояния вещества (всего 37 лексических единиц), при этом под ‘состоянием вещества’ понимаются те лексемы, которые репрезентируют изменчивость, текучесть, сгущение, распад материи, переход к устойчивой форме. Рассматривается система образов вещества в поэтике Мандельштама, после чего на основе сопоставительного анализа оригинала и перевода выявлены основные переводческие стратегии: лексическая замена, конкретизация и локализация образа. Показано, что в китайском переводе абстрактные и переходные состояния вещества нередко преобразуются в более предметные и визуальные образы. Подобные трансформации обусловлены особенностями китайской языковой системы и художественной традиции, что свидетельствует о взаимодействии лингвистических и культурных факторов в процессе перевода поэтического текста.

Ключевые слова: метафора, художественный перевод, Мандельштам, сборник «Камень», переводческие стратегии

Для цитирования: Духнова М. А. Стратегия перевода метафор в сборнике О. Мандельштама «Камень» (на материале лексем, обозначающих состояние вещества) // Вестник Челябинского государственного университета. 2026. № 5 (511). С. 16–24. DOI: 10.47475/1994-2796-2026-511-5-16-24.

Original article

METAPHOR TRANSLATION STRATEGIES IN OSIP MANDELSTAM’S POETRY COLLECTION “STONE”: THE CASE OF LEXICAL UNITS DENOTING STATES OF MATTER

Marya A. Dukhnova

Perm State University, Perm, Russia, mariya.dukhnova@yandex.ru, 0000-0001-6788-1832

Abstract. This article examines the strategies used to render metaphor in Wang Jianzhao’s Chinese translation of Osip Mandelstam’s poetry collection “Stone”. The study is motivated by the importance of lexical analysis for understanding Mandelstam’s poetic worldview, which is largely shaped through a system of images and metaphors. Particular attention is paid to lexical units denoting states of matter, which occupy an important place in the imagery of the collection. These units make it possible to trace how substance is conceptualized in Mandelstam’s poetics and how the processes of emergence, transformation, and formation of form are expressed through images of matter. The aim of the study is to identify the main strategies used to translate these metaphors into Chinese and

© Духнова М. А., 2026

to determine the extent to which the original metaphorical imagery is preserved or transformed in translation. The research material includes the texts of the first edition of Stone (1913) and their Chinese translation by Wang Jianzhao, a well-known Chinese translator and scholar of Russian poetry. In total, 37 lexical units representing metaphors of states of matter were identified. In this study, such lexical units refer to those expressing variability, fluidity, condensation, and disintegration of matter. The analysis combines lexical and comparative approaches to examine the functioning of these metaphors in the original texts and their translation. The results reveal several dominant translation strategies, including lexical substitution, specification, and image localization. The study shows that abstract and transitional states of matter in the original texts are often rendered in Chinese as more concrete and visually defined images. These transformations reflect both the structural features of the Chinese language and the aesthetic principles of Chinese literary tradition, highlighting the interaction of linguistic and cultural factors in the translation of poetic texts.

Keywords: metaphor; translation; Osip Mandelstam; “Stone” poetry collection; translation strategies.

For citation: Dukhnova MA. Metaphor Translation Strategies in Osip Mandelstam’s Poetry Collection Stone: the Case of Lexical Units Denoting States of Matter. *Bulletin of Chelyabinsk State University.* 2026;(5(511):16-24. (In Russ.). DOI: 10.47475/1994-2796-2026-511-5-16-24.

Введение

Поэтический текст представляет особый интерес в контексте перевода, поскольку предполагает передачу не только смыслового содержания текста, но и его образной структуры. Сложность перевода поэтического текста во многом связана с необходимостью сохранения художественных образов, которые формируют индивидуальную картину мира автора — «совокупность организованных особым образом концептов и концептуальных моделей», на основе которых «складываются критерии, нормы и представления, с которыми человек подходит к интерпретации поэтического текста» [12, с. 132].

Поэтический текст отличается особой организацией и метафоричностью. Как отмечает Г. О. Винокур, «поэт как бы ищет и открывает в слове его “ближайшие этимологические значения”, которые для него ценны не своим этимологическим содержанием, а заключенными в них возможностями образного применения» [3, с. 132]. Метафора является одним из важнейших компонентов поэтического текста, характеризуется многозначностью образов, отражает уникальный стиль автора и влияет на восприятие читателя.

Перевод метафор представляет для переводчика сложную задачу, связанную не только с лингвистическими, но и с культурологическими и литературоведческими аспектами. При этом в теории перевода подчеркивается необходимость сохранения образности и функциональной нагрузки метафоры [4; 9]. Задача переводчика при этом — «сохранить гармонию формы и содержания произведения, а значит, “заговорить” на чужом идиостиле, отказавшись от собственных речевых предпочтений» [14, с. 237]. Трансформация метафоры при переходе из одной языковой среды в другую обусловлена не только языковыми средствами выражения, но и различиями в культурных моделях [20, с. 195].

Особый интерес в отношении перевода представляет поэзия О. Э. Мандельштама. В его сборнике «Камень» формируется сложная система художественных образов, которые играют важную роль в поэтике автора. Значимой для анализа представляется метафора состояния вещества, поскольку у Мандельштама она связана с осмыслением таких категорий, как неопределенность бытия и становление формы.

Вопрос системного анализа способов передачи метафоры в китайском переводе сборника «Камень» остается недостаточно разработанным. В центре внимания данной статьи — основные приемы, используемые для передачи при переводе на китайский язык метафор на основе слов, обозначающих состояние вещества. Обращение к данной группе лексики обусловлено тем, что через лексические единицы этого класса можно проследить, каким образом в поэтике сборника осмысляется вещество и как через образы материи передаются процессы становления и структурирования формы.

Итак, объектом исследования является метафора состояния вещества в поэтическом тексте сборника О. Мандельштама «Камень» на русском и китайском языках. Цель исследования — определить способы передачи лексем, отражающих состояние вещества, в китайском переводе сборника «Камень», а также выявить степень трансформации исходной метафоры в переводе текстов сборника.

Актуальность исследования обусловлена необходимостью анализа способов передачи поэтической образности при переводе. В условиях активного развития культурных и научных контактов между Россией и Китаем усиливается обмен

культурными реалиями, возрастает роль перевода как средства межкультурного взаимодействия. Изучение вопроса перевода метафоры позволяет выявить механизмы межкультурного переноса поэтического текста в разных языковых и эстетических традициях. Научная новизна исследования заключается в том, что в нем впервые осуществляется сопоставительный анализ метафоры на основе лексем со значением ‘состояния вещества’ в сборнике Мандельштама «Камень» и в его китайском переводе.

Стратегии перевода метафоры

Передача метафоры при переводе представляет сложную задачу, поскольку метафорический образ формируется в определенной языковой и культурной системе, поэтому переводчик стремится соблюдать «закон сохранения метафоры», предполагающий максимально возможное сохранение исходного образа при переносе текста на другой язык [5, с. 233]. В связи с этим в практике перевода используются различные приемы (стратегии), помогающие сохранить и адаптировать метафору.

Основы теории перевода заложены в работах Л. С. Бархударова [1], С. Ф. Гончаренко [6], Я. Л. Либермана [10], Р. К. Миньяр-Белоручева [13], Я. И. Рецкера [16], А. Д. Швейцера [19], N. Mandelblit [21] и др., однако можно выделить те переводческие трансформации, которые определяются многими учеными как основные, а именно: перестановка, добавление, опущение и замена. При этом в процессе перевода редко используется лишь одна стратегия, зачастую они сочетаются друг с другом, принимая характер сложных, «комплексных» трансформаций [1, с. 190].

Вместе с тем перевод метафоры определяется не только языковыми факторами, но и культурными особенностями языков, поскольку метафоры реализуются «как средство отражения национально-культурных черт» [7, с. 88]. В китайских исследованиях подчеркивается, что перевод представляет собой сложный процесс межкультурного взаимодействия [22]. Отмечается, что в процессе перевода необходимо учитывать языковой аспект, уделять внимание передаче культурного аспекта, а также стремиться воссоздать авторский замысел, опираясь на коммуникативную цель автора оригинала [2, с. 20].

Материалы и методы исследования

Материалом исследования послужили тексты сборника О. Мандельштама «Камень» в его первой редакции 1913 г.[1] (всего 23 стихотворения), а также китайский перевод стихотворений сборника, выполненный переводчиком Ван Цзяньчжао (汪剑钊)[2]. Выбор переводов Ван Цзяньчжао в качестве материала анализа обусловлен его признанным профессиональным статусом в области художественного перевода и литературоведения.

В ходе исследования в текстах сборника «Камень» выделены лексемы, посредством которых реализуется метафора состояния вещества, т. е. обозначение физических состояний вещества, изменение формы или структуры, свойства различных веществ и материалов (всего 37 единиц, при этом 25 уникальных). Отбор осуществлялся на основе сплошной выборки лексем, репрезентирующих состояние, изменение или свойства вещества, с учетом их контекста. Понятие «вещество» обладает широкой семантикой и может включать обозначения различных материальных субстанций — от природных сред до физиологических жидкостей, напитков или минералов[3]. В рамках настоящего исследования к лексемам со значением ‘состояние вещества’ относятся не только слова, описывающие физическое состояние материи в узком смысле, но и единицы, фиксирующие поэтически значимые способы ее представленности: текучесть, сгущение, распад, размытость границ, прозрачность, хрупкость, твердость, структурированность и оформленность. В поэтическом тексте вещество функционирует прежде всего как метафорический способ осмысления становления формы, поэтому в анализ включены как единицы, обозначающие переходные и неустойчивые формы вещества (*туман, муть, пена, пыль, облако* и др.), так и слова, иллюстрирующие образы устойчивой и оформленной материи (*алмаз, стекло, хрусталь, твердь* и др.).

Для каждой выделенной лексемы проводится сопоставительный анализ ее функционирования в русском оригинале и китайском переводе; данный анализ был ориентирован не на формальное соответствие отдельных слов, а на выявление переводческих стратегий, посредством которых передается метафорический образ в китайском тексте. Особое внимание уделяется тому, каким образом изменяется характер представления вещества в русских текстах Мандельштама и в переводах на китайский язык.

[1] Мандельштам О. Камень: стихи. СПб. : АКМЭ, 1913. 37 с.

[2] 汪剑钊译. 我在世纪的心脏：曼德尔施塔姆诗选. 北京：人民文学出版社，2012. 366 页 [Wang Jianzhao, trans. In the Heart of the Century: Selected Poems by Osip Mandelstam. Beijing : People’s Literature Publishing House; 2012. 366 p.].

[3] Бабенко Л. Г. Большой толковый словарь существительных. М. : АСТ-Пресс, 2008. 864 с.

Метафоры на основе лексем со значением ‘состояние вещества’ в сборнике Мандельштама «Камень»

В поэзии Мандельштама метафора носит системный характер. Исследователи творчества поэта отмечают способность метафоры организовывать художественное пространство произведения, ведь метафора у Мандельштама — «это сама ткань стихотворения» [15, с. 50]. В рамках этой метафорической системы важное место занимают образы, связанные с состоянием вещества, при этом «вещество для Мандельштама ценно не в утилитарном отношении, а само по себе, как часть единого мироздания» [8, с. 75].

К лексическим единицам, посредством которых в сборнике «Камень» реализуется метафора состояния вещества, относятся обозначения текучих и размытых состояний (*дымок, млечность, муть, мутный, туман, туманный*), неустойчивых и подвижных форм (*клубиться, облако, песок, пена, пенить, пыль, туча*), физических свойств (*густой, кристаллический, ледяной, прозрачный, сырой, хрупкий*), а также лексемы, передающие устойчивую или твердую форму вещества (*алмаз, стекло, стеклянный, твердыня, твердь, хрусталь*). В совокупности эти единицы образуют систему проявлений состояния вещества, через которую в поэтике сборника осмысляется процесс становления формы.

Вещество в сборнике «Камень» зачастую проявляется как неоформленная или переходная субстанция. Образы *пыли, мути, пены* создают эффект нечеткости границ, размытости очертаний и текучести состояния: *он подымет облако пыли* («Отчего душа — так певуча»); *пускай мгновения стекает муть* («Дыхание»); *ты равнодушно волны пенишь* («Раковина») и др. Таким образом, вещество становится средством выражения нестабильности, пограничного состояния, движения от хаоса к форме и наоборот.

Стоит отметить, что особое место в метафоре состояния вещества занимает образ тумана, представленный лексемами *туман* (6 ед.) и *туманный* (2 ед.). Их повторяемость свидетельствует об их значимости для поэтики сборника «Камень». Образ тумана в поэзии Мандельштама создает атмосферу неопределенности и переходного состояния: *я не мог в тумане осязать* («Образ твой, мучительный и зыбкий»); *впереди густой туман клубится* («Образ твой, мучительный и зыбкий»); *широкий вид в туманное окно* («Казино») и др., тем самым он выступает метафорой состояния материи, находящейся между оформленностью и распадом.

Вещество в поэтике сборника может выступать как первичная, еще не оформленная среда, из которой возникает структура. Показателен в этом отношении контекст *останься пеной, Афродита* («Silentium»), где образ пены соотносится с мифологическим мотивом рождения Афродиты из морской стихии. Пена представляет собой неустойчивое вещество, лишенное четкой формы, однако именно из этой бесформенной материи возникает структура. В этом контексте вещество выступает как начальная фаза бытия, предшествующая возникновению структуры.

В строке *ты равнодушно волны пенишь* («Раковина») образ пены связан с процессом образования вещества в результате движения воды. В этом случае пена появляется как результат действия стихии, но при этом остается кратковременным и неустойчивым веществом. Подчеркивается ее переходный характер: она возникает на границе движения и распада, между оформленной волной и ее исчезновением.

В контексте *наполнишь шепотами пены, туманом, ветром и дождем* («Раковина») образ пены приобретает иное смысловое значение. Здесь вещество оказывается тем элементом, который заполняет возникающую форму. В данном контексте актуализируется двойственная природа вещества: оно выступает и как источник формирования структуры, и как среда, продолжающая существовать внутри структуры.

Наряду с метафорами текучего и переходного вещества в сборнике присутствуют и образы, характеризующие оформленное, структурированное состояние материи: *в ледяных алмазах струится вечности мороз* («Медлительнее снежный улей»); *прозрачнее окна хрусталь* («Медлительнее снежный улей»); *кристаллическая нота, что от рождения чиста* («Silentium»). Подобные образы соотносятся с симметрией, завершенностью формы. Если *туман, пыль* или *муть* выражают состояние неопределенности и становления, то х*русталь, алмаз* и *кристалл* символизируют достигнутую устойчивость и красоту, возникающую из преодоления хаотической расплывчатости. Эти образы объединяет не только представление о твердости и упорядоченности вещества, но и характерная для них прозрачность и способность преломлять свет.

К числу лексем, отражающих устойчивое и оформленное состояние вещества, относятся также *твердыня* и *твердь*. В прямом значении твердыня обозначает укрепленное сооружение, однако в контексте сборника «Камень» связана

с семантикой твердости, устойчивости и предельной оформленности материи. В контексте *твердыня Notre Dame* («Notre Dame») слово используется для обозначения архитектурного сооружения, подчеркивает прочность, массивность и устойчивость структуры. В данном случае вещество осмысляется как материал, достигший максимальной степени оформленности, а кроме того, как символ духовной незыблемости и вечности.

Иное смысловое значение проявляется в строке *твердь умолкла, умерла* («Скудный луч, холодной мерою»), где лексема *твердь* обозначает скорее основу мира. При этом в данном контексте эта основа оказывается нарушенной, т. е. *твердь*, обычно ассоциирующаяся с прочностью и неподвижностью, используется для передачи состояния утраты устойчивости.

Таким образом, метафора состояния вещества в поэтике Мандельштама выступает как способ осмысления становления формы: текучие и размытые состояния передают неопределенность и нестабильность материи, тогда как образы твердости, прозрачности и оформленности соотносятся с достигнутой структурностью.

Стратегии передачи метафоры состояния вещества в китайском переводе

В анализируемом материале можно выделить несколько устойчивых стратегий передачи метафоры состояния вещества, среди которых наиболее частотными являются лексическая замена, конкретизация и локализация образа. Отметим, что в настоящей статье лексическая замена рассматривается как наиболее общий тип переводческой трансформации, при котором исходная лексема передается словом (словосочетанием), отличным по семантике от слова в оригинале. Конкретизация понимается как частный случай такой замены и предполагает переход от более общего образа к более конкретному. В контексте метафор состояния вещества — от более размытого, неоформленного состояния вещества к более предметному и визуально определенному образу. Локализация рассматривается как разновидность конкретизации, при которой вещество, представленное в оригинале как среда или неопределенное состояние, в переводе оформляется как отдельный зрительно выделяемый объект. Отдельно проверялась возможность опущения исходного образа, однако в анализируемом материале опущение не является самостоятельной переводческой стратегией, чаще наблюдаются замена, конкретизация или частичное смещение образного акцента.

С помощью приема конкретизации может уточняться состояние вещества: в строке *пускай мгновения стекает муть* («Дыхание»), которой соответствует китайский вариант 让瞬间的渣滓去流逝 ‘позволить мимолетным осадкам утечь’, выбор переводчиком слова 渣滓 ‘осадок, выжимка’ делает образ более вещественным и конкретным. В результате лексема *муть* в переводе соотносится уже не с неопределенной, размыто представленной субстанцией, а с более предметным и визуально фиксируемым осадком; при этом ослабляется образ переходного состояния вещества, пограничного между оформленным и неоформленным.

При переводе других лексем, относящихся к состоянию вещества, также используются приемы лексической замены и конкретизации, при этом одна и та же лексема в разных контекстах переводится неодинаково, поскольку выбор переводческого решения определяется сохранением образной целостности метафоры. Так, при переводе строки *пены бледная сирень* («Silentium»), которая переведена как 一 波波白丁香似的飞沫 ‘волна за волной похожие на белую сирень брызги’, для лексемы *пена* переводчик выбирает слово 飞沫 ‘брызги’ с дополнительной конкретизацией. В результате состояние вещества приобретает большую визуальную четкость, усиливается процессуальность образа. В строке *останься пеной, Афродита* («Silentium») лексема *пена* при переводе опускается вовсе: 请在波浪中停留 ‘пожалуйста, останься в волнах’. Данное решение приводит к частичной потере мифопоэтического образа, связанного с рождением Афродиты из пены морской. Иной подход наблюдается при переводе строки *наполнишь шепотами пены* («Раковина»): 你让它充满泡沫的呢喃 ‘ты заставляешь это наполниться шепотом пены’. В качестве словосочетания *шепот пены* выбраны лексемы 泡沫 ‘пена, пузыри’ и 呢喃 ‘шепот, бормотание’, что создает близкий к оригиналу образ. Таким образом, перевод одной и той же лексемы в разных контекстах осуществляется с помощью различных приемов, что свидетельствует о вариативности переводческих решений в стремлении сохранить образную структуру оригинальной метафоры.

Еще одним способом конкретизации в переводах Ван Цзяньчжао является введение счетных слов. Например, при переводе *впереди густой туман клубится* («Образ твой, мучительный и зыбкий») к лексеме *туман* добавляется счетное слово 一 团浓雾 ‘один сгусток тумана’: 前面,一团浓雾翻卷 ‘впереди сгусток тумана кружится’.

Введение счетного слова 团 ‘сгусток, клок’ превращает туман в объект с границами, локализуя его, т. е. вместо тумана как состояния окружающего пространства в переводе образ преобразуется в отдельный визуально воспринимаемый объект. При этом в оригинальном тексте лексема клубится подчеркивает динамику и густоту тумана. Согласно словарному определению, *клубится* означает «вздыматься клубами, наполнять, заполнять собою, становясь плотнее, гуще, интенсивнее»[1], т. е. туман в оригинальном тексте представлен не как пассивная среда, а как активное вещество, тогда как в китайском переводе употребление глагола 翻卷 ‘крутиться, вращаться’ акцентирует внимание на внешнем, наблюдаемом эффекте. Так, в русском тексте хаотичное состояние вещества предвосхищает возможное появление формы, тогда как в китайском варианте туман описывается как плотный сгусток, который можно увидеть, преодолеть.

Использование подобной конкретизации можно отметить и при переводе строки *он поднимет облако пыли* («Отчего душа – так певуча»), где не только локализуется образ облака через введение счетного слова 团 ‘сгусток, клок’, но и уточняется состав субстанции: 它掀起尘霾积聚的一团云 ‘он поднимает клок облака, собравшегося из пыли и смога’. В данном случае конкретизуется не только образ, но и его вещественный состав. Следует отметить, что перевод рассматриваемых примеров возможен и без введения счетных слов, т. е. их использование не является строгой грамматической необходимостью, а связано с привычной для китайского языка моделью конкретизации и переводческой локализации образа. Такая трансформация отражает, в том числе, типологические особенности китайского языка, в котором счетные слова играют важную роль при описании пространства и часто служат для организации или категоризации реальных объектов. Поэтому использование счетного слова в данных случаях следует рассматривать не только как проявление языковой нормы, но и как средство переводческой локализации образа.

Подобный взгляд на организацию пространства соотносится и с китайской картиной мира, для которой принципиальна не сущность вещей, а их взаимосуществование в пространстве: «китайская мысль не знала вопроса, что такое вещи; она интересовалась только тем, каким образом вещи соотносятся друг с другом» [11, с. 61]. В связи с этим можно вспомнить и китайскую художественную традицию, в которой элементы мира осмысляются как появляющиеся и исчезающие на фоне пустоты: «Если взглянуть на классическую композицию китайской картины, то можно заметить, что она никогда не была ни отображением вещественной реальности, ни тем более формальным собранием отдельных объектов» [17, с. 272]. В продолжение этой мысли можно обратиться и к традиционной художественной концепции И Дин (意境 ‘художественная концепция’). Под этим термином подразумевается «интенсивное эстетическое переживание, при котором восприятие объекта достигает состояния совершенного единения со смыслом, заложенным в этом объекте»[2]. Говоря иначе, И Дин — это «художественный мир, образованный переплетением субъективных чувств автора и объективных предметов» [18, с. 4370]. Указанные выше аспекты китайской культуры позволяют не столько утверждать прямую зависимость переводческой стратегии от эстетической концепции, сколько объяснить саму тенденцию к конкретизации и пространственному оформлению через счетные слова: подобная модель восприятия может быть частью культурно-языковой привычки, которая не всегда осознается носителем языка как специальный художественный прием.

Показательны и переводы лексем *твердыня* и *твердь*, в которых стратегия лексической замены приводит к смещению образного акцента. Так, в контексте *твердыня Notre Dame* («Notre Dame») вместо образа твердыни переводчик вводит более конкретный архитектурный элемент 支柱 ‘опоры, столбы, колонны’: 巴黎圣母院的支柱 ‘столбы Нотр-Дам’. В переводе сохраняется архитектурно-конструктивный аспект образа, однако ослабляется важная для оригинала семантика вещества: *твердыня* в русском тексте соотносится не только с сооружением, но и с предельно устойчивой, оформленной материей, тогда как китайская лексема описывает прежде всего элемент конструкции.

Аналогичное смещение наблюдается и при переводе строки *твердь умолкла, умерла* («Скудный луч, холодной мерою»): 大地已经死亡，静默无声 ‘земля уже умерла, в тишине без звука’. Образ становится более конкретным и соотносится скорее с природным пространством, сушей. Такая

[1] Ефремова Т. Ф. Современный толковый словарь русского языка. URL: https://rus-yaz.niv.ru/doc/dictionary-efremova/index.htm (дата обращения: 10.01.2026).

[2] Key Concepts in Chinese Thought and Culture (中华思想文化术语). URL: https://www.chinesethought.cn (дата обращения: 11.01.2026).

замена ослабляет глубину исходной лексемы, но делает образ более доступным для понимания китайского читателя.

Таким образом, трансформация метафор при переводе оказывается связанной не только с языковыми средствами, выбранными переводчиком, но и с иной моделью художественной образности и эстетического восприятия.

Выводы

Исследование показывает, что передача метафоры состояния вещества в китайском переводе сборника «Камень» сопровождается системными преобразованиями, затрагивающими лексику и способ организации поэтического пространства. Наиболее частотными стратегиями являются лексическая замена, конкретизация и локализация образа: неопределенные состояния вещества преобразуются в более зрительно определенные и предметно воспринимаемые элементы.

Таким образом, анализ перевода метафоры сборника «Камень» на материале лексем, описывающих состояние вещества, показывает, что стратегии передачи метафоры в китайском переводе определяются не только языковыми различиями между русским и китайским языками, но и особенностями китайской художественной эстетики.

Список литературы

1. Бархударов Л. С. Язык и переводы (Вопросы общей и частной теории перевода). М. : Международные отношения, 1975. 240 с.
2. Ван Сыюань. Теория перевода в современном Китае: направления исследований // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2024. № 3 (884). С. 17–24.
3. Винокур Г. О. О языке художественной литературы. М. : Высшая школа, 1991. 448 с.
4. Гак В. Г. Метафора: универсальное и специфическое / Метафора в языке и тексте; отв. ред. В. Н. Телия. М. : Наука, 1988. С. 11–26.
5. Гак В. Г. Языковые преобразования. М. : Школа «Языки русской культуры», 1998. 768 с.
6. Гончаренко С. Ф. Поэтический перевод и перевод поэзии: константы и вариативность // Тетради переводчика / под ред. С. Ф. Гончаренко; Моск. гос. лингвист. ун-т. М., 1999. Вып. 24. С. 107–122.
7. Калинин О. И., Солопова О. А., Кошкарова Н. Н. Метафора и дискурс: методология лингвистических исследований. М. : Издательский дом ВКН, 2025. 383 с.
8. Калинина Л. В. Вещественные существительные в поэзии О. Э. Мандельштама (на материале стихотворений 1906–1920 годов) // Вестник Вятского государственного университета. 2006. № 15. С. 70–75.
9. Комиссаров В. Н. Теория перевода (лингвистические аспекты). М. : Высш. шк., 1990. 253 с.
10. Либерман Я. Л. Как переводят стихи (заметки о переводе еврейской и не только еврейской поэзии). Екатеринбург : Изд-во Урал. гос. ун-та, 1995. 90 с.
11. Малявин В. В. Сумерки Дао: культура Китая на пороге Нового времени. М. : АСТ, 2019. 560 с.
12. Маслова Ж. Н. Метафора, метонимия и символ в когнитивной поэтике // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2009. № 2 (36). С. 130–134.
13. Миньяр-Белоручев Р. К. Как стать переводчиком? М. : Готика, 1999. 176 с.
14. Москвин В. П. Поэтика неясности. Комментарии и расшифровка темных мест в стихотворных текстах О. Мандельштама. Москва : Флинта, 2021. 296 с.
15. Панова Л. Г. «Мир», «пространство», «время» в поэзии Осипа Мандельштама. М. : Языки славянской культуры. 2003. 808 с.
16. Рецкер Я. И. Теория перевода и переводческая практика: Очерки лингвистической теории перевода. М. : Р. Валент, 2007. 244 с.
17. Русакова А. С. Свободное пространство в современной китайской графической композиции: эстетические и философские аспекты // Известия РГПУ им. А. И. Герцена. 2009. № 110. С. 270–276.
18. Тан Цюнцюн, Аминова В. Р. «И Дин» («意境», Идейный мир) и лирический субъект как категории сопоставительной поэтики // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2025. № 10. С. 4368–4375.
19. Швейцер А. Д. Теория перевода: Статус, проблемы, аспекты. М. : Наука, 1988. 215 с.
20. Kövecses Z. Metaphor: A Practical Introduction. New York : Oxford University Press, 2002. 285 p.
21. Mandelblit N. The cognitive view of metaphor and its implications for translation theory // Translation and Meaning: Part 3 / B. Lewandowska-Tomaszczyk, M. Thelen (eds). Maastricht (Netherlands), 1995. P. 483–495.

22. Wang Shuo (王硕). Research on the Dynamic Cognitive Process of Metaphor Translation from the Perspective of Conceptual Integration Theory — Taking Howard Goldblatt's Translation of Animal Metaphors in Sandalwood Death as an Example (概念整合理论视域下隐喻翻译的动态认知过程研究——以葛浩文对《檀香刑》中动物隐喻的翻译为例) // Overseas English (海外英语). 2025. № 14. P. 24–29.

References

1. Barkhudarov LS. Yazyk i perevody (Voprosy obshchey i chastnoy teorii perevoda) = Language and translations: Issues of general and special theory of translation. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya; 1975. 240 p. (In Russ.).

2. Wang Siyuan. Translation theory in contemporary China: Research directions. *Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities = Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Gumanitarnye nauki.* 2024;(3):17-24. (In Russ.).

3. Vinokur GO. O yazyke khudozhestvennoy literatury = On the language of fiction. Moscow: Vysshaya shkola; 1991. 448 p. (In Russ.).

4. Gak VG. Metaphor: Universal and specific. In: Metafora v yazyke i tekste = Metaphor in language and text. Moscow: Nauka; 1988. P. 11-26. (In Russ.).

5. Gak VG. Yazykovye preobrazovaniya = Language transformations. Moscow: Shkola "Yazyki russkoy kultury"; 1998. 768 p. (In Russ.).

6. Goncharenko SF. Poetic translation and translation of poetry: Constants and variability. *Tetradi perevodchika = Translator's notebooks.* 1999;(24):107-122. (In Russ.).

7. Kalinin OI, Solopova OA, Koshkarova NN. Metafora i diskurs: metodologiya lingvisticheskikh issledovaniy = Metaphor and discourse: Methodology of linguistic research. Moscow: Izdatelskiy dom VKN; 2025. 383 p. (In Russ.).

8. Kalinina LV. Substance nouns in the poetry of O. E. Mandelstam: Based on poems from 1906-1920. *Herald of Vyatka State University = Vestnik Vyatskogo gosudarstvennogo universiteta.* 2006;(15):70-75. (In Russ.).

9. Komissarov VN. Teoriya perevoda (lingvisticheskie aspekty) = Translation theory: Linguistic aspects. Moscow: Vysshaya shkola; 1990. 253 p. (In Russ.).

10. Liberman YaL. Kak perevodyat stikhi: zametki o perevode evreyskoy i ne tolko evreyskoy poezii = How poetry is translated: Notes on the translation of Jewish and other poetry. Ekaterinburg: Ural State University Publishing House; 1995. 90 p. (In Russ.).

11. Malyavin VV. Sumerki Dao: kultura Kitaya na poroge Novogo vremeni = Twilight of the Dao: Chinese culture on the threshold of modernity. Moscow: AST; 2019. 560 p. (In Russ.).

12. Maslova ZhN. Metaphor, metonymy and symbol in cognitive poetics. *Izvestia of the Volgograd State Pedagogical University = Izvestiya Volgogradskogo Gosudarstvennogo Pedagogicheskogo Universiteta.* 2009;2(36):130-134. (In Russ.).

13. Minyar-Beloruchev RK. Kak stat perevodchikom? = How to become a translator? Moscow: Gotika; 1999. 176 p. (In Russ.).

14. Moskvin VP. Poetika neyasnosti. Kommentarii i rasshifrovka temnykh mest v stikhotvornykh tekstakh O. Mandelshtama = The poetics of obscurity: Commentary and interpretation of obscure passages in O. Mandelstam's poetic texts. Moscow: Flinta; 2021. 296 p. (In Russ.).

15. Panova LG. Mir, prostranstvo, vremya v poezii Osipa Mandelshtama = World, space, time in Osip Mandelstam's poetry. Moscow: Yazyki slavyanskoy kultury; 2003. 808 p. (In Russ.).

16. Retsker YaI. Teoriya perevoda i perevodcheskaya praktika: Ocherki lingvisticheskoy teorii perevoda = Translation theory and translation practice: Essays on linguistic translation theory. Moscow: R. Valent; 2007. 244 p. (In Russ.).

17. Rusakova AS. Free space in contemporary Chinese graphic composition: Aesthetic and philosophical aspects. *Izvestia: Herzen University Journal of Humanities and Sciences = Izvestiya RGPU im. A. I. Gertsena.* 2009;(110):270-276. (In Russ.).

18. Tang Qiongqiong, Aminova VR. "Yijing" ("意境", ideational world) and the lyrical subject as categories of comparative poetics. Philology. Theory and Practice = Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. 2025;(10):4368-4375. (In Russ.).

19. Shveytser AD. Teoriya perevoda: Status, problemy, aspekty = Translation theory: Status, problems, aspects. Moscow: Nauka; 1988. 215 p. (In Russ.).

20. Kövecses Z. Metaphor: A practical introduction. New York: Oxford University Press; 2002. 285 p.

21. Mandelblit N. The cognitive view of metaphor and its implications for translation theory. In: Lewandowska-Tomaszczyk B, Thelen M, editors. Translation and Meaning. Part 3. Maastricht; 1995. P. 483-495.

22. Wang Shuo. Research on the dynamic cognitive process of metaphor translation from the perspective of conceptual integration theory: Taking Howard Goldblatt's translation of animal metaphors in Sandalwood Death as an example. Overseas English. 2025;(14):24-29. (In Chin.).

Информация об авторе

М. А. Духнова — старший преподаватель кафедры теоретического, прикладного и восточного языкознания.

Information about the author

M. A. Dukhnova — Senior Lecturer at the Department of Theoretical, Applied and Oriental Linguistics.

Статья поступила в редакцию 10.09.2025; одобрена после рецензирования 19.04.2026; принята к публикации 22.05.2026.

The article was submitted 10.09.2025; approved after reviewing 19.04.2026; accepted for publication 22.05.2026.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.

Вестник Челябинского государственного университета. 2026. № 5 (511). С. 25–34.
Bulletin of Chelyabinsk State University. 2026;(5(511):25-34.

Научная статья

УДК 801.83

ББК 80

DOI: 10.47475/1994-2796-2026-511-5-25-34

СПЕЦИФИКА ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ СОВРЕМЕННОЙ АМЕРИКАНСКОЙ ПОЭЗИИ

Наталия Александровна Лаврова[1*], Александр Олегович Козьмин[2], Ирина Витальевна Буйлова[3]

[1]МГИМО МИД России, Москва, Россия, lavruscha@gmail.com, 0000-0002-6403-781X, SCOPUS AUTHOR ID: 57211057491

[2]МГИМО МИД России, Москва, Россия, a.kozmin@inno.mgimo.ru, 0000-0001-5204-1232, SCOPUS AUTHOR ID: 57728453700

[3]МГИМО МИД России, Москва, Россия, ibuylova@list.ru, 0009-0001-7280-613X

Аннотация. Исследование посвящено комплексному анализу фразеологических единиц в современной американской поэзии. Цель исследования — выявить структурные, семантические, функциональные и концептуальные особенности фразеологизмов в современной американской поэзии. Актуальность обусловлена некоторой лакунарностью в исследовании поэтических фразеологизмов в современной американской поэзии. Материалом исследования послужили 865 фразеологических единиц, отобранных методом сплошной выборки из сборника современной американской поэзии *The Best American Poetry* за 2005–2019 гг., а также с сайта allpoetry.com. Всего было проанализировано 1356 стихотворений, общим объемом 20 п.л. В работе используются общелогические и теоретико-эмпирические методы (абстрагирование, индукция, дедукция, анализ, синтез, аналогия, обобщение); общенаучные (гипотетико-дедуктивный и аксиоматический методы, моделирование, наблюдение, описание); анализ словарных дефиниций; контекстологический и интерпретативный методы, а также метод сплошной выборки и метод лингвистического описания. Результаты исследования показали, что рифмованная поэзия содержит больше фразеологических единиц по сравнению с нерифмованной поэзией, а в структурном отношении абсолютное большинство фразеологизмов представлено глагольными и адвербиальными устойчивыми выражениями. В проанализированном материале отсутствуют паремиологические единицы предикативного типа. В семантическом отношении преобладающими являются семантические сочетания и единства. Большинство фразеологизмов в современной американской поэзии относится к нейтральному и литературно-возвышенному стилю, что обусловлено спецификой поэтического произведения, призванного воздействовать на эмоциональную сферу читателя. Фразеологизмы в современной американской поэзии образуют несколько семантических полей и концептов, среди которых наиболее частотными являются любовь, время, восприятие, контроль, преданность, смерть.

Ключевые слова: современная американская поэзия, фразеология, идиомы, рифмованный стих, лингвосемантический профиль, концепт

Для цитирования: Лаврова Н. А., Козьмин А. О., Буйлова И. В. Специфика фразеологизмов современной американской поэзии // Вестник Челябинского государственного университета. 2026. № 5 (511). С. 25–34. DOI: 10.47475/1994-2796-2026-511-5-25-34.

Original article

IDIOMS IN MODERN AMERICAN POETRY

Nataliya A. Lavrova[1*], Alexandr O. Kozmin[2], Irina V. Buylova[3]

[1]MGIMO University, Russia, Moscow, lavruscha@gmail.com, 0000-0002-6403-781X, SCOPUS AUTHOR ID: 57211057491

[2]MGIMO University, Russia, Moscow, a.kozmin@inno.mgimo.ru, 0000-0001-5204-1232, SCOPUS AUTHOR ID: 57728453700

[3]MGIMO University, Russia, Moscow, ibuylova@list.ru, 0009-0001-7280-613X

© Лаврова Н. А., Козьмин А. О., Буйлова И. В., 2026

Abstract. The study is dedicated to a comprehensive analysis of phraseological units in contemporary American poetry. The research aim is to identify the structural, semantic, functional, and conceptual characteristics of phraseological units in modern American poetry. The relevance of the study is due to a certain gap in the research on poetic phraseology in contemporary American poetry. The material for the study consisted of 865 phraseological units selected through a continuous sampling method from the anthologies of contemporary American poetry, 'The Best American Poetry', published between 2005 and 2019, as well as from the website allpoetry.com. A total of 1,356 poems were analyzed, amounting to 20 authorial sheets. The research employs general logical and theoretical-empirical methods (abstraction, induction, deduction, analysis, synthesis, analogy, generalization); general scientific methods (hypothetical-deductive and axiomatic methods, modeling, observation, description); analysis of dictionary definitions; contextual and interpretative methods, as well as the method of continuous sampling and linguistic description. The research findings revealed that rhymed poetry contains more phraseological units compared to unrhymed poetry, and structurally, the vast majority of phraseological units are represented by verbal and adverbial stable expressions. The analyzed material lacks phraseological proverbs and sayings. Semantically, the predominant patterns are semantic combinations and unities. Most phraseological units in contemporary American poetry belong to a neutral and literary style, which is determined by the specificity of the poetic work aimed at affecting the reader's emotional sphere. Phraseological units in contemporary American poetry form several semantic fields and concepts, among which the most frequent are love, time, perception, control, devotion, and death.

Keywords: american poetry, phraseology, idioms, rhyming poetry, linguo-semantic profile, concept

For citation: Lavrova NA, Kozmin AO, Buylova IV. Idioms in Modern American Poetry. *Bulletin of Chelyabinsk State University.* 2026;(5(511):25-34. (In Russ.). DOI: 10.47475/1994-2796-2026-511-5-25-34.

Введение

Настоящее исследование посвящено комплексному анализу фразеологических единиц в современной американской поэзии. Поэзия представляет собой особый способ организации речи, который отличается от прозы повышенной образностью, эмоциональностью, выразительностью и экспрессивностью [14; 6]. Основная **цель** исследования — выявить структурные, семантические, функциональные и концептуальные особенности фразеологизмов в современной американской поэзии. **Актуальность** исследования обусловлена некоторой лакунарностью в исследовании поэтических фразеологизмов в современной американской поэзии, а также недостаточной изученностью фразеологизмов в поэтическом дискурсе с позиций традиционной парадигмы научного знания, что обуславливает обращение к выбранной проблематике и попытку всестороннего и многоаспектного изучения фразеологизмов в поэтическом тексте, а именно их структурно-семантических типов, различающихся по стилистическим, концептуально-прагматическим и функциональным характеристикам. Большинство исследований по фразеологии выполнены на материале прозаических художественных произведений ([4; 3; 10; 12] и др.) или на материале британской поэзии ([5; 1; 13; 2; 7; 9] и др.). Современная американская поэзия практически не становилась предметом исследования ученых с точки зрения структурно-семантических и функциональных особенностей используемых в ней фразеологических единиц. **Научная новизна** исследования обусловлена разработкой классификации фразеологических единиц, принимая во внимание их структуру, значение, функции и концептуальные характеристики в текстах современной американской поэзии. Выявлены основные фразеосемантические поля, а также количественные и качественные различия между фразеологизмами, используемыми в рифмованных и нерифмованных стихах. Кроме того, выделены концепты, обладающие наибольшей номинативной плотностью и вербализируемые определенными группами фразеологизмов. **Материалом** исследования послужили 865 фразеологических единиц, отобранных методом сплошной выборки из сборников современной американской поэзии *The Best American Poetry* за 2005–2019 гг., а также с сайта allpoetry.com. Всего было проанализировано 1356 стихотворений, общим объемом 20 п.л.

Обзор литературы

А. С. Сафарова [11] исследует структурно-семантическую организацию поэтических произведений разных жанров. Автор приходит к выводу, что лирические, эпические и лироэпические тексты отличаются по степени абстракции и что устойчивые выражения, относящиеся к семантическим полям «Чувства» и «Воля», типичны для лирической поэзии.

Исследование И. А. Кемаевой [8] обнаружило, что поэтические тексты, в том числе американская поэзия, фокусируются на концептуализации таких понятий, как эмоции, жизнь, смерть, время и чувства. Анализируя композиционную организацию англо-американских поэтических текстов,

И. А. Кемаева выделяет два композиционных блока, формирующих поэтический текст — сюжет и впечатление. Сюжет включает в себя повествование и описание, а впечатление призвано отражать авторское «я», его чувства, эмоции, переживания, оно также показывает отношение автора к событиям, описываемым в стихотворении. Следует отметить, однако, что в диссертации И. А. Кемаевой не уделяется должного внимания роли фразеологических единиц, участвующих в формировании и насыщении концептов, выделенных автором.

С. А. Осокина [9] исследует функционирование фразеологических единиц в поэзии Дж. Донна, выделяя пять групп фразеологических единиц с опорными словами «любовь», «душа», «свет», «день» и «кровь», и проводит их компонентный анализ, который модифицируется в эпистемологическом ракурсе. Ключевые слова «любовь», «душа», «свет», «день» и «кровь» обладают высокой номинативной плотностью в поэзии Дж. Донна и поэтому, по мнению автора, обеспечивают доступ к соответствующим культурным концептам, которые были наиболее когнитивно профилированы для англоязычной лингвокультуры того времени.

Д. В. Чулкина [13] исследует концепт РАЗЛУКА в творчестве поэтов Озёрной школы и в поэзии Г. Лонгфелло на материале предикативных и непредикативных идиом. Автор исследует особенности вербализация концепта РАЗЛУКА в творчестве поэтов-лейкистов, анализирует их экспликаторы и приходит к выводу, что концептуальный компонент «расстояние» относится к центральной, ядерной зоне указанного концепта. Исследование Д. В. Чулкиной носит сопоставительный характер и опирается не только на творчество поэтов Озёрной школы и Г. Лонгфелло, но и на творчество В. А. Жуковского.

Современная англоязычная поэзия анализируется в статье М. Пейс-Сига [15] *Typical Phraseological Units in Poetic Texts.* Исследовав корпус британской и американской поэзии, автор отбирает фразеологические единицы, с помощью которых можно выявить ключевые концепты, характерные для поэзии Великобритании и США. Наиболее распространёнными идиомами являются фразеологические единицы с компонентами *world, earth, sun, stars: guiding star, star quality, to swing on a star, go to bed with the sun, everything under the sun, like nothing on earth, salt of the earth, a world of difference, the best of both worlds.* Автор справедливо отмечает, что ключевое слово во фразеологизмах не обязательно дает доступ к одноименному концепту: необходимо установить контекстуальное значение фразеологизма, а также его корреляцию с общей темой стихотворения. Так, идиома *guiding star* может вербализировать разные концепты в зависимости от целевой сферы, которыми могут быть, например, любовь (ср. *You are my guiding star*) или знание (ср. *This professor is my guiding star*).

Специфика использования и функционирования фразеологизмов в современной американской поэзии: рифмованный и нерифмованный стих

Сложность интерпретации современных нерифмованных американских стихотворений обусловлена спецификой синтаксиса: наличием аграмматичных конструкций, неполных или несогласованных предложений, нетипичных коллокаций. Представляется, что на фоне общей аграмматичности предложения фразеологизмы служат своего рода связующим звеном между «синтаксическим хаосом» и структурно-семантической стабильностью и клишированностью устойчивого выражения. Таким образом, если «синтаксический хаос» представляет собой центробежную силу в современной американской поэзии, то немногочисленные устойчивые выражения, в среднем не более одного-двух на 1,5 нерифмованных стихотворения, носят центростремительный характер и создают ощущение стабильности, предсказуемости и в определенном смысле незыблемости бытия. Так, в стихотворении Дж. Харьо «Deer Dancer» (2017) женщина-поэт сравнивает танец лирической героини, с которой грубо обращается муж, с неуклюжим танцем оленя, а используемые для раскрытия основной темы идиомы — ***come into focus, make sense, shake loose memory*** — подчеркивают идею поиска забвения, опустошенности, попытки уйти от реальности. Ощущения холода передаются с помощью идиомы ***white dawn*** «раннее утро, когда ветви деревьев покрыты инеем из-за ночного перепада температур». Красота дикой природы контрастирует с обыденностью и бессмысленностью существования уставшей, психологически опустошённой лирической героини, которую автор сравнивает с оленем, одновременно грациозным и неуклюжим на фоне зимнего пейзажа:

How do I say it?
In this language there are no words
for how the real world collapses.
I could say it in my own
and the sacred mounds would ***come into focus***,

but I couldn't take it in this dingy envelope.
So I look at the stars in this strange city,
frozen to the back of the sky,
the only promises that ever ***make sense.***
The next dance none of us predicted.
She borrowed a chair for the stairway
to heaven and stood on a table of names.
And danced in the room of children without shoes.
You picked a fine time to leave me,
Lucille With four hungry children and a crop in the field.
And then she took off her clothes.
She ***shook loose memory,***
waltzed with the empty lover we'd all become.
The music ended. And so does the story.
I wasn't there. But I imagined her like this,
not a stained red dress with tape on her heels
but the deer
who entered our dream in ***white dawn,***
breathed mist into pine trees,
her fawn a blessing of meat,
the ancestors who never left.[1]

Р. Цукер в стихотворении «Diary» (2015), написанного частично согласно канонам жанра дневника, поднимает тему неуверенности в завтрашнем дне, символизируемой весной с холодными проливными дождями, которые словно гасят огонь, выступающий символом желания, надежды и мечты лирической героини. Амбициозность и уверенность героини в прошлом противопоставлены апатии и экзистенциальному страху перед будущим. Фразеологизм *to be under smb.'s thumb* употребляется дважды — в 1-й и 4-й строфе, подчёркивая неконтролируемость чувств и эмоций героини, а также невозможность изменить прошлое и повлиять на ход событий будущего. Как это часто бывает в дневнике, стихотворение обрывается внезапно: мысль незакончена, но создаётся впечатление, что героиня намерена продолжить нить повествования позже:

Spring is not so very promising as it is the thing
that looking back was fire, promising:
ignition, aspiration; it was not ***under my thumb.***

I am burned out of it like the melody underneath
(still not under my thumb) —
was he ambiguous, amphibian?

Underneath, his voice, the many ways
he gathers oxygen; it will not stop raining
until the buds push through the brittle trees.
If they fail we will not survive,
washed and washed with rain, will we?
No, we are not there yet.[2]

В наполненном символами стихотворении Дж. Н. Кейн «Nunataq» (2019), жительницы Аляски эскимосско-алеутского происхождения, поднимается тема тяжелой жизни женщины, полной надежд перед вступлением в брак и постепенно превращающейся в «ледник» рядом с постаревшим мужем. Фразеологизм *for naught* повествует о внутреннем свете, горении, огне, выступающих символами страсти, которые гасит «вечный ледник», выступающий символом отчуждения со стороны мужа: ср. 'Of a confined gleam— to hereby dissolve and hold *for naught* the soil / gravel / silt groaning as the tools of our penultimate glacier, a glacier I might pronounce like grief':

Nunataq[3]
In a strait, some things are useful.
Others, true, she turns to ash.
Thrust, thus —
her head thick with arrogance,
infection and futility.
It could be how a young wife went,
strewn with net-veined willow
and mountain aven —
trespass, and wreckage.
She could write about the year
she turned to heat and haze,
to laze: immurmurat-,
imauraaqtuŋa. Of cannula
and silver nitrate. Of petiolus
and achene, about to begin again.
Of greens as they green. Of a man
aged, eskered. Of a confined gleam —
to hereby dissolve and hold ***for naught***
the soil / gravel / silt groaning
as the tools of our penultimate glacier...[4]

В стихотворении «Death Dressed» фразеологизм *dressed to the nines* употребляется в сильной текстовой позиции, а тема смерти развивается и поддерживается синонимичным фразеологизмом *dressed to kill*. Фразеологизм *tunnel vision* используется поэтом для описания особой остроты зрения героя, который не сразу догадывается, что знакомые ему люди собрались на его собственных

[1] The Best American Poetry / Edward Hirsch, Editor. David Lehman, Series Editor. Scribner Poetry. An Imprint of Simon & Schuster, Inc. New York, 2005–2019. 1005 p.

[2] All poetry (electronic source) / URL: https://allpoetry.com/poems/about/rhyming (date of reference 06.01.2023).

[3] Синтаксис и расположение стихотворения на странице — авторские.

[4] The Best American Poetry / Edward Hirsch, Editor. David Lehman, Series Editor. Scribner Poetry. An Imprint of Simon & Schuster, Inc. New York, 2005–2019. 1005 p.

похоронах, о чем читатель узнает ближе к концу стихотворения. Учитывая предполагаемую этимологию ФЕ *dressed to the nines* (ср. *dressed to the eyes1*), в контексте стихотворения автор выбирает его не случайно: известно, что во многих религиях обряд погребения предполагает прикрытие лица умершего белой тканью:

Death Dressed

I'm ***dressed to the nines***, where are we going, I asked
never got an answer, so I would just wait till we got
going
I was excited to see everyone, it's been awhile
this would be the final party I get to go too for some
time
strangest thing everyone was talking about me, just
not to me
like I said I was ***dressed to kill***, I don't remember if I
was told too
this had to be one of the biggest turn outs for me
i was very happy that I didn't miss this party
i still wouldn't dance, never did like too, I like
watching
soon there seem to be something happening
everyone began to cry, as I started getting ***tunnel vision***
there was a long line, I got in line, people were
tossing roses
as I got up front, I realized I had passed
this grand party was to see me off and bury me[2]

В рифмованной американской поэзии XXI в. имеется большее количество идиом, создающих ощущение гармонии, а также участвующих в построении рифмы и ритма. В среднем на одно рифмованное стихотворение приходится 2–3 идиомы, что в два раза превышает количество идиом в нерифмованных стихах. В тематическом отношении рифмованные стихи в большей степени фокусируются на светлой стороне жизни, затрагивая темы любви, красоты, смелости, чести, правды и справедливости, при этом поиск справедливости и правды носит не гротескно-антагонистический, а романтический характер, что создает особую эстетику. Часто в центре стихотворения — лирический супергерой, в одиночестве борющийся с силами зла, или влюблённый романтик, повествующий об истории своей любви, которая не всегда является счастливой, при этом об исходе непростых межличностных отношений читатель узнает в конце стихотворения.

Так, в стихотворении «I am the Night Eagle» лирический герой предстает перед читателем оплотом справедливости, борющимся с силами зла. Поэт создает образ всевидящего ока героя, способного мгновенно постичь сущность человека и вещи (ср. *I can search your heart with just a look, see who you are like you're* ***an open book***). Балансируя на грани жесткости и жестокости, герой предупреждает, что тот, кто перейдет границу дозволенного, т. е. тот, кто перейдёт на сторону зла, будет наказан (ср. *to guard the light is a proud duty of mine, my magic thwarts those who* ***cross the line***). Возвышенно-поэтический фразеологизм *to no avail* употребляется с целью подчеркнуть тщетность попыток противостоять справедливому возмездию. Обращает на себя внимание тот факт, что во всех строфах фразеологизм расположен в конце четверостишия, тем самым как бы завершая и подытоживая основную мысль каждой строфы:

I am the Night Eagle

I stand between worlds, a pillar of light
a bridge that crosses between day & night
I can search your heart with just a look
See who you are like you're ***an open book***

I observe how you live, only visible to few
But if you are evil I know what to do
To guard the light is a proud duty of mine
My magic thwarts those who ***cross the line***

The 'Owls of Justice', speak strongly for me
Metering out retribution very swiftly
You can try to stop me but ***to no avail***
I am the Night Eagle & I always prevail!

I only have one last comment to make
I did what I had to & it was no mistake
If I'm not the one, I was supposed to be
Rejoice in the fact that I helped ***set you free!***[3]

Следующее стихотворение продолжает тему отчаянной борьбы темных и светлых сил, а фразеологизмы используются для профилирования темы борьбы *(to fight the good fight)*, тщетности попыток одержать победу *(came to an end)* и смерти *(to meet one's maker)*:

The Last Words Of An Alpha Centaur Rebel

I fought for the resistance
we flew the best ships around
But we had to stay hidden
from view, deep underground
For years we ***fought the good fight***

[1] Существуют и другие теории происхождения этой идиомы.

[2] All poetry (electronic source) / URL: https://allpoetry.com/poems/about/rhyming (date of reference: 06.01.2023).

[3] All poetry (electronic source) / URL: https://allpoetry.com/poems/about/rhyming (date of reference: 06.01.2023).

Stuck to our principles
Until it all ***came to an end***
and we watched our dreams fall
I go to ***meet my maker***
Unrepentant for what I've done
I'd do it all over again
To drive out you evil ones!
[allpoetry.com]

В стихотворении «As far as I could fall» (2019) обыгрывается ФЕ *to fall in love*, к которой автор обращается в 1, 2, 4 и 9 строфах. Фразеологизм *to fall in love* реализует когнитивную метафору контейнера: любовь концептуализируется как контейнер, причем его глубина коррелирует с силой любви героя. Если в начале повествования герой влюблен, то начиная с 7 строфы становится понятным, что герой разочаровался в своей любимой, причиной чему послужило заблуждение героя о сущности своей любимой. В последней строфе выражение *as far as I could fall* интерпретируется иначе, чем во 2 и 4 строфах: автор разочаровался в своей возлюбленной, а его любовь не выдержала испытания жизнью и временем. В 7 строфе с помощью фразеологизма *in the blink of an eye* читатель узнает, что чувства автора изменились внезапно. По-видимому, это обусловлено каким-то неблаговидным поступком со стороны его бывшей возлюбленной. Несмотря на минорную ноту, на которой заканчивается стихотворение, в целом создается впечатление, что лирический герой — романтичный, преданный, терпеливый, великодушный, чувствительный и ранимый молодой человек, способный на сильные чувства:

I ***fell in love*** on a sunny day
with your lovely smile
You came to me as in a
dream I had for awhile
I walked around with a
grin not like me at all
Sure deep down inside
this was as far as I could fall
A short time later I proposed
and you told me yes
I thought all was perfect with
the world, I must confess
At the end of the day if
I had made the call
I would have told you
this was as far as I could fall
But life has a way of sneaking
up from behind
Just when it's at its best
it can change, you will find
And one day, the winds of fate
brought pain to our love
Showers of rain poured
down on us from above
My joy became sorrow
in the blink of an eye
I couldn't fathom that
life or even ask why
A vicious thought struck
like a hammer in free fall
The whole problem was: I
never knew you at all!
And that's when I realized
this was as far as I could fall[1]

Выводы

В современной американской поэзии в структурном отношении абсолютное большинство фразеологизмов представлено глагольными и адвербиальными устойчивыми выражениями, а субстантивные и адъективные обладают меньшим удельным весом, поскольку действия лирического героя и их оценка играют более важную роль. Абсолютное большинство фразеологизмов являются двух- и трехвершинными (87 %), однако имеются и одновершинные (13 %). В проанализированном материале отсутствуют паремиологические единицы, т. е. фразеологизмы предикативного типа.

В семантическом отношении преобладающими являются семантические сочетания и единства. Семантические сращения по причине полной переосмысленности значения и затемнённой метафоры играют незначительную роль. Преобладание семантических сочетаний и единств обусловлено важной ролью текстообразующей функции фразеологизмов в современной американской поэзии, в рамках которой значение фразеологизма должно быть в большей или меньшей степени мотивированным.

Большинство фразеологизмов (как в рифмованной, так и в нерифмованной современной американской поэзии) относится к нейтральному и литературно-возвышенному стилю, в то время как идиомы разговорного стиля занимают третье место. Отсутствие перевеса в сторону разговорных идиом в современной американской поэзии обусловлено спецификой поэтического произведения, призванного воздействовать на эмоциональную сферу читателя, апеллируя к чувству прекрасного и возвышенного.

[1] All poetry (electronic source) / URL: https://allpoetry.com/poems/about/rhyming (date of reference: 06.01.2023).

Основными функциями, выполняемыми фразеологизмами в современной американской поэзии, являются номинативная культурнотрансляционная, текстообразующая и игровая.

Фразеологизмы в современной американской поэзии образуют следующие фразеосемантические поля: «Эмоциональное состояние человека», «Восприятие», «Внешние качества как отражение внутренних свойств личности», «Время», «Пространство», «Материальное положение», «Речевая деятельность».

Рекуррентными концептами, к которым фразеологизмы в американской поэзии обеспечивают доступ, являются следующие: концепт любви *(to be on fire, to die in one's arms, burning soul, fiery flair, sweet surrender, to fall in love, forbidden fruit)*, концепт времени *(bit by bit, now and then, in the blink of an eye, at once, once upon a time, at times, once or twice)*, концепт (отсутствия) контроля *(to be on cruise control, to be out of reach, to be under smb.'s thumb, to lose one's temper, to run amok, to come loose)*, концепт преданности *(to be by smb.'s side, side by side, to the bitter end)*, концепт неудачи *(to no avail, to go up in flames, for naught)*, концепт смерти *(sunken shape, to meet one's maker, shrunken face)* и др.

В табл. 1 представлен лингвосемантический и концептуальный профиль фразеологизмов в современной американской поэзии.

Таблица 1
Table 1

Лингвосемантический и концептуальный профиль фразеологизмов в современной американской поэзии

Структура	**а) Часть речи главного компонента**	• Глагол (40 %) • Наречие (40 %) • Существительное (15 %) • Прилагательное (5 %)
	б) Количество знаменательных частей речи	• Двух- и трехвершинные (87 %) • Одновершинные (13 %)
Семантика	**Степень семантической спаянности компонентов**	• Сочетания (52 %) • Единства (31 %) • Сращения (17 %)
Стиль	• Нейтральный (56 %) • Литературный (23 %) • Разговорный (21 %)	
Количество фразеологизмов в зависимости от наличия/отсутствия рифмы	• 1–2 (нериф.) • 2–3 (риф.)	
Функции	• Номинативная • Культурно-трансляционная • Текстообразующая • Игровая	
Фразеосемантические поля	• Внешние качества как отражение внутренних свойств личности • Время • Пространство • Материальное положение • Речевая деятельность • Восприятие • Эмоциональное состояние человека	
Интертекстуальные особенности	• Модифицированные ФЕ • Шекспиризмы • Библеизмы	
Основные концепты	• Любовь • Время • Контроль • Восприятие • Преданность • Неудача • Избранность	• Храбрость • Конфронтация • Перемена • Ложь • Социальная незащищенность • Депрессия
Некоторые примеры содержания концептов	• неудача как отсутствие объекта или его внезапное, быстрое исчезновение или уничтожение • изменение как столкновение с одной из стихий, красота которой сопровождается риском и благоговейным страхом • преданность как продолжительное физическое нахождение рядом с объектом, даже под угрозой смерти • избранность как обладание ценным объектом, как физическая метка, как дистанция • любовь как теплый, светлый, приятный на вкус объект, обладание которым может быть опасным или незаконным	

Заключение

Поэзия представляет собой особый вид художественного дискурса, ведущими функциями которого являются эмотивная, оценочная, экспрессивная и апеллятивная. Специфика поэтического текста также проявляется в его фасцинативности, представляющей собой совокупность характеристик, превращающих текст в объект притяжения для адресата. По мнению К. Г. Паустовского, «поэзия обладает удивительным свойством: она возвращает слову его первоначальную, девственную свежесть. Самые стертые, до конца «выговоренные» нами слова, начисто потерявшие для нас свои образные качества, живущие только как словесная скорлупа, в поэзии начинают сверкать, звенеть, благоухать...»[1]. Нельзя не согласиться с подобным видением поэзии и роли в ней слова. Развивая эту мысль, отметим, что фразеологизм как единица, состоящая из нескольких слов, обладает еще большей силой воздействия на читателя: находясь на пересечении грамматики и лексики, фразеологизмы характеризуются противоречием между клишированностью, порождаемой их устойчивостью, воспроизводимостью и конвенциональностью, и креативным потенциалом, обусловленным свободой автора в выборе наиболее оптимального фразеологизма для решения конкретной художественной задачи. Это обусловлено тем, что фразеологизм является высокоинформативной единицей номинации со сложной семантикой, которая не выводится из значений его отдельных компонентов и не распределяется между ними. Связь фразеологизма с когнитивной базой социума объясняет наличие у фразеологической единицы способности к функциональной переориентации в поэтическом тексте за счет ассоциаций, которые она может порождать.

Общим знаменателем поэзии и фразеологии является установка на экспрессию и оценку, а также повышенная образность. Поэтические фразеологизмы являются самостоятельными единицами художественной речи, в основе которых лежат ассоциативные связи между предметами и явлениями, способными отразить субъективно-авторское восприятие действительности, а значит и специфику художественного мышления.

Представляется перспективным в дальнейшем обратиться к изучению следующих особенностей фразеологизмов: (1) сопоставительно-типологическое исследование фразеологизмов в американской и британской поэзии; (2) диахроническое изучение фразеологизмов в поэтическом тексте с целью выявления их динамики: изменений в семантике, структуре и концептуальных особенностях; (3) изучение модифицированных фразеологических единиц в поэтическом тексте; (4) сопоставительный анализ фразеологизмов в поэтических текстах различных лингвокультурных парадигм, жанров и поджанров, например, сравнительный анализ фразеологизмов в постмодернистской, модернистской, декадентской и др. поэзии.

[1] Паустовский К.Г. Золотая роза. Москва: АСТ. 2018. С. 369

Список источников

1. Вишневский А. В. Семантические особенности наименований битвы в древнеанглийской поэзии: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Иваново, 1998. 16 с.

2. Гвоздецкая Н. Ю. Проблемы семантического описания древнеанглийского поэтического слова (опыт текстоцентрического анализа): автореф. дис. ... док. филол. наук. М., 2000. 40 с.

3. Голубина К. В. Когнитивные основания эпитета в художественном тексте (на материале англоязычной художественной прозы): дис. ... канд. филол. наук. М., 1998. 159 с.

4. Гришина О. Н. Соотношение повествования, описания и рассуждения в художественном тексте (на материале англо-американской прозы XX века): дис. ... канд. филол. наук. М., 1983. 177 с.

5. Данченко Н. И. Стилистическое функционирование фразеологических единиц в поэтическом тексте (на материале стихотворных произведений Дж. Г. Байрона): дис. ... канд. филол. наук. М., 1977. 177 с.

6. 6. Зубайраева М. У. Образные фразеологизмы в произведениях английских и американских писателей // Балтийский гуманитарный журнал. 2020. Т. 9. № 1 (30). С. 236–238.

7. Камовникова Н. Е. Антропонимы как интертекстуальные аллюзии в поэтическом тексте: дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2000. 200 с.

8. Кемаева И. А. Метафорические концепты в языке английской и американской поэзии: дис. ... канд. филол. наук. М., 2003. 192 с.

9. Осокина С. А. Опыт эпистемологического анализа художественного текста: на материале стихотворных произведений Дж. Донна: дис. ... канд. филол. наук. Барнаул, 2003. 196 с.

10. Осокина С. А. Опыт эпистемологического анализа художественного текста. Барнаул : «Графикс», 2007. 188 с.

11. Сафарова А. С. Структурно-семантическая организация текстов стихотворных произведений разных жанров (На материале английской поэзии второй половины XVIII — первой половины XIX вв.): дис. ... канд. филол. наук. М., 1982. 212 с.

12. Селезнева С. Ю. Языковые средства и когнитивные модели описания внешности персонажей в англоязычной художественной прозе (на материале произведений английских и американских писателей XIX–XX вв.): дис. ... канд. филол. наук. М., 2001. 299 с.

13. Чулкина Д. В. Концепт «Разлука» в русском и английском поэтическом дискурсе: на материале поэзии В. А. Жуковского, поэтов Озерной школы и Г. Лонгфелло: дис. ... канд. филол. наук. Сургут, 2010. 228 с.

14. Шорук Юссеф. Типология поэтических фразеологизмов (на примере русской художественной литературы) // Преподаватель XXI век. 2024. № 1. Часть 2. С. 483–494. DOI: 10.31862/2073-9613-2024-1-483-494

15. Pace-Sigge M. Typical Phraseological Units in Poetic Texts // Computational and Corpus-Based Phraseology. Proceedings of the Third International Conference, Europhras 2019, Malaga, Spain, September 25–27, 2019. P. 330–344.

References

1. Vishnevskij AV. Semantic aspects of naming battles in Old English poetry: Abstract Cand. Sci. (Philology). Ivanovo, 1998. 16 p. (In Russ.).

2. Gvozdetskaja NYu. The problems of semantic description of the poetic word in Old English (based on textocentric analysis): Abstract Dr. Sci. (Philology). Moscow, 2000. 40 p. (In Russ.).

3. Golubina KV. The cognitive basis of epithets in fiction (based on English fiction): dis. ... Cand. Sci. (Philology). Moscow, 1998. 159 p. (In Russ.).

4. Grishina ON. The ratio of narration, description and reasoning in fiction (based on the material of English and American prose): Abstract Cand. Sci. (Philology). Moscow, 1983. 177p. (In Russ.).

5. Danchenko NI. Stylistic functions of phraseological units in poetic texts (based on G.G. Byron's poems): Dis. Cand. Sci. (Philology). Moscow, 1977. 177 p. (In Russ.).

6. Zubayraeva MU. Figurative phraseological units in the novels of English and American writers. *Baltic Humanitarian Journal.* 2020;9(1(30)):236-238. (In Russ.).

7. Kamovnikova NE. Anthroponyms as intertextual allusions in poetic texts: dis. ... Cand. Sci. (Philology). Saint-Petersburg, 2000. 200 p. (In Russ.).

8. Kemajeva IA. Metaphorical concepts in English and American poetry: dis. ... Cand. Sci. (Philology). Moscow, 2003. 192 p. (In Russ.).

9. Osokina SA. Epistemological analysis of fiction (based on J. Donne's poems): Dis. ... Cand. Sci. (Philology). Barnaul, 2003. 196 p. (In Russ.).

10. Osokina SA. Epistemological analysis of fiction (based on J. Donne's poems). Monograph. Barnaul. 2007. 188 p. (In Russ.).

11. Safarova AS. Structural and semantic organization of poetic texts of various genres (based on English poetry of the second half of XVIII-the first part of the XVIII c.): dis. ... Cand. Sci. (Philology). Moscow, 1982. 212 p. (In Russ.).

12. Selezneva SYu. Linguistic means and cognitive models of describing characters' appearance in English prose (based on English and American writers' output of XIX-XX c.): dis. ... Cand. Sci. (Philology). Moscow, 2001. 299 p. (In Russ.).

13. Chulkina DV. The concept 'Separation' in Russian and English poetic discourse (based on V.A. Zhukovskij's poetry, Lake Poets and H.W. Longfellow's poetry): dis. ... Cand. Sci. (Philology). Surgut, 2010. 228 p. (In Russ.).

14. Shorouk Youssef. Typology of Poetic Phraseological Units (Based on the Texts of Russian Classical Literature). Prepodavatel XXI vek. *Russian Journal of Education*. 2024;(1)2:483-494. DOI: 10.31862/2073-9613-2024-1-483-494 (In Russ.).

15. Pace-Sigge M. Typical Phraseological Units in Poetic Texts. Computational and Corpus-Based Phraseology. Proceedings of the Third International Conference, Europhras 2019, Malaga, Spain, September 25-27. 2019. Pp. 330-344.

Информация об авторах

Н. А. Лаврова — доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры английского языка, член международных организаций IATEFL, TESOL (International).

А. О. Козьмин — кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка.

И. В. Буйлова — старший преподаватель кафедры английского языка.

Information about the authors

N. A. Lavrova — Dr. Sci. (Philology), Associate Professor, Professor of English Department.

A. O. Kozmin — Cand. Sci. (Philology), Associate Professor of English Department.

I. V. Buylova — Senior Lecturer of English Department.

Статья поступила в редакцию 24.12.2024; одобрена после рецензирования 10.02.2025; принята к публикации 22.05.2026.

The article was submitted 24.12.2024; approved after reviewing 10.02.2025; accepted for publication 22.05.2026.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.
Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

The authors declare no conflicts of interests.
Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

Вестник Челябинского государственного университета. 2026. № 5 (511). С. 35–43.
Bulletin of Chelyabinsk State University. 2026;(5(511):35-43.

Научная статья

УДК 81/44

DOI: 10.47475/1994-2796-2026-511-5-35-43

ФРАЗЕОЛОГИЯ АЛКОГОЛЬНОГО ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЯ В РОМАНСКИХ ЯЗЫКАХ

Сагит Гайлиевич Шафиков

Уфимский университет науки и технологий (УУНИТ), г. Уфа, Россия, sagit.shafikov@yandex.ru, 0000-0003-0257-9434

Аннотация. Статья посвящена сравнительной типологии устойчивых словосочетаний, выражающих понятие чрезмерного опьянения вследствие злоупотребления алкоголем. Источниками материала служат фразеологизмы в группе романских языков, таких как французский, итальянский и испанский языки. В качестве иллюстративных примеров в статье используется также эквивалентная фразеология русского языка. Анализ эквивалентных фразеологизмов в языках сравнения проводится с помощью интегративного подхода, объединяющего теорию семантических компонентов с теорией прототипов и оригинальной концепцией внутренней формы, которая характеризует мотивированные лексические единицы. Содержание фразеологизма рассматривается как комбинация диагностических и типических признаков. Внутренняя форма фразеологической единицы соответствует мотивирующей структуре номинации, которая включает общий мотивирующий компонент (идентификатор) и/или специфический мотивирующий компонент (модификатор). Мотивирующий компонент определенного типа может указывать на значение фразеологической номинации прямо или косвенно. В отношении фразеологических структур прототип может быть представлен целостной синтаксической единицей, либо ее частью, наименее подверженной лексическому варьированию. Данный подход позволяет выявить наиболее значимые признаки, присущие каждому из сравниваемых романских языков, а также определить прототипические структуры, объединяющие французский, итальянский и испанский языки.

Ключевые слова: внутренняя форма, значение, идентификатор, категория, модификатор, прототип, сема, семантическое поле, язык, языки сравнения

Для цитирования: Шафиков С. Г. Фразеология алкогольного злоупотребления в романских языках // Вестник Челябинского государственного университета. 2026. № 5 (511). С. 35–43. DOI: 10.47475/1994-2796-2026-511-5-35-43.

Original article

PHRASEOLOGY OF ALCOHOL ABUSE IN ROMANCE LANGUAGES

Sagit G. Shafikov

Ufa University of Science and Technology (UUST), Ufa, Russia, sagit.shafikov@yandex.ru, 0000-0003-0257-9434

Abstract. The article is devoted to a contrastive typology of set expressions denoting excessive inebriety through alcohol abuse. The sources of the database are phraseological units in a number of Romance languages such as French, Italian and Spanish. The article also provides some illustrative examples of equivalent Russian phraseology. The equivalent phrases in the languages of contrast are analyzed by the method of integrative approach combining the theory of semantic components with the theory of prototypes and an original conception of the inner form that characterizes motivated lexical units. The content of the phraseological unit is considered as a combination of diagnostic and typical semantic features. The inner form of a phrasal denomination represents a motivating structure that includes a generalized motivating component (identifier) and/or a specialized motivating component (modifier). The motivating component of a certain type may signal phraseological meaning either directly or indirectly. With reference to phraseological structures prototype may be represented by a whole syntactic structure or its part as the least variable lexical component. This approach allows to reveal the most significant properties intrinsic to the selected Romance languages and to identify prototypical structures uniting French, Italian and Spanish.

© Шафиков С. Г., 2026

Keywords: category, identifier, inner form, language, language of contrast, meaning, modifier, prototype, semantic field, seme

For citation: Shafikov SG. Phraseology of Alcohol Abuse in Romance Languages. *Bulletin of Chelyabinsk State University.* 2026;(5(511):35-43. (In Russ.). DOI: 10.47475/1994-2796-2026-511-5-35-43

Введение. Известно, что сравнительная типология занимается установлением сходств и различий между системами естественных языков; при этом материал исследования обычно ограничивается небольшим числом родственных языков, таких как славянские, германские или романские языки.

Близкородственные языки представляют особый интерес для сравнительной типологии ввиду априорно ожидаемого межъязыкового сходства, в частности в репертуаре сем, образующих денотативное значение, в структуре устойчивого словосочетания, во внутренней форме мотивированных номинаций и т. д. Установление совпадающих черт в лексике родственных языков сближает сравнительную типологию с лингвистикой универсалий, что весьма важно для построения теории языка.

Объектом сравнительной типологии в данном исследовании служат фразеологические единицы (ФЕ), связанные с алкогольным злоупотреблением, в группе известных романских языков, а именно во французском языке (ФР), в итальянском языке (ИТ) и в испанском языке (ИС).

Конкретный фактический материал, выделенный из корпуса словаря с помощью онлайн-словарей, ограничивается исследованием двух наиболее репрезентативных типов ФЕ, которые представляют *предикативный тип* (предикативы) и *атрибутивный тип* (атрибутивы).

Выбор темы объясняется широким распространением алкогольного опьянения как общечеловеческого феномена, который отличается значительной лексико-фразеологической аттракцией, особенно в разговорно-заниженном стиле речи. Интерес к этой тематике подтверждается изрядным числом эмпирических исследований; см., например, следующие работы: [3; 4; 5; 8; 9; 10; 13; 14; 16].

Считается, что фразеологизмы отражают «этнокультурную специфику сопоставляемых фразеологических систем» [15, с. 158]. Так, русское выражение *пьяный в стельку*, производное от глагола *стелиться*, представляет известный в отечественной культуре и в социуме образ распластанного на земле пьяницы [7, с. 655]. Подобные выражения, связанные с «национальным колоритом» [6, с. 82], представляют интерес для изучения конкретного языка как феномена культуры. При этом можно предвидеть значительное межъязыковое сходство фразеологизмов опьянения благодаря близости культур и родственных языков, а также благодаря общим для всего человечества принципам мышления.

Материалы и методы исследования. Современные исследования по лексической семантике используют два основных подхода и, соответственно, два метода выделения наиболее значимых смысловых элементов слов и устойчивых словосочетаний.

Первый подход опирается на диагностические признаки денотата, то есть достаточные и необходимые признаки для образования понятия, под которым понимается «оформившийся и логикой отфильтрованный объект мысли» [1, с. 6]. *Диагностические признаки* денотата составляют основу словарных дефиниций; см., например, признаки, составляющие лексическое значение слова *птица* в русском языке: «животное», «оперение», «крылья», «клюв».

Второй подход опирается на *типические признаки* объектов категории, то есть на наиболее заметные признаки объекта, которые — наряду с необходимыми — включают также другие характеристики как признаки нормы. Наиболее типичный представитель категории, образующий ее ядро, называется *прототипом*; например, прототипом категории [птица] можно считать малиновку, которая характеризуется такими *типическими признаками*, как «средний размер», «умение петь», «умение летать», «насекомоядное» и т. д.

В семантическом поле алконимов, точнее в поле предикативных смыслов, выражающих алкогольное злоупотребление, можно выделить следующие диагностические признаки: «действие» и «употребление алкоголя» (интегральные семы), а также «степень опьянения» (дифференциальная сема в оппозиции семантических компонентов «большая степень» ↔ «малая степень»). Ограничение рамок семантического поля за счет нейтрализации семы «степень опьянения» делает эту дифференциальную сему интегральной. Типические признаки в данном поле выделяются обычно в связи с конкретным проявлением чрезмерной степени опьянения. Ср., например, следующие ФЕ в русском языке: *напиться как свинья* (степень потери человеческого облика), *прийти*

на бровях (степень нарушения координации движений), *упиться в доску* (степень приобретения полного бесчувствия) и т. д.; ср. соответствующие эквиваленты в языках сравнения: ФР *être imbibé* (степень чрезмерного количества; дословно «быть пропитанным <алкоголем>»), *être plein comme un boudin* (степень чрезмерного количества; дословно «быть наполненным <алкоголем>»), *être ivre à rouler sous la table* (степень потери сознания; дословно «пьяным закатиться под стол»); ИТ *ubriacarsi fino a intontirsi* (степень чрезмерного количества; дословно «быть пьяным до одурения»), *andare in cimbali* (степень потери чувства реальности; дословно «пойти в цимбалы <предаваясь безудержному веселью>»), *darsi al bere* (степень потери самоконтроля; дословно «предаваться пьянству»); ИС *no estar para firmar* (степень чрезмерного количества; дословно «быть не в состоянии поставить подпись»), *ir tostado* (степень изменения цвета кожного покрова; дословно «стать румяным, как гренка»), *llegar a casa doblado* («степень потери координации движений»; дословно «дойти до дома в полусогнутом состоянии»).

Достаточно объективным критерием для выделения типических признаков служит словарная дефиниция с такими пометами как «обычно», «как правило», «особенно»; ср. дефиницию слова *booze* в английском языке: “to drink alcohol, especially a lot of it” (Longman) [выделено мной — *С. Ш.*]; то есть условием для типичного контекста этого слова служит не просто употребление алкоголя, а его чрезмерное употребление, то есть злоупотребление.

Интегративный подход с выделением диагностических и типических признаков лексической единицы представляется не только естественным, но и крайне желательным для развития теории языка. Прототипическая семантика все увереннее входит в оборот традиционной лексической семантики за счет эволюции понятия «прототип», в отличие от традиционного взгляда на это понятие в духе Элеоноры Рош.

В современной науке о языке «прототип» можно понимать не только в виде целостной формы языкового знака, но и как отдельное от формы «прототипическое значение» [2], например, такое значение как «потеря человеческого облика вследствие чрезмерного опьянения», выраженное через образ свиньи; ср. эквиваленты в языках сравнения: ФР *ivre comme* ***un porc / un cochon*** «пьяный как свинья», ИТ *ubriacarsi come* ***un maiale*** «напиваться как свинья», ИС *beber como* ***un cerdo*** «пить как свинья».

Прототип может также выражаться в рекуррентности языковых единиц в речи, что в целом типично для нейтрального стиля; ср., например, стилистически нейтральные номинации в русском языке типа *сильно* ***пьяный***, *крепко* ***выпить***, ***пить*** *беспробудно* и т. д.; ср. также эквиваленты в языках сравнения: ФР *être* ***soul*** «быть пьяным», *être bien* ***bu*** «быть крепко выпившим», ***boire*** *d'autant* «изрядно выпить», ИТ ***ubriacarsi*** *fradicio* «напиться допьяна», ***bere*** *troppo* «пить слишком много», *parecchio* ***sbronzo*** «изрядно пьяный», ИС *estar* ***pedo*** «быть пьяным», *estar* ***borracho*** «быть сильно пьяным», ***beber*** *mucho* «много пить».

Прототипическим качеством характеризуется также компонент, сохраняющий относительную устойчивость при варьировании состава фразеологизма. Ср., например, в русском языке целый ряд ФЕ с общим компонентом: ***напиться*** *вдребезги*, ***напиться*** *как свинья*, ***напиться*** *до зеленого змея*, ***напиться*** *до поросячьего визга*, ***напиться*** *до чертиков*; ***пьяный*** *как сапожник*, ***пьяный*** *как свинья*, ***пьяный*** *в зюзю*, ***пьяный*** *в дымину* и т. д.

Следует отметить, что когнитивная семантика, в рамках которой развивается теория прототипов, «подтверждает в целом компонентное строение языкового значения» [12, с. 3]. Проводя семантический анализ лексических единиц, исследователь вправе обращаться к репертуару «достаточных и необходимых признаков» наряду с выделяемыми типическими признаками, указывающими на прототип.

Концепции семантических компонентов и прототипов отражают разные принципы мышления. Первый принцип отражает более строгий, близкий к научному, подход, который позволяет выделять главное, отсекая все второстепенное. Второй принцип отражает менее строгий взгляд, фокусируя внимание на привычных представлениях о вещах, свойствах и отношениях реального мира. Главное не всегда совпадает с обыденным (житейским) представлением об объекте, которое может выйти на первый план.

Предикативные фразы, выражающие действие, содержат прототипические компоненты типа «пить», «выпить», «напиться»; ср.: ФР *boire à ventre déboutonné* (дословно «пить с расстегнутым брюхом») = ИТ *ubriacarsi a* ***schifo*** (дословно «пить до мерзости») = ИС *beber como un cosaco* (дословно «пить как казак»); ср. эквиваленты в русском языке: *пить как сапожник*, *напиться до поросячьего визга*, *спиться с кругу* и т. д. ФЕ с иными лексическими компонентами, выражающими действие, относятся к периферии категории

и поэтому исключаются из рассмотрения; ср. примеры в русском языке: *прийти на бровях*, *лыка не вязать*, *ногами вензеля выделывать* и т. д.

Атрибутивные фразы, выражающие признак объекта, содержат прототипические компоненты типа «пьяный», «опьяненный», «перепивший»; ср.: ФР *ivre comme une vache* (дословно «пьяный как корова») = ИТ *ubriaco a fuori di testa* (дословно «пьяный до безумия») = ИС *borracho como una cuba* (дословно «пьяный как бочка»); ср. эквиваленты в русском языке: *пьяный как свинья* / *как сапожник* / *в стельку* и т.д. Фразеологизмы с иными лексическими компонентами, выражающими признак объекта, относятся к периферии категории и поэтому исключаются из рассмотрения; ср. примеры в русском языке: *на бровях*; *в стельку*; *ни бе*, *ни ме*, *ни кукареку* и т. д.

Таким образом, язык может использовать целый кластер прототипических компонентов как предикативного, так и атрибутивного типа. Каждый такой кластер («прототипический инвариант») включает вариант, который представляется более прототипическим, чем остальные, например, предикатив «пить» или атрибутив «пьяный» в русском языке. Как указывает А. Л. Шарандин, «в отличие от инварианта, являющегося отвлечением от ряда вариантов в плане определения между ними общего признака, который позволяет их объединить в один класс объектов, прототип связан не с отвлечением от тех или иных конкретных типов, а с нахождением среди них лучшего (образцового) типа» [11, с. 123].

Прототипический подход к рассмотрению семантики фразеологических единиц естественным образом пересекается с подходом, связанным с концепцией мотивированной номинации. Это объясняется связью между репертуаром типических признаков в семантике номинации и структурой внутренней формы как образом, который лежит в основе именования. Этот образ выражается с помощью двух основных типов мотивирующих признаков, а именно *идентификатора* и *модификатора* [12, с. 100].

Идентификатор соответствует родовому (общему) мотивирующему признаку, который *непосредственно* (прямо) соотносит номинацию (слово или словосочетание) с определенным семантическим полем; ср., например, следующие глаголы и устойчивые глагольные словосочетания в русском языке: *напиться*, *выпить на посошок*, *напиться как свинья*, *пьяный как сапожник*; ср. также: ФР *boire* «пить», *boire un verre de trop* «хватить лишнего» (дословно «выпить лишний стакан»), *gelé à zero* (дословно «пьяный в ноль») = ИТ *ubriacarsi paurosamente* «надраться» (дословно «напиться страшно»), *ubriacarsi fradicio* (дословно «напиться до состояния гнилой сырости»), *bevuto come una spugna* (дословно «пьяный как губка») = ИС *emborracharse* «напиться вдрызг» (< *borracho* «пьяный»), *beber como un cosaco* (дословно «пить как казак»), *borracho como una cuba* («пьяный как бочка»).

Модификатор соответствует видовому (специальному) мотивирующему признаку, который соотносит номинацию (слово или словосочетание) с семантическим полем иного содержания; ср., например, следующие лексические единицы в русском языке: *свинья* {эпитет «захмелевший человек» → семантическое поле зоонимов), *пить по-черному* {выражение степени алкоголизации → семантическое поле цвета}, *пьяный как сапожник* {выражение степени опьянения → семантическое поле «профессия»}, *сильно пьяный* {выражение степени опьянения → семантическое поле «сила»}; ср. ФЕ, связанные с общим семантическим полем, например, «иностранец»: ФР *boire comme un Polonais* «пить как поляк» ↔ ИС *bere come un Tedesco* «пить как немец» ↔ ИТ *beber como un cosaco* «пить как казак», или «животное»: ФР *gris comme une vache* «пьяный как корова» ↔ ИТ *ubricaco come un cammello* «пьяный как верблюд» ↔ ИС *borracho como un mapache* «пьяный как енот» и т. д.

В составе фразеологизма мотивирующий признак внутренней формы может выражаться прямо (без переноса значения) или косвенно (с переносом значения); ср. русские алконимы с прямым выражением мотивирующего признака: *пить допьяна*, *пить без просыпу*, *пьяный как свинья* (идентификатор), *сильно пьяный* (идентификатор); *сильно пьяный*, *пить допьяна*, *пить до беспамятства* (модификатор); ср. русские алконимы с косвенным выражением мотивирующего признака: *нажраться до чертиков*, *налакаться как свинья*, *набраться порядочно* (идентификатор); *напиться как свинья*, *пьяный как сапожник*, *пьяный вдребезги* (модификатор).

Внутренняя форма номинации включает либо один из двух возможных типов мотивирующих признаков, либо их комбинацию; при этом комбинированная форма создает наиболее ясный образ. Такой ясный образ внутренней формы обеспечивает более тонкое декодирование лексического значения, обогащая рациональную тональность высказывания экспрессивным обертоном, который образно указывает на некую крайнюю

степень опьянения, связанную с дозой выпитого спиртного.

Результаты исследования и их обсуждение. Как известно, существует прямая зависимость между дозой выпитого спиртного, с одной стороны, и степенью опьянения, а также развитием алкогольной зависимости — с другой стороны. Представленный ниже семантический анализ фразеологии алкогольного злоупотребления в языках сравнения ограничивается моделями оценочных фразеологизмов; соответственно, из рассмотрения исключаются ФЕ без элемента сравнения типа ФР *boire un coup de trop* «хватить лишнего» (дословно «выпить лишний глоток»), *boire à sa soif* «пить вволю» (дословно «до утоления жажды» < *soif* «жажда»).

В метаязыковой записи повтор идентификатора в однотипных моделях заменяется штрихом (*/*); в круглых скобках приводится дословный перевод номинации на русский язык.

Сравнение фразеологизмов предикативного типа показывает варьирование структуры внутренней формы, главным образом, за счет модификатора; ср. следующие модели: ФР ***boire*** *à ventre déboutonné* («пить с расстегнутым брюхом»), ***boire*** *comme un chantre* («как певчий») / *comme un évier* («пить как сточная канава») / *comme une éponge* («как губка») / *comme un grenadier* («как гренадер») / *comme un Polonais* («как поляк») / *comme un pompier* («как пожарник») / *comme un sonneur* («как звонарь») / *comme un templier* («как тамплиер») / *comme un tonneau* («как бочка») / *comme un trou* («как яма») / *comme un troupier* («как солдат»); ***se soûler*** *comme une bourrique* («напиться / напоить себя как ослица») / *comme une grive* («как дрозд») / *comme un Polonais* («как поляк»); ИТ ***ubriacarsi*** *come un maiale* («напиваться как свинья»); ***ubriacarsi*** *a morte* («упиться до смерти») / *a* ***schifo*** **(«до мерзости»);** ***bere*** *come una spugna* («пить как губка») / *come un Tedesco* «как немец»; ИС ***beber*** *como una topinera* («пить как кротовая нора») / ***como un cerdo*** **(«как свинья»)** / *como un cosaco* («как казак») / *como una cuba* («как бочка») / *como una esponja* («как губка») / *como un rey* («как король») / *como un pez* («как рыба») / *como alemanes* («как немцы») / ***como*** *perros* («как собаки») / *como su forma de escape* «до беспамятства».

Сравнение фразеологизмов атрибутивного типа показывает варьирование как идентификатора, так и модификатора; ср. следующие модели: ФР ***bourré*** *à zero* («пьяный в ноль»); ***bourré*** *comme une valise* («пьяный как чемодан») / *comme un coing* («как айва»); ***gris*** *comme un cordelier* («как монах-францисканец») / *comme un Polonais* («как поляк») / *comme des tiques* («как <насосавшиеся> клещи») / *comme une vache* («как корова»); ***ivre*** *mort* («смертельно пьяный»); ***ivre*** *comme un porc / un cochon* / *trente-six cochons* («пьяный как свинья / как тридцать шесть свиней»); ***plein*** *comme un boudin* («как кишка») / *comme une cantine* («как ящик»); ***rond*** *comme un oeuf* («круглый как яйцо»); ***plein*** *comme la bourrique* / *à Robespierre*) («как ослица / ослица по отношению к Робеспьеру») / *comme un sac* («как мешок») / *comme un tonneau* («как бочка») / *comme une outre* («как бурдюк») / *comme un fût* («как бочонок») / *comme un cartable* («как ученическая сумка») / *comme une bombe* («как бомба») / *comme un âne* («как осел») / *comme un bourrin* («как конь»); ***soûl*** *comme une grive* («как дрозд»); ***rond*** *comme une bille* («как шар») / *comme une balle* («как мяч») / *comme une soucoupe* («как блюдечко») / *comme une queue de pelle* («как черешок лопаты») / *comme une barrique* («как бочка») / *comme un boulon* («как болт») / *comme une bûche* («как полено») / *comme un disque* («как шайба»)*, comme un pape («как папа римский») / comme un petit pois* («как горошина») / *comme une pomme* («как яблоко»); ИТ ***bevuto*** *come una spugna* («пьяный как губка»); ***sbronzo marcio*** («пьяный в гниль»); ***ubriaco*** *a fuori di testa* («пьяный до безумия») / *da far schifo* «до мерзости»; ***ubricaco*** *come un cammello* («пьяный как верблюд») / *come un carretiere* («как извозчик») / *come un ciabattino* («как сапожник») / *come un cocuzza* («как тыква») / *come un marinaio (*«как матрос») / *come un porco* («как свинья») / *come una scimmia* («пьяный как обезьяна»); ИС ***borracho*** *como una cuba* («пьяный как бочка») / *como una mofeta* («как полосатый скунс») / *como una esponja* («как губка») / *como un zorillo* (как «скунс») / *como el infierno* («как ад») / *como la última vez* («как в последний раз»), *como un piojo* («как притон») / *como un mapache* («как енот») / *como un cubo* (*una cubeta*) («как ведро»)/ *como una uva* («как виноград») / *como un señor* («как сеньор») / *como a un gatito* («как котенок») / *como un pingüino* («как пингвин») / *como un sapatero* («как сапожник») / *como un muerto* («как смерть») / *como un demonio* («как демон») / *como una puta* («как шлюха»).

Сравнение предикативных и атрибутивных фразеологизмов показывает определенное (в том числе межъязыковое) сходство, которое проявляется в общей структуре внутренней формы. Идентификатор, как правило, выражается лексемой с прямым указанием на семантическое поле опьянения, такой как глагол типа «пить»

или прилагательное типа «пьяный». Модификатор, как правило, выражается стилистическим приемом сравнения, которое передает состояние опьянения через образ, связанный с одушевленным или неодушевленным объектом, а также через абстрактный или фантастический образ.

Межъязыковое сравнение показывает общее совпадение в образах сравнения в инвариантных концептах, таких как: 1) «деятель», 2) «похожий на вздутый живот объект», 3) «животное», 4) «иностранец», 5) «губка», 6) «смерть / ад», 7) «певец / певчая птица», 8) «нечистота / мерзость / мерзкое место». Однако конкретная репрезентация почти каждого инварианта обнаруживает расхождения, в частности в концептах с наиболее высокой степенью лексической аттракции. Так, в концепте «***деятель***» совпадений конкретного образа практически нет; ср. предикативы: ФР *un templier* «тамплиер» ↔ *un pompier* «пожарник» ↔ *un grenadier* «гренадер» ↔ *un sonneur* «звонарь» ↔ *un troupier* «солдат» ↔ ИС *un rey* «король»; ср. атрибутивы: ФР *un cordelier* «монах-францисканец» ↔ *un pape «папа римский»* ↔ ИТ *un marinaio* «матрос ↔ *un carretiere* «извозчик» ↔ *un ciabattino* «сапожник» ↔ ИС *un señor* «сеньор» ↔ *un sapatero* «сапожник» ↔ *una puta* «шлюха»; в концепте «***похожий на вздутый живот объект***» частично совпадает образ бочки / бочонка, который может характеризовать как предикатив, так и атрибутив; ср. предикативы: ФР *un tonneau* «бочка» ↔ ИС *una cuba* «бочка»; ср. атрибутивы: ФР *un tonneau* «бочка» ↔ *une barrique* «бочка» ↔ *un oeuf* «яйцо» ↔ *un sac* «мешок» ↔ *une bille* «шар» ↔ *une balle* «мяч» ↔ *une soucoupe* «блюдечко» ↔ *un disque* «шайба» ↔ *un petit pois* «горошина» ↔ *une pomme* «яблоко» ↔ ИС *una cuba* «бочка» ↔ *un cubo* / *una cubeta* «ведро»; в концепте «***животное***» межъязыковое сходство обнаруживает только образ «пьяный как свинья / напиться как свинья», прочие образы не совпадают; ср. предикативы: ФР *une bourrique* «ослица» ↔ ИС *un pez* «рыба» ↔ ***un*** *perro* «собака; ср. атрибутивы: ФР *une tique* «клещ» ↔ *une vache* «корова» ↔ *la bourrique* «ослица» ↔ *un âne* «осел» ↔ *un bourrin* «конь» ↔ ИТ *un cammello* «верблюд» ↔ *una scimmia* «обезьяна» ↔ ИС *una mofeta* «полосатый скунс» ↔ *un zorillo* «скунс» ↔ *un mapache* «енот» ↔ *un gatito* «котенок» ↔ *un pingüino* «пингвин»; в концепте «***иностранец***» частично совпадает только образ пьяного немца; ср. предикативы: ФР *un Polonais* «поляк» ↔ ИТ *un Tedesco* «немец» ↔ ИС *un cosaco* «казак» ↔ *un alemán* «немец»; ср. атрибутивы: ФР *un Polonais* «поляк»; зато в концепте «***губка***», который имеет менее значимый «вес» в аттракционном рейтинге образов внутренней формы, обнаруживается полное совпадение как в типах фразеологизмов, так и в языках сравнения: ФР *une éponge* ↔ ИТ *una spugna* ↔ ИС *una esponja*; также в концепте «***смерть***» наблюдается частичное межъязыковое сходство благодаря ясной метафоре смерти как крайней степени опьянения; ср. ФР *ivre mort* («смертельно пьяный») ↔ ИТ *ubriacarsi a morte* («упиться до смерти»). Прочие образы характеризуются снижением степени межъязыковой рекуррентности; фразеологизмы подобного типа образуют уникалии, характеризуя только один из языков сравнения, например, «**демон**» как репрезентация невменяемости опьяненного алкоголем человека (ИС *un demonio*), «**притон**» как злачное место, в котором разврат соседствует с безудержным пьянством (ИС *un piojo*), «**артефакт как выражение полного бесчувствия**» (ФР *une valise* «чемодан»), (ФР *une cantine* «ящик»), (ФР *une bûche* «полено»).

Сходство между языками сравнения проявляется также в относительном расхождении предикативных и атрибутивных образов, что можно объяснить неполным соответствием между состоянием алкогольного опьянения и количеством поглощаемого алкоголя. Поэтому смысл предикатива {ср. «пить как солдат» (ФР *boire comme un troupier*), «пить как губка» (ИТ *bere come una spugna*), «пить как кротовая нора» (ИС *beber como una topinera*) не всегда коррелирует со смыслом атрибутива, связанного с состоянием чрезмерного опьянения.

Межъязыковое сходство проявляется также в типе варьирования идентификатора и модификатора. Амплитуда колебания идентификатора в языках сравнения показывает минимум, в то время как модификатор показывает максимальное смещение от положения условного равновесия. Такой вывод следует из сравнения прототипических вариантов этих типов мотивирующих признаков как в предикативных, так и в атрибутивных фразеологизмах. Почти в каждом случае идентификатор соответствует прямым значениям типа «пить / пьянеть» или «пьяный / выпивший», в то время как модификатор передает массу фигуральных значений, выражающих большое количество выпитого и различную степень опьянения. Соответственно, сравнение диагностических и типических признаков показывает численное превосходство последних.

Резюмируя, можно заключить следующее:

1. Внутренняя форма фразеологизма задает образы, представленные двумя типами

мотивирующих признаков, один из которых (идентификатор) непосредственно идентифицирует фразеологизм с данным семантическим полем, таким как поле алконимов, в то время как другой признак (модификатор) имеет косвенное отношение к данному полю.

2. Структура внутренней формы фразеологизма может быть выражена либо идентификатором, либо модификатором, либо их комбинацией, которая позволяет декодировать значение фразеологизма наиболее ясным способом.

3. Во всех языках сравнения наблюдается количественная асимметрия мотивирующих признаков внутренней формы в виде превалирования репрезентантов модификатора над репрезентантами идентификатора.

4. Верификация семантического анализа фразеологизма-алконима подтверждается его прототипической характеристикой; при этом типические признаки фразеологизма количественно превалируют над диагностическими признаками, представляющими ядро денотативного значения.

5. Структура внутренней формы фразеологизма верифицируется его прототипической структурой: идентификатор, как правило, соответствует прототипическим компонентам номинации, образуя ядро категории, в то время как модификатор находится на ее периферии.

6. Прототипическая структура фразеологизма образует кластер как инвариант, представляющий отдельные прототипические компоненты в виде вариантов (репрезентантов) этой структуры.

7. В целом в языках сравнения межъязыковое сходство превалирует над различием, что особенно заметно в типических признаках, представленных в моделях модификатора при актуализации инвариантных концептов, таких как «деятель», «похожий на вздутый живот объект», «животное», «иностранец» и т. д.

8. Конкретная репрезентация каждого инварианта позволяет выявить межъязыковые и внутриязыковые различия; так, во всех языках сравнения наблюдается относительное расхождение предикативных и атрибутивных образов при общем диагностическом признаке «чрезмерное опьянение», что можно объяснить неполным соответствием между состоянием алкогольного опьянения и количеством поглощаемого алкоголя.

Список источников

1. Алефиренко Н. Ф. Концепт — понятие — категория в свете современной лингвокогнитивистики // Научные ведомости. Серия : Гуманитарные науки. 2010. № 18 (89). Вып. 7. С. 5–12.

2. Березина О. А. Языковые средства актуализации категории «безличность». Казань, 2018. 185 с. URL: https://www.livelib.ru/book/3494/readpart-yazykovye-sredstva-aktualizatsii-kategorii-bezlichnost-o-aberezina/~4?ysclid=m69jpr0w61783753840

3. Бойченко А. Г. Репрезентация концепта «Питие» в русской языковой картине мира. Автореф. : дис. … канд. филол. наук. Абакан, 2009. 22 с.

4. Джинджолия Г. Фразеологизмы, описывающие состояние опьянения // Поволжский педагогический вестник. 2021. Т. 9, № 4 (33). С. 66–72.

5. Калита И. В. Образ пьяного человека в зеркале славянской фразеологии // Вестник славянских культур. 2021. Т. 60. С. 123–135.

6. Маслова В. А. Лингвокультурология. М. : Академия, 2001. 183 с.

7. Мокиенко В. М., Никитина Т. Г. Большой словарь русских народных сравнений. М. : Олма Медиа Групп. 2008. 800 с.

8. Наскурова Н. Н. Адъективная фразеосемантическая группа «степень опьянения человека» в современном русском и французском языках // Новые технологии. 2009. № 1. URL: https://vestnikmkgtu.ru/2018/04/17/журнал-новые-технологии-выпуск-01-2009-56/

9. Уразаев М. Д. Структурно-семантический анализ эбриетивной лексики (на материале русского, английского и немецкого языков): автореферат дис. ... кандидата филологических наук. Уфа, 2023. 28 с.

10. Чирич И. В. Лексика застолья в русской языковой картине мира. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2004. 17 с.

11. Шарандин А. Л. Методологический статус понятий «инвариант» и «прототип» в современной лингвистике // Вопросы когнитивной лингвистики. 2011. № 4. Тамбов. С. 121–127.

12. Шафиков С. Г. Языковые универсалии и проблемы лексической семантики. Уфа : Изд-во БашГУ, 1998. 251 с.

13. Шафиков С. Г. Семантическое поле и компонентная семантика предикатов опьянения (на материале французского языка) // Иностранный язык в профессиональной сфере: педагогика, лингвистика, межкультурная коммуникация. М., 2022. Ч. 2. С. 231–239.

14. Шафиков С. Г. Denominations for Alcoholic Inebriation in the Light of Systemic Study of Lexis // Вестник Бурятского гос. ун-та. 2024. № 4. С. 12–19.

15. Щитова О. Г., Щитов А. Г. Межъязыковая фразеологическая эквивалентность и лакунарность: этнокультурный аспект (на материале русского и китайского языков) // Вестник Томского гос. ун-та. Филология. 2020. № 65. С. 158–179.

16. Savchenko A., Khemelevskiy M. Культура пития и ее отражение в украинском языке: лексике, фразеологии и паремиологии // Językoznawstwo. 2018. 1 (12). С. 109–120.

References

1. Alefirenko NF. Kontsept – ponyatiye – kategoriya v svete sovremennoi lingvokognitivistiki = Concept, Notion, Category in the Light of Modern Cognitive Linguistics. *Nauchniye vedomosti. Seria: gumanitarniye nauki = Scientific Bulletin: Liberal Arts.* 2010;18(89/7):5-12. (In Russ.).

2. Berezina OA. Yazikoviye sredstva aktualizatsii kategorii "bezlichnost" = Linguistic Means of Actualyzing the Category of Impersonality. Kazan, 2018. 185 p. Available at: https://www.livelib.ru/book/3494/read-part-yazykovye-sredstva-aktualizatsii-kategorii-bezlichnost-o-a-berezina/~4?ysclid=m69jpr0w61783753840 (accessed: 07.02.2025). (In Russ.).

3. Boychenko A.G. Representation of the Concept "Drinking" in the Russian Linguistic Word-view: Abstract Cand. Sci. (Philology). Abakan, 2009. 22 p. (In Russ.).

4. Jindjolia G. Frazeologizmi opisivayushiye sostoyaniye opyaneniya = Phraseological Units Describing the State of Alcoholic Inebriation. *Povolzhskiy pedagogicheskiy vestnik = The Volga Pedagogical Bulletin.* 2021;9(4(33)):66-72. (In Russ.).

5. Kalita IV. Obraz pyanogo cheloveka v zerkale slavyanskoi frazeologii = The Image of the Drunken Person in the Mirror of Slavonic Phraseology. *Vestnik slavyznskikh kultur = The Bulletin of Slavonic Cultures.* 2021;60:123-135. (In Russ.).

6. Maslova VA. Lingvokulturologiya = Linguistics across Cultures. Moscow. 2001. 183 p. (In Russ.).

7. Mokiyenko VM, Nikitina TG. Bolshoi slovar russkikh narodnikh sravneniy = The Great Dictionary of Russian Folk Comparisons. Moscow. 2008. 800 p. (In Russ.).

8. Naskurova NN. Adjektivnaya frazeosemanticheskaya gruppa "stepen opyaneniya cheloveka" v sovremennom russkom i frantsuzskom yazikakh. *Noviye tekhnologii = New Technologies.* 2009 (1). Available at: https://vestnikmkgtu.ru/2018/04/17/журнал-новые-технологии-выпуск-01-2009-56/ (accessed: 07.02.2025). (In Russ.).

9. Urazayev MD. A Structural and Semantic Analysis of Alcoholic Inebriation in the Russian, English and German Languages: Abstract Cand. Sci. (Philology). Ufa. 2023. 28 p. (In Russ.).

10. Chirich IV. The Vocabulary of Repast: Abstract Cand. Sci. (Philology). Moscow. 2004. 17 p. (In Russ.).

11. Sharandin AL. Metodologicheskiy status ponyatiy "invariant" i "prototip" v sovremennoi lingvistike = The Methodological Status of the Notions "Invariant" and "Prototype" in Modern Linguistics. *Voprosi kognitivnoi lingvistiki = Problems of Cognitive Linguistics.* 2011;(4):121-127. (In Russ.).

12. Shafikov SG. Yazikoviye universalii i problemi lexicheskoi semantiki = Linguistic Universals and Problems of Lexical Semantics. Ufa. 1998. 251 p. (In Russ.).

13. Shafikov SG. Semanticheskoye pole i komponentnaya semantika predikatov opyaneniya (na materiale frantsuzskogo yazika). *Inostranniy yazik v professionalnoi sfere: pedagogika, lingvistika, mezhkulturnaya kommunikatsiya = A Foreign Language in Professional Sphere: Pedagogics, Linguistics, Cross-cultural Communication.* 2022;(2):231-238. (In Russ.).

14. Shafikov SG. Denominations for Alcoholic Inebriation in the Light of Systemic Study of Lexis. *Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta = The Bulletin of Buryat State University.* 2024;(4):12-19.

15. Shitova OG, Shitov AG. Mezhyazikovaya frazeologicheskaya ekvivalentnost i lakunarnost: etnokulturniy aspekt (na materiale russkogo i kitaiskogo yazokov) = A Contrastive Study of Phraseological Equivalents and Lacunas. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta: Filologiya = The Bulletin of Tomsk State University: Philology.* 2020;(65):158-179. (In Russ.).

16. Savchenko A, Khemelevskiy M. Kultura pitiya I yeyo otrazheniye v ukrainskom yazike: lexike, frazeologii I paremiologii = The Culture of Alcoholic Drinking and its Reflection in Ukranian: Lexis, Phraseology and Paremiology. *Językoznawstwo.* 2018;1(12):109-120.

Информация об авторе

С. Г. Шафиков — доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры английского языка и межкультурной коммуникации; заслуженный деятель науки Республики Башкортостан.

Information about the author

S. G. Shafikov — Dr. Sci. (Philology), Professor, Professor of the Department of English Language and Intercultural Communication; Honored Scientist of the Republic of Bashkortostan.

Статья поступила в редакцию 16.02.2025; одобрена после рецензирования 24.02.2025; принята к публикации 22.05.2026.

The article was submitted 16.02.2025; approved after reviewing 24.02.2025; accepted for publication 22.05.2026.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author contributed equally to this article.

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЯ: КОНЦЕПТЫ, СИМВОЛЫ, МЕДИАТОПОНИМИКА
LINGUOCULTUROLOGY: CONCEPTS, SYMBOLS, MEDIA TOPONYMY

Вестник Челябинского государственного университета. 2026. № 5 (511). С. 44–53.
Bulletin of Chelyabinsk State University. 2026;(5(511):44-53.

Научная статья

УДК 811.161.1’37

DOI: 10.47475/1994-2796-2026-511-5-44-53

ГОРОДА КУРСКОЙ ОБЛАСТИ КАК ОБЪЕКТЫ ПЕРИФРАСТИЧЕСКОЙ НОМИНАЦИИ (НА МАТЕРИАЛЕ МЕДИАТЕКСТОВ)

Екатерина Анатольевна Беспалова

Юго-Западный государственный университет, Курск, Россия, kbespalova@yandex.ru, 0000-0001-7218-0635

Аннотация. Статья посвящена анализу перифрастических номинаций городов Курской области как одного из средств вербального выражения региональной идентичности с целью выявления актуальных обозначений и особенностей их использования в медийных текстах. Актуальность работы обусловлена ее лингвопрагматической направленностью и синкретичным характером, позволяющим рассмотреть проявления брендирования на языковом уровне. Перифразы курских городов классифицированы по характеру стереотипного признака, отражающего их самобытные черты (связь с известной личностью, функция, род занятий жителей, географические особенности, возраст, качества), и территориальному критерию (отнесенность к Курску, Железногорску, Курчатову, Льгову, Обояни, Рыльску). На основе анализа данных газетного корпуса Национального корпуса русского языка и медиаисточников в Интернете выявлены наиболее частотные и низкочастотные перифрастические наименования. Показано, что брендообразующие возможности наименований курских городов используются в медиаречи ограниченно. Обнаружены такие тенденции бытования перифраз, как замена на более актуальную номинацию при обозначении одного и того же объекта, а также обусловленность активности употребления перифрастического оборота интересом носителей языка к связанной с ним личности. В результате проведенного анализа был выявлен перечень перифрастических наименований городов Курской области и отдельных их значений, которыми может быть дополнен «Словарь топонимических перифраз» М. А. Морозова, Н. Е. Якименко.

Ключевые слова: топонимическая перифраза, региональная топонимика, Курск, прагматика, медиатекст, тенденции употребления

Для цитирования: Беспалова Е. А. Города Курской области как объект перифрастической номинации (на материале медиатекстов) // Вестник Челябинского государственного университета. 2026. № 5 (511). С. 44–53. DOI: 10.47475/1994-2796-2026-511-5-44-53

Original article

CITIES OF THE KURSK REGION AS AN OBJECT OF PERIPHERAL NOMINATION (BASED ON MEDIA TEXTS)

Ekaterina A. Bespalova

Southwest State University, Kursk, Russian Federation, kbespalova@yandex.ru, 0000-0001-7218-0635

Abstract. The article is devoted to the analysis of peripheral nominations of cities in the Kursk region as one of the means of verbal expression of regional identity in order to identify relevant designations and features of their use in media texts. The relevance of the work is due to its linguistic and pragmatic orientation and syncretic nature, which allows us to consider the manifestations of branding at the linguistic level. The periphrases of Kursk cities

© Беспалова Е. А., 2026

are classified according to the nature of a stereotypical feature reflecting their distinctive features (connection with a famous personality, function, occupation of residents, geographical features, age, qualities), and territorial criteria (belonging to Kursk, Zheleznogorsk, Kurchatov, Lgov, Oboyan, Rylsk). Based on the analysis of data from the Newspaper Corpus of the National Russian Language Corpus and media sources on the Internet, the most frequent and low-frequency peripheral names have been identified. It is shown that the brand-forming capabilities of the names of Kursk cities are used in the media area to a limited extent. Such trends in the existence of the periphrastic as the replacement with a more relevant nomination when naming the same object, as well as the conditionality of the activity of using the periphrastic turnover by the interest of native speakers to the person associated with it, were found. As a result of the analysis, a list of peripheral names of cities in the Kursk region and their individual meanings was identified, which can be supplemented by the "Dictionary of toponymic periphrases" by M. A. Morozov, N. E. Yakimenko.

Keywords: toponymic periphrasis, regional toponymy, Kursk, pragmatics, media text, usage trends

For citation: Bespalova EA. Cities of the Kursk Region as an Object of Peripheral Nomination (Based on Media Texts). *Bulletin of Chelyabinsk State University.* 2026;(5(511):44-53. (In Russ.). DOI: 10.47475/1994-2796-2026-511-5-44-53

Введение

Перспективным направлением развития науки выступает проведение исследований, лежащих на пересечении различных областей знания. Так, топонимика, зародившись «в XVIII веке как элемент географии, во второй половине XX века получила развитие в трудах ученых-лингвистов» [15, с. 363].

Внимание ученых к формам номинации географических объектов остается неизменным. Т. М. Никаева констатирует возрастание интереса лингвистов к исследованию топонимики разных регионов России [12, с. 34]. И. А. Королева отмечает особую национально-культурную маркированность локальных топонимов [7, с. 94]. В. С. Картавенко называет топонимы «языком земли», который может рассказывать о «фактах жизни людей данного региона» [5, с. 37].

Характеризуя особенности территориальной лингвокультурологии как нового синкретичного направления исследований, Г. В. Токарев выявляет «функции вербальных средств региональной идентификации», одной из которых является «кумуляция знаний о самобытности региона» [16, с. 174]. На примере Тульского края ученый описывает ключевые знаки символария региональной лингвокультуры как вербальные знаки с особой функцией [17,с. 31]. Проблема региональной идентичности исследуется представителями гуманитарных и социальных наук в русле территориального брендирования [1, с. 9], как ресурс «регионального культурного текста» [8, с. 95].

Топонимика Курского края, в свою очередь, привлекает внимание лингвистов. Д. В. Силакова, Т. В. Сафонова выявляют «особенности использования топонима «Курск» в разных жанрах сетевой микропоэзии» [14, с. 72]. Т. О. Цурик, проанализировав систему географических наименований области, отмечает, что к тенденциям их использования относятся попытки «обретения региональной идентичности» [19, с. 56].

Топонимические перифразы (далее — ТП) выступают одним из средств именования географических объектов. Помимо основной функции вторичной номинации объекта [2, с. 207] (задачу первичной номинации выполняют ойконимы, оронимы, урбанонимы и др.), они передают сопутствующую культурно-специфическую информацию и выражают оценку / экспрессию в образной форме [18, с. 422], т. е. функциональный спектр перифраз достаточно многообразен [3].

Перифразы строятся на основе ассоциативной связи с денотатом, порождаемой географическими, историческими, культурными и другими особенностями локации [4, с. 5] и оформляющейся в «стереотипный признак» [13, с. 61]: например, Курская область чаще всего характеризуется как *соловьиный край*. Именно топонимические перифразы как устойчивые номинации топонимов закрепляют их стереотипное осмысление и выступают, по мнению Е. А. Корнейко, культурными маркерами региона [6, с. 10].

Материалы и методы исследования

Главным лексикографическим источником для проведения исследования послужил «Словарь топонимических перифраз» М. А. Морозова и Н. Е. Якименко [10], составленный на материале современной публицистики и включающий перифрастические обозначения российских городов; его актуальный языковой материал (дата выхода 2022 г.) фиксирует перифрастическую «топонимическую систему в данный исторический период» [11, с. 177]. На начальном этапе исследования из данного словаря были отобраны все перифразы, называющие города Курского края: *столица соловьиного края, город горняков, родина Серафима Саровского, южные торговые ворота* и др., всего 12 перифраз.

Перифрастические номинации городов наиболее активно используются в медиасфере. В связи с этим отобранный языковой материал в первую очередь был верифицирован по данным газетного корпуса Национального корпуса русского языка[1] (далее все примеры из корпуса даются с указанием СМИ и даты публикации без сноски; аналогично — другие газетные тексты). В результате было обнаружено, что лишь небольшая часть перифраз отражена в содержащихся в нем медиатекстах, что можно объяснить ориентированностью корпуса на общероссийский охват (соотношение материалов центральных и региональных СМИ составляет 1:8), из региональных же медиа Курской области в нем представлены «Городские известия», «Друг для друга», «Лента новостей Курска», что в полной мере не отражает региональный публицистический дискурс.

Круг поиска контекстов употребления перифраз был расширен за счет медиаисточников в Интернете, что позволило пополнить перечень номинациями *город атомщиков, атом-град соловьиного края, столица милосердия, яблочная / яблоневая столица, город воинской славы, культурная столица* (контекстуально) и др. Далее применялись методы наблюдения над языковым материалом, лексико-семантического и контекстуального анализа, систематизации данных.

Результаты исследования и их обсуждение

Перифразы городов Курской области можно классифицировать по характеру стереотипного признака и по территориальному принципу. По характеру стереотипного признака выделяем следующие типы номинации объекта:

– по связи с известной личностью: *(малая) родина (преподобного; святого) Серафима Саровского* (Курск)*, (малая) родина Владимира Винокура* (Курск)*, город «российского Колумба» (Григория Ивановича Шелехова)* (Рыльск), *родина Николая Асеева* (Льгов), *родина (Аркадия) Гайдара* (Льгов);

– по функции: *форпост (Киевской) Руси* (Курск), *южные торговые ворота (России; страны)* (Курск), *столица Курской области* (Курск), *атомград соловьиного края* (Курчатов);

– по профессии / занятиям жителей: *город горняков* (Железногорск), *город дальнобойщиков* (Обоянь), *город атомщиков* (Курчатов), *родина (российского; детско-юношеского) картинга* (Курск);

– по географическим особенностям: с*толица соловьиного края* (Курск), *южные торговые ворота (России; страны)* (Курск);

– по возрасту: *самый молодой (один из самых молодых) город в Курской области* (Курчатов);

– по качествам: *столица милосердия* (Курск), *культурная столица* (контекстуально Курск).

Как видим, наиболее часто стереотипным признаком в процессе перифрастической номинации курских городов выступает связь с известной личностью, функциональное назначение объекта или профессии жителей.

По территориальному принципу рассмотрим перифразы в соответствии с номинируемым городом Курской области.

1) Наибольшее количество единиц связано с областным центром — ***Курском***. Самая распространенная перифраза — ***столица соловьиного края***, она несет информацию о специфической черте фауны региона, которую можно рассматривать как элемент курского бренда. Курская земля на протяжении веков славилась соловьями, сохраняется эта особенность и сейчас: каждый год, обычно в мае, в черте города и за его пределами можно слышать их заливистые трели; изображение птицы используется в символике региона.

В медиатекстах ТП *столица соловьиного края* отличается высокой частотностью: в словаре дается количество употреблений 50 [10, с. 100]. В газетном корпусе приведены 27 контекстов употребления перифразы в региональных СМИ. В большинстве из них (более 20) ТП заменяет топоним Курск во избежание повтора и не развивает дополнительных значений (*«Новое событие случилось в культурной жизни столицы Соловьиного края»* [*В Курске* открылась выставка потомственного художника Федора Помелова // Лента новостей Курска, 12.01.2023]); необдуманное применение такой замены может создавать варианты неудачной сочетаемости: противоречия перифразы позитивной направленности и негативной информации (*«по информации УМВД, в столице Соловьиного края он совершил две кражи»* [Городские известия, 14.03.2019]), повтора лексемы *столица* (*«Отправление из столицы в 14:10, а прибытие в столицу Соловьиного края в 19:52»* [Городские известия, 29.07.2019]).

Отмечаем контекст, в котором отличительный признак региона частично актуализируется: *«Юные читатели … узнали много нового о родном городе и знаковых достопримечательностях, являющихся визитными карточками столицы Соловьиного края»* [Лента новостей Курска, 30.08.2022]. Интересен и пример, в котором прочитывается обращение автора к истории города, его доблестным воинам, что рождает ассоциацию

[1] Газетный корпус Национального корпуса русского языка // URL: https://ruscorpora.ru/search?search=CgQyAggD

со «Словом о полку Игореве»: *«Локомотив» уступил третий раз подряд дружине из столицы соловьиного края»* [Liski Life, 14.05.2017]. В подобных случаях перифразы раскрывают свой потенциал.

Анализ употребления ТП вне газетного корпуса НКРЯ дает дополнительные данные. ТП активно используется в названиях различных проектов, выставок, пленэров, экскурсий: так, на сайте Культура.РФ приведена информация о выставке *«Столица соловьиного края»*[1]. Перифраза употребляется в материалах официальных сайтов администрации города Курска и отдельных округов, Курского городского собрания, Социального фонда России и т. д., где она может подчеркивать одну из отличительных черт региона наряду с другими: *«Курск вошел в историю как цитадель ратного мужества, … кладезь народных талантов, столица соловьиного края»*[2]. Перифрастический оборот играет важную роль в рекламных туристических материалах, при описании экскурсионных маршрутов, называя привлекательную черту Курского края: *«Что обязательно стоит увидеть в столице Соловьиного края»*[3]; *«Столица соловьиного края. Что мы знаем о Курске?»*[4].

Наиболее «официальная» перифраза Курска — ***столица Курской области*** — в газетном корпусе встречается единожды (*«гигантское «дерево» засияло огнями, став одной из новых достопримечательностей столицы Курской области»* [Друг для друга, 15.11.2022]). Поиск в свободных источниках также свидетельствует об отсутствии интереса к выражению (отмечено единичное употребление), что можно объяснить распространением другого перифрастического варианта — *административный центр Курской области*, а также его аналога — *столица Курского княжества*, встречающегося при описании истории края.

Вариантом ТП *столица соловьиного края* можно считать перифразу ***соловьиная столица***, которая не зафиксирована в «Словаре топонимических перифраз», не отражена в газетном корпусе, но в медиапространстве встречается. Примеры ее употребления находим на сайте губернатора и Правительства Курской области в новости о выходе краеведческого издания (*«Курский край. Соловьиная столица России». Фотокнига с таким названием была представлена сегодня в Доме журналиста»*[5]), в названии песни автора-исполнителя, курянина Дениса Шато *«Курск — Соловьиная столица»*[6], на сайтах туроператоров «Магазин путешествий» и «Кругозор» в названии тура *«Литературная сокровищница и соловьиная столица»*[7], на странице сообщества Black History ВКонтакте, в заданиях для сканвордов и кроссвордов и т. д.

ТП ***родина (российского; детско-юношеского) картинга*** в материалах газетного корпуса не встречается. Среди результатов поиска в свободных источниках два материала имеют отношение к сфере СМИ: репортаж СТС-Курск 2011 г. и публикация в «Городских известиях» 2014 г., что указывает на малую актуальность номинации: *«Курск — родина детско-юношеского картинга страны»* [Городские известия, 16.12.2014]. Другие контексты связаны с описанием истории картинга на сайте курской школы картинга и зашифровкой названия города для решения сканворда: *«Город, родина картинга в России, 5 букв»*[8].

Один из наиболее почитаемых святых Курского края — Серафим Саровский, он выступает ключевой фигурой для культуры региона. На факте его рождения в городе строится перифраза ***(малая) родина (преподобного; святого) Серафима Саровского***. В газетном корпусе она малочастотна (отмечена нами трижды), но встречается в текстах российских СМИ (а не региональных), что подчеркивает значимость фигуры чудотворца Серафима для всех верующих: *«Юбилейные торжества на родине преподобного Серафима намечены на 20–21 июля»* [Труд-7, 24.03.2004].

---

[1] Выставка «Столица соловьиного края» // URL: https://www.culture.ru/events/2240733/vystavka-stolica-solovinogo-kraya (дата обращения: 24.05.2025).

[2] С Днем города! // Социальный фонд России // URL: https://sfr.gov.ru/branches/kursk/news~2015/09/25/98482 (дата обращения: 24.05.2025).

[3] Достопримечательности Курска // Культурно-туристический портал Курской области Соловьиный край // URL: https://welcomekursk.ru/overviews/6/dostoprimechatelnosti-kurska (дата обращения: 24.05.2025).

[4] Столица соловьиного края. Что мы знаем о Курске? // URL: https://dzen.ru/a/YdYvSuQD7i2v7Knj (дата обращения: 24.05.2025).

[5] Курский край. Соловьиная столица России // Официальный сайт губернатора и Правительства Курской области // URL: https://kursk.ru/news/27193-kurskiy-kray-solovinaya-stolitsa-rossii/ (дата обращения: 24.05.2025).

[6] Денис Шато. Курск — Соловьиная столица // URL: https://www.shazam.com/ru-ru/song/1279256515/d0bad183d180d181d0ba-d181d0bed0bbd0bed0b2d18cd0b8d0bdd0b0d18f-d181d182d0bed0bbd0b8d186d0b0 (дата обращения: 24.05.2025).

[7] Тур: Литературная сокровищница и соловьиная столица // URL: https://krugozor.ru/mexcurs/34347.html (дата обращения: 24.05.2025).

[8] Город, родина картинга в России, 5 букв // Сканворды и кроссворды // URL: https://sinonim.org/sc/25742/13 (дата обращения: 24.05.2025).

Вне газетного корпуса ТП встречается на сайтах православных святынь — Дивеевского и Ново-Спасского монастырей, Храма иконы Божией Матери «Скоропослушница», — где значения компонентов перифразы могут актуализироваться: «*На родине преподобного Серафима. Курск... тихие старинные улицы напоминают ... даже о более ранних временах – когда здесь жил преподобный Серафим Саровский*»[1]. Перифрастическая номинация используется в материалах культурно-просветительской направленности ТК «Санкт-Петербург», «Собака.ру», Дзена («*Курская земля — родина преподобного Серафима Саровского*»[2]), а также в заданиях сканворда («*Родной город Серафима Саровского*»)[3].

В двух примерах прослеживаются признаки влияния разговорного синтаксиса на строение медиаречи, когда «утрачиваются традиционные для русского языка грамматические связи между членами предложения», формы слов в именительном падеже оказываются рядом, и «грамматическая связь заменяется и компенсируется смысловой» (в таком случае читатель / зритель восстанавливает эту связь самостоятельно) [20, с. 161]: «*Крестный ход в Курске — родина Серафима Саровского*»[4]; «*Курск — на родину и место первых духовных подвигов прп. Серафима Саровского*»[5].

ТП ***южные торговые ворота (Россия; страны)*** не найдена нами в материалах газетного корпуса, однако отражена в свободных источниках. Все контексты ее употребления событийно привязаны к проведению главного торгово-экономического события региона — Курской Коренской ярмарки, которой город обязан данной перифрастической номинацией; из них можно почерпнуть интересные сведения об истории города («*в правительственных актах Российской империи за 1824 год называлась в числе трех главных ярмарок России. Сюда разрешалось высылать свои товары иностранцам, и именно Коренская прославила в те далекие времена Курск как южные торговые ворота России*» [Друг для друга, 21.06.2012]). Речь может идти о прошлом («*Именно ярмарка прославила в те времена Курск в качестве Южных торговых ворот России*»[6] и др.) или настоящем («*Чем южные торговые ворота России удивят гостей-?*»[7] и др.); перифрастический оборот встречается в описании экскурсионного тура и названии почтовой марки.

ТП ***форпост (Киевской) Руси*** отмечен единожды в материалах региональных газет газетного корпуса для обозначения Курска («*Тысячу лет назад Курск был форпостом Киевской Руси*» [Вести (Касторенский район Курской области), 12.06.2023]), в текстах же центральных изданий так названы Псков, Самара и Владимир-Волынский. Свободный поиск в Интернете показывает, что такая номинация Курска активна (используется в материалах ТАСС, Архивной службы Курской области, Областной библиотеки им. Н. Асеева, Центра регионального развития, туристических порталов «Журнал путешествий» и «Турист» и др.) и в основном связана с историческим контекстом: «*Важный исторический форпост Древней Руси — Курск, упоминается в летописях с 1032 года*»[8]. При этом компонентный состав перифрастического оборота может меняться и расширяться: в разных контекстах город предстает как *форпост «сначала Киевской Руси, а потом и Московского государства»* [Аргументы и факты, 01.12.2016], *«древний форпост России»*[9], «*юго-восточный форпост Киевской державы*» [Городские известия, 03.06.2021]. В одном из контекстов

[1] На родине преподобного Серафима // Дивеевский монастырь // URL: https://diveevo-monastyr.ru/about/na-rodine-prepodobnogo-serafima/ (дата обращения: 24.05.2025).

[2] Луговой-Давыдов К. Курская земля — родина преподобного Серафима Саровского. 04.09.2021 // URL: https://dzen.ru/a/YTN74v7NLAqHOlJm (дата обращения: 24.05.2025).

[3] Родной город Серафима Саровского // Серые клеточки // URL: https://www.graycell.ru/answer/7/ (дата обращения: 24.05.2025).

[4] Крестный ход в Курске — родина Серафима Саровского // URL: https://rutube.ru/video/f6ddf921c157b1adef5fb5805233e43d/ (дата обращения: 24.05.2025).

[5] Курск — на родину и место первых духовных подвигов прп. Серафима Саровского // Храм иконы Божией Матери «Скоропослушница» п. Марьино // URL: http://marino.moseparh.ru/kursk-na-rodinu-i-mesto-pervyx-duxovnyx-podvigov-prp-serafima-sarovskogo.html) (дата обращения: 24.05.2025).

[6] Курская Коренская ярмарка. Южные торговые ворота. 19.06.2024 // URL: https://kurskyarmarka.rkursk.ru/news/kurskaya-pravda-nachala-seriyu-publikatsiy-o-kurskoy-korenskoy-yarmarke/ (дата обращения: 24.05.2025).

[7] Чем южные торговые ворота России удивят гостей? // КурьерLgov, 08.06.2017 // URL: http://kurierlgov.ru/content/news/chem-yuzhnye-torgovye-vorota-rossii-udivyat-gostey/303 (дата обращения: 24.05.2025).

[8] Курская земля была и будет исконно русской // ТК Такт, 13.03.2024 // URL: https://takt-tv.ru/takt-novosti/kurskaya-zemlya-byla-i-budet-iskonno-russkoy (дата обращения: 24.05.2025).

[9] Курск — древний форпост России // Всемирный Русский Народный Собор // URL: https://vrns.ru/news/kursk-drevniy-forpost-rossii/ (дата обращения: 24.05.2025).

значение военного укрепления, заставы, стоящей на пути противника, которое связано с данной номинацией, актуализируется в связи с проведением операции ВСУ, когда Курская область оказалась в эпицентре боевых действий: «*как и столетия назад, — это форпост России*» [Курская правда, 18.02.2025].

В «Словаре топонимических перифраз» зафиксирована номинация ***(малая) родина Владимира Винокура***, однако поиск в газетном корпусе и свободных источниках результатов не дал.

В процессе анализа языкового материала нами были обнаружены две номинации города Курска, не включенные в Словарь, употребление которых в отношении города мотивировано контекстом. ТП ***культурная столица*** традиционно используется как обозначение Петербурга, но при описании музыкальных талантов курян употреблена в отношении Курска: «*бренд Курской области как одной из культурных столиц Центральной России базируется именно на богатой музыкальной истории регион*а» [Коммерсантъ, 09.12.2015]. В связи с проведением акции «Время добрых дел» благотворительного фонда «Столица Милосердия» город получает наименование ***столицы милосердия***, о чем сообщили в это время многие источники: «*Курск стал столицей Милосердия*»[1].

Кроме того, для обозначения Курска, как и многих других городов, используется выражение ***город воинской славы***. Это почетное звание город, наряду с Орлом и Белгородом, получил в 2007 г.; в материалах газетного корпуса оно используется многократно (к Курску относится свыше 30 употреблений): «*А где найдешь лучше место, чем на мемориале погибшим в мирное время морякам в городе воинской славы?*» [Комсомольская правда, 27.05.2009].

2) Для обозначения ***Железногорска*** Курской области используется ТП ***город горняков***, что отражено в материалах газетного корпуса (лишь 2 из 12 употреблений относятся к этому городу): «*Вопрос проведения … водопровода с водозабора «Березовский», снабжающего город горняков питьевой водой, в Железногорске имеет первостепенное значение*» [Городские известия, 18.01.2019]. Перифраза отражает род деятельности жителей моногорода, построенного на месте железорудного месторождения. Другие источники подтверждают устойчивость данной перифрастической номинации: «*22-летний парень из города горняков увидел в интернете рекламу сайта*» [Друг для друга, 05.02.2025]. Медиасфера отражает употребление данной многозначной перифразы в отношении Костомукши, Кировска, Губкина, Норильска и др. населенных пунктов (всего около 20).

В одном из контекстов на основе территориального признака (расположен на севере Курской области) Железногорск назван ***северной столицей*** (традиционно так обозначают Петербург): «*Наталья Коростелева, телекомпания «СТВ-медиа» (г. Железногорск): Мы считаем себя северной столицей Курской области*» [Городские известия, 18.01.2019].

3) В «Словарь топонимических перифраз» входит одна малочастотная номинация ***Курчатова***, указывающая на его возраст, – ***самый молодой (один из самых молодых) город в Курской области***. В газетном корпусе ТП не отмечена, в других же источниках встречается редко: «*Самый молодой город Курской области … начинался со Всесоюзной ударной комсомольской стройки по возведению Курской АЭС*»[2].

Нами выявлены две высокочастотные перифразы Курчатова, которые могут быть включены в Словарь: *город атомщиков* и *атом-град.*

ТП ***город атомщиков***, подобно *городу горняков*, указывает на градообразующее предприятие, которым для Курчатова стала Курская АЭС, введенная в эксплуатацию в 1976 г. (это же и год рождения города). Перифраза многозначна (как велико и количество городов-спутников АЭС: Нововоронеж, Сосновый Бор, Десногорск, Озерск, Саров и др.), в материалах газетного корпуса из 88 употреблений только 4 относятся в Курчатову: «*Генеральный директор … внес определенную ясность в дальнейшую судьбу 50-тысячного города курских атомщиков*» [Vesti.ru, 22.11.2012]. Встречается она и в других источниках:

«*Житель города атомщиков оставил в соцсетях … комментарий*» [Друг для друга, 04.02.2025].

Номинация ***атомград*** также служит для обозначения многих населенных пунктов в силу своего значения: так говорят о городе, «в котором большинство жителей связано с работами в области атомной энергетики» [9]. В газетном корпусе так назван и город Курской области: «*в городе Курчатов … возводят путепровод через железную дорогу… Со стороны «Атомграда» перенесли коммуникации и сделали фундамент*» [Известия, 03.09.2020].

[1] Курск стал столицей Милосердия // Вести-Курск, 15.04.2019 // URL: https://smotrim.ru/video/1889686 (дата обращения: 24.05.2025).

[2] Город Курчатов // URL: https://vk.com/wall-91584952_30678 (дата обращения: 24.05.2025).

4) Древний город ***Льгов*** представлен перифразами *родина Аркадия Гайдара* и *родина Николая Асеева*, отражающими факты рождения в нем двух литераторов XX века.

ТП ***родина (Аркадия) Гайдара*** отмечена в материалах газетного корпуса единожды: «*Этот юбилей широко отмечают на родине Аркадия Гайдара*» [Vesti.ru, 22.01.2004]. В других источниках она также малочастотна, встречается в заданиях сканвордов и на сайтах, посвященных писателю, в частности, при описании посвященного ему музея[1].

Перифраза ***родина Николая Асеева*** в газетном корпусе не отмечена; она встречается в литературных и краеведческих материалах: так названа публикация М. С. Лагутича на сайте «Курск дореволюционный и Курская губерния до 1917 года»[2].

Данные характеристики Льгова мотивируют употребление по отношению к городу определения его как ***литературной столицы соловьиного края***, встречающегося в материалах Википедии при описании части туристического маршрута по Курской области «Литературное чаепитие во Льгове»: «*Льгов – литературная столица Соловьиного края. В рамках экскурсии гости посетят дом-музей любимого детского писателя А. П. Гайдара и узнают настоящую фамилию Н. Н. Асеева*»[3].

5) ТП ***город дальнобойщиков***, указанная в Словаре как обозначение ***Обояни***, отражает род деятельности многих жителей города, связанный с тем, что в середине XX в. через населенный пункт была проложена федеральная трасса Москва — Симферополь (сейчас М2 Крым). В газетном корпусе примеров употребления нет, но в других источниках они отмечены: «*Фуры из Обояни: целый город дальнобойщиков оказался на грани катастрофы*» [Московский комсомолец, 26.11.2015]. Оборот используется и для обозначения Забайкальска.

Перифраза ***яблочная столица***, зафиксированная в Словаре как номинация Лебедяни, может быть дополнена информацией об употреблении и в отношении Обояни (варианты: *яблочная / яблоневая столица*), которая славится своими яблоневыми садами, ставшими ее визитной карточкой. Примеры употребления есть в газетном корпусе («*Обоянь — яблочная столица России. Обоянь — яблочная столица Курской области*» [Vesti.ru, 19.08.2002]; здесь же многократно так назван Мичуринск), на сайте АО «Артель» и в других источниках («*Обоянь Курской области — яблоневая столица Европы*»[4]).

Кроме того, по одной из версий, Обоянь считается ***родиной антоновки***, что отражено в одноименной перифразе, встречающейся в медиатекстах: «Обоянь — родина антоновки?» [Курская правда, 21.10.2022].

6) За ровесником Льгова Рыльском закреплена одна перифрастическая номинация ***город «российского Колумба» (Григория Ивановича Шелехова)*** (встречается вариант «Шелихов), данная городу в честь рыльского мореплавателя. Поиск в газетном корпусе не дал результатов; оборот используется в материалах городского музея им. Г. И. Шелехова и сетевого издания «Шелеховский вестник», а также на портале «Отдых в России»: «*Рыльск: на родину Григория Шелихова, «Колумба русского*»[5].

Выводы

Топонимические перифразы служат одним из средств выражения региональной идентичности. В перифразах городов Курской области отражаются их самобытные черты: подчеркиваются функциональные (*форпост Руси*) и географические (*столица соловьиного края*) особенности, связь с ключевыми фигурами курской культуры (*родина Серафима Саровского*), род деятельности жителей (*город атомщиков*), возраст населенного пункта *(самый молодой город в Курской области*) и т. д.

Наибольшее количество перифраз связано с Курском, среди них наиболее частотны *столица соловьиного края* и *соловьиная столица.*

Процесс верификации данных показал, что в материалах газетного корпуса многие перифразы курских городов отсутствуют (*родина картинга, родина Владимира Винокура, южные торговые ворота, самый молодой город в Курской области, родина Николая Асеева, город дальнобойщиков, город «российского Колумба»*

[1] Родина Аркадия Гайдара // URL: https://geocaching.su/?pn=101&cid=6677 (дата обращения: 24.05.2025).

[2] Лагутич М. Родина Николая Асеева // Курск дореволюционный и Курская губерния до 1917 года // URL: http://old-kursk.ru/book/lagutich/aseev050110.html (дата обращения: 24.05.2025).

[3] Туризм в Курской области // URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/ (дата обращения: 24.05.2025).

[4] Пионова П. Обоянь Курской области – яблоневая столица Европы // Московский комсомолец в Курске, 17.08.2005 // URL: https://kurskcity.ru/news/citynews/110678 (дата обращения: 24.05.2025).

[5] Легендарные личности // Отдых в России // URL: https://turlog.ru/legendarnyie-lichnosti/ (дата обращения: 24.05.2025).

(Григория Ивановича Шелехова)) или встречаются единожды (*столица Курской области*, *форпост Киевской Руси, родина Аркадия Гайдара*), что можно объяснить отсутствием интереса носителей языка к данным номинациям, а также ограниченным набором региональных СМИ, включенных в источники корпуса, и небольшой значимостью локальных наименований для российского медиадискурса.

Широкий поиск за пределами газетного корпуса показывает б**о**льшую активность употребления курских перифрастических наименований: в интернет-источниках отражены примеры употребления отобранных перифраз, за исключением *родины Владимира Винокура*. Анализ свободных медиаисточников позволил выявить такие актуальные единицы, как *соловьиная столица* и *родина антоновки*. Но в целом в медиаречи, основной сфере бытования топонимических перифраз, возможности курских наименований как образного и брендообразующего ресурса языка используются не в полной мере.

В ходе лингвопрагматического исследования перифраз курских городов нами обнаружены следующие тенденции. На смену одним перифрастическим номинациям приходят другие, выходящие на первые позиции по употреблению: *самый молодой город в Курской области → город атомщиков.* Актуальность отдельных перифраз обусловлена интересом к связанным с ними личностям: так, имена Аркадия Гайдара и Николая Асеева как представителей советской литературы уходят в прошлое, в то время как интерес к Курскому краю как духовному центру и к ключевой фигуре курской культуры, одному из наиболее почитаемых святых — Серафиму Саровскому — возрастает, что в целом может свидетельствовать об изменении ценностного вектора носителей языка.

Проведенный анализ позволил выявить единицы, которыми может быть пополнен «Словарь топонимических перифраз» [10] (как основное современное лексикографическое издание по теме исследования): это перифрастические наименования Курска (*соловьиная столица*), Курчатова (*город атомщиков, атом-град соловьиного края*), Обояни (*яблочная / яблоневая столица, родина антоновки*), Льгова (*литературная столица соловьиного края*). В нем могут быть учтены единичное обозначение Курска *столица милосердия* и полисемичная номинация *город воинской славы.* Контекстуально к Курску относится перифраза *культурная столица*, к Железногорску — *северная столица*, о чем отсутствует информация в содержании словаря.

Список источников

1. Аккиева С. И., Теммоев И. Ю. Территориальная (региональная) идентичность: подходы к исследованию проблемы // Актуальные проблемы современности: наука и общество. 2021. № 4 (33). С. 8–16.

2. Грехнева Л. В. Особенности перифрастической номинации // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2009. № 6–2. С. 207–210.

3. Денисенко О. В. Функциональные особенности топонимов // Опыт и перспективы обучения иностранным языкам в евразийском образовательном пространстве. 2019. № 4. С. 169–174.

4. Захарина Г. Р. Фразеологические единицы с компонентом-топонимом в английском, русском и татарском языках // Вестник Вятского государственного университета. 2008. № 2–2. С. 23–25.

5. Картавенко В. С. Культурно-историческая содержательность региональных топонимов // Ономастика Поволжья. Том 2. Кострома: Костромской государственный университет, 2020. С. 37–42. DOI 10.34216/2020-2.onomast.37-42

6. Корнейко Е. А. Белгородские топоконцепты и топонимические перифразы в составе регионолекта Белгородской области // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2013. № 6 (149). С. 5–12.

7. Королева И. А. Микротопонимы и неофициальные региональные топонимы (к постановке вопроса) // Известия Смоленского государственного университета. 2016. № 4 (36). С. 94–103.

8. Кузина Ю. И. Роль топонимики при конструировании текста тульской региональной культуры (на примере семантики топонимов, обозначающих объекты рекреационной деятельности) // Тульский научный вестник. Серия История. Языкознание. 2023. № 2 (14). С. 95–105. DOI 10.22405/2712-8407-2023-2-95-105

9. Мокиенко В. М., Никитина Т. Г. Толковый словарь языка Совдепии. СПб. : Фолио-Пресс, 1998. URL: https://sovdep.academic.ru/125/ (дата обращения: 24.05.2025).

10. Морозов М. А., Якименко Н. Е. Словарь топонимических перифраз: названия российских городов (на материале современной публицистики). СПб. : Алетейя, 2022. 186 с.

11. Никаева Т. М. Региональный словарь топонимов (из опыта составления) // Ономастика Поволжья. Саратов: Саратовский государственный медицинский университет им. В. И. Разумовского, 2024. С. 175–180.

12. Никаева Т. М., Печетова Н. Ю. Региональный топонимический словарь: методические принципы составления (на примере «Словаря топонимов Республики Саха (Якутия): населенные пункты») // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. 2023. № 4 (42). С. 34–44. DOI 10.23951/2307-6119-2023-4-34-44

13. Савченко А. В., Хмелевской М. С. «Города и веси» в русской фразеологии в концептуальном лингвострановедческом освещении // Мир русского слова. 2020. № 4. С. 56–65. DOI 10.24411/1811-1629-2020-14056

14. Силакова Д. В., Сафонова Т. В. Топонимы и антропонимы Курска в сетевой микропоэзии // Курское слово. 2025. № 30. С. 72–78.

15. Скляр Е. С. Общая характеристика топонимических наименований Курской области // Балтийский гуманитарный журнал. 2019. Т. 8, № 3 (28). С. 363–365. DOI 10.26140/bgz3-2019-0803-0091

16. Токарев Г. В. Вопросы изучения символария региональной идентичности // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание. 2022. Т. 21, № 6. С. 173–182. DOI 10.15688/jvolsu2.2022.6.14

17. Токарев Г. В. Ключевые знаки в составе символария тульской культуры // Вестник Луганского государственного университета имени Владимира Даля. 2023. № 2 (68). С. 31–34.

18. Уразметова А. В. Английские и французские ойконимические фразеологизмы // Вестник Башкирского университета. Т. 14. № 2. Уфа, 2009. С. 421–424.

19. Цурик Т. О. Топонимия Курской области: классификация, особенности, тенденции развития // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Лингвистика и педагогика. 2014. № 4. С. 50–59.

20. Элатик А. А. Элементы разговорного синтаксиса в современных российских электронных СМИ // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2016. № 10–3 (64). С. 161–168.

References

1. Akkieva SI, Temmoev IYu. Territorial (regional) identity: approaches to problem research. *Aktual'nye problemy sovremennosti: nauka i obshchestvo = Actual problems of modernity: science and society.* 2021;(4(33)): 8-16. (In Russ.).

2. Grekhneva LV. Features of peripheral nomination. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. NI Lobachevskogo = Bulletin of the Nizhny Novgorod Lobachevsky University.* 2009;(6-2):207-210. (In Russ.).

3. Denisenko OV. Functional features of toponyms. *Opyt i perspektivy obucheniya inostrannym yazykam v evrazijskom obrazovatel'nom prostranstve = Experience and prospects of teaching foreign languages in the Eurasian educational space.* 2019;(4):169-174. (In Russ.).

4. Zaharina GR. Phraseological units with a toponym component in English, Russian, and Tatar. Vestnik *Vyatskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of Vyatka State University.* 2008;(2-2):23-25. (In Russ.).

5. Kartavenko VS. Cultural and historical significance of regional toponyms. *Onomastika Povolzh'ya = Onomastics of the Volga region.* T. 2. Kostroma, 2020. Pp. 37-42. DOI 10.34216/2020-2.onomast.37-42. (In Russ.).

6. Korneiko EA. Belgorod topoconcepts and toponymic periphrases in the regional dialect of the Belgorod region. *Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki = Scientific bulletin of Belgorod State University. Series: Humanities.* 2013;(6(149)):5-12. (In Russ.).

7. Koroleva IA. Microtoponyms and unofficial regional toponyms (to raise the question). *Izvestiya Smolenskogo gosudarstvennogo universiteta = Proceedings of the Smolensk State University.* 2016;(4(36)):94-103. (In Russ.).

8. Kuzina YuI. The role of toponymy in the construction of the text of Tula regional culture (on the example of the semantics of toponyms denoting objects of recreational activity). *Tul'skij nauchnyj vestnik. Seriya Istoriya. Yazykoznanie = Tula Scientific Bulletin. A series of Stories. Linguistics.* 2023;(2(14)):95-105. DOI 10.22405/2712-8407-2023-2-95-105. (In Russ.).

9. Mokienko VM, Nikitina TG. Explanatory dictionary of the Soviet language. SPb.: Folio-Press, 1998. Available at: https://sovdep.academic.ru/125/ (In Russ.).

10. Morozov MA, Yakimenko NE. Dictionary of toponymic peripherals: names of Russian cities (based on the material of modern journalism). St. Petersburg: Aleteya, 2022. 186 p. (In Russ.).

11. Nikaeva TM. Regional Dictionary of toponyms (from the experience of compilation). *Onomastika Povolzh'ya = Onomastics of the Volga region.* Saratov, 2024. Pp. 175-180. (In Russ.).

12. Nikaeva TM, Pechetova NY. Regional toponymic dictionary: methodological principles of compilation (using the example of the Dictionary of Toponyms of the Republic of Sakha (Yakutia): localities"). *Tomskij zhurnal lingvisticheskih i antropologicheskih issledovanij = Tomsk Journal of Linguistic and Anthropological Research.* 2023;(4(42)):34-44. DOI 10.23951/2307-6119-2023-4-34-44 (In Russ.).

13. Savchenko A.V., Khmelevskoy M. S. "Cities and weights" in Russian phraseology in conceptual and linguistic coverage of foreign studies. *Mir russkogo slova = The world of the Russian word.* 2020;(4):56-65. DOI 10.24411/1811-1629-2020-14056 (In Russ.).

14. Silakova DV., Safonova. TV. Network micropoesis V. toponym of anthroponym to son-in-law. *Kurskoe slovo = The Kursk word.* 2025;(30):72-78. (In Russ.).

15. Sklyar ES. General characteristics of toponymic names of the Kursk region. *Baltijskij gumanitarnyj zhurnal = Baltic Humanitarian Journal.* T. 8. 2019;(3(28)):363-365. DOI 10.26140/bgz3-2019-0803-0091 (In Russ.).

16. Tokarev GV. Issues of studying the symbolarium of regional identity. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2: Yazykoznanie = Bulletin of the Volgograd State University. Series 2: Linguistics.* 2022;21(6):173-182. DOI 10.15688/jvolsu2.2022.6.14 (In Russ.).

17. Tokarev GV. Key signs in the symbolarium of the Tula culture. *Vestnik Luganskogo gosudarstvennogo universiteta imeni Vladimira Dalya = Bulletin of Lugansk State University named after Vladimir Dahl.* 2023;(2(68)):31-34. (In Russ.).

18. Urazmetova AV. English and French oikonymic phraseological units. *Vestnik Bashkirskogo universiteta = Bulletin of the Bashkir University.* 2009;14(2):421-424. (In Russ.).

19. Tsurik TO. Toponymy of the Kursk region: classification, features, development trends. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Lingvistika i pedagogika = Proceedings of the Southwestern State University. Series: Linguistics and Pedagogy.* 2014;(4):50-59. (In Russ.).

20. Elastik AA. Elements of colloquial syntax in modern Russian electronic media. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki = Philological sciences. Questions of theory and practice.* 2016;(10-3(64)):161-168. (In Russ.).

Информация об авторе

Е. А. Беспалова — кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры теоретической и прикладной лингвистики.

Information about the author

E. A. Bespalova — Cand. Sci. (Philology), Associate Professor, Associate Professor of the Department of Theoretical and Applied Linguistics at Southwestern State University.

Статья поступила в редакцию 06.06.2025; одобрена после рецензирования 17.06.2025; принята к публикации 22.05.2026.

The article was submitted 06.06.2025; approved after reviewing 17.06.2025; accepted for publication 22.05.2026.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The authors contributed equally to this article.

Вестник Челябинского государственного университета. 2026. № 5 (511). С. 54–61.
Bulletin of Chelyabinsk State University. 2026;(5(511):54-61.

Научная статья

УДК 81

DOI: 10.47475/1994-2796-2026-511-5-54-61

КОНЦЕПТ *РЕБЁНОК/CHILD* В РУССКОЙ И АМЕРИКАНСКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРАХ

Татьяна Владимировна Борисенко

Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия, tatiana-tv11@yandex.ru, 0000-0002-7965-9777

Аннотация. В статье рассматриваются представления о ребёнке в американской и русской лингвокультурах. Уделено внимание анализу концепта CHILD в его историческом и современном аспектах. Отмечено, что данный концепт представлен лексическими единицами *kid* и *child*. Этимологический анализ позволил выделить два мотивационных признака, актуализированных в американской лингвокультуре: «принадлежащий матери» и «имеющий небольшой возраст». Анализ результатов ассоциативного эксперимента, зафиксированных в прямом и обратном словаре ассоциативных норм Университета Южной Флориды, показал актуализацию 19 признаков (играющий, растущий, являющийся источником шума, нуждающийся в заботе и др.). В работе проводится сравнение признаков анализируемого концепта в обеих лингвокультурах, выделяются такие общие характеристики, как небольшой возраст, семейные связи, игровая активность, подверженность внешнему влиянию и др. Всего отмечено 11 общих признаков. Отмечается, что в русской культуре делается акцент на положительное восприятие детей и их способности, а в американской культуре фиксируется индивидуальность и уязвимость ребёнка. Использованы лексикографический и лингвокультурологический методы анализа. Исследование способствует лучшему пониманию межкультурных различий и восприятия детства и воспитания.

Ключевые слова: семья, русская лингвокультура, американская лингвокультура, ребёнок, концепт, концептуальная категория.

Для цитирования: Борисенко Т. В. Концепт *ребёнок/child* в русской и американской лингвокультурах // Вестник Челябинского государственного университета. 2026. № 5 (511). С. 54–61. DOI: 10.47475/1994-2796-2026-511-5-54-61

Original article

THE CONCEPT OF *CHILD* IN RUSSIAN AND AMERICAN LINGUISTIC CULTURES

Tatyana V. Borisenko

Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia, tatiana-tv11@yandex.ru, 0000-0002-7965-9777

Abstract. The article examines the concept of a child in American and Russian linguocultures. It focuses on the analysis of the CHILD concept in its historical and contemporary aspects. It is noted that this concept is represented by the lexical units kid and child. An etymological analysis has revealed two motivational features that are relevant in American linguoculture: belonging to a mother and being of a young age. An analysis of the results of the associative experiment recorded in the direct and reverse dictionaries of the University of South Florida's associative norms revealed the realisation of 19 features (someone playing, someone growing, makes noise, needs care, etc.). The paper compares the features of the analyzed concept in Russian and American linguistic cultures and highlights common characteristics such as young age, family ties, playfulness, susceptibility to external influences, etc. A total of 11 common features were identified. It is noted that Russian culture emphasizes the positive perception of children and their abilities, while American culture focuses on the individuality and vulnerability of children. The study uses lexicographic and linguocultural analysis methods. This research contributes to a better understanding of intercultural differences and the perception of childhood and parenting.

© Борисенко Т. В., 2026

Keywords: family, Russian linguistic culture, American linguistic culture, child, concept, conceptual category

For citation: Borisenko TV. The Concept of Child in Russian and American Linguistic Cultures. *Bulletin of Chelyabinsk State University.* 2026;(5(511):54-61. (In Russ.). DOI: 10.47475/1994-2796-2026-511-5-54-61

Введение

Дети играют ключевую роль в семейной жизни, а концепт РЕБЁНОК принадлежит к числу универсальных культурных констант. Этим обусловлено внимание лингвистов к данному концепту [10; 13; 14; 15]. Американская лингвокультура представляет собой интерес в силу преобладающих в ней ценностей индивидуализма и прагматизма. Указанные особенности описаны в трудах таких исследователей, как Н. С. Прокопова [9], М. Д. Уразаев [11], О. В. Гуртовая [4] и других. Русская лингвокультура, в отличие от американской, делает акцент на коллективизме и гуманизме [5; 8; 12]. Таким образом, целью настоящей работы является анализ концепта CHILD в американской лингвокультуре и сопоставление его содержания с содержанием концепта РЕБЁНОК в русской лингвокультуре. Для достижения поставленной цели применялись лексикографический и лингвокультурологический методы анализа.

Концептуальная категория и категориальный концепт

Вслед за М. В. Малинович мы понимаем концепт как «ментальное образование с актуальными признаками, внутренней формой, общенациональными, индивидуальными и другими составляющими – образной, оценочной и ценностной значимостью» [6, с. 19]. Концепты представляют собой достаточно обширные мыслительные образы, включающие в себя различные глубинные и поверхностные слои кодирования смыслов, обобщённые образы, логические понятия [7, с. 63]. Концепт лежит в основе семантической структуры языкового знака, который «формируется в процессе языковой объективизации концепта» [1, с. 61]. Считаем, что концепты организуются в более сложные ментальные структуры — концептуальные категории. Категориальный концепт — единица, объединяющая субкатегориальные концепты в единую концептуальную структуру.

Центральным фактором интеграции внутри такой категории служат признаки концептов. Под признаком концепта мы понимаем аспект знания, являющийся отличительной чертой данной ментальной единицы и актуализирующийся в контексте окружающей действительности [3]. Мы считаем, что общие, схожие или взаимообратные признаки у категориальных и субкатегориальных концептов создают предпосылки для объединения их в одну категорию. Этот подход обусловливает необходимость проведения концептуального, дискурсного, лексикографического и других видов анализа для выявления признаков категориального концепта и последующего их сопоставления с признаками других концептов.

Концепт CHILD в американской лингвокультуре

В английском языке для обозначения ребёнка существуют два слова — *child* и *kid*. На настоящий момент обе лексемы синонимичны и отличаются небольшими нюансами.

Существительное *child* образовано от древнеанглийского слова cild («зародыш», «нерождённый», «новорожденный»), которое, очевидно, использовалось по отношению к «плоду чрева» матери, и произошло от протогерманского корня **kiltham*[1]. В древнеанглийском языке лексема *childe* употреблялась для обозначения «юноши благородного происхождения». Только в 16–17 вв. лексема стала применяться по отношению к девочкам. Более широкое значение «молодой человек до наступления половой зрелости» появилось ближе к 10–11 вв.[2]

Лексема kid образовалась от слова *kide* («козлёнок»), которое было заимствовано из скандинавского языка приблизительно в 13 в. В значении «ребёнок» слово стало употребляться, вероятно, с 1590-х гг., а с 1680-х гг. значение закрепилось в английском языке. В 1830-е гг. лексема употреблялась по отношению к молодым ворам[3].

Таким образом, развитие лексем *child* и *kid* происходило параллельно, что привело к образованию близких по значению синонимов в современном английском языке. Считаем, что, несмотря на историческое развитие значений «козлёнок» и «ребёнок» из одной лексемы, в современном английском языке они представляют разные концепты, поэтому лексема *kid* в настоящее время вербализует два концепта. Лексема *child* изначально применялась по отношению к человеческому детёнышу и развивалась, постепенно расширяя значения, связанные с возрастом, гендером

[1] Online Etymology Dictionary [Электронный ресурс]. URL: https://www.etymonline.com (дата обращения: 11.03.2026).

[2] Там же.

[3] Там же.

и социальной принадлежностью молодых людей. В связи с этим считаем данную лексему наиболее удачной для обозначения концепта РЕБЁНОК в англоязычной культуре.

Исходя из этимологического анализа лексем *child* и *kid,* можно сделать вывод, что мотивационными признаками концепта CHILD являются **принадлежащий матери, имеющий небольшой возраст.**

В американских толковых словарях значения анализируемых слов не отличаются большой вариативностью. Так, в Оксфордском американском словаре *child* — молодой человек, который ещё не стал взрослым; сын или дочь любого возраста; человек, находящийся под сильным влиянием идей и взглядов определенного времени или личности[1]. В словаре Макмиллана выделены следующие значения: молодой человек с момента его рождения и до достижения им возраста около 14 лет; для детей или по поводу детей; используется для того, чтобы показать, что упомянутое лицо является ребенком; чей-либо сын или дочь любого возраста; взрослый, который ведет себя неразумно; человек, на характер которого влияют основные политические и социальные установки определенного периода времени[2]. Словарь Мерриама-Вебстера предлагает такие определения: молодой человек, особенно в период между младенчеством и половым созреванием; человек, еще не достигший совершеннолетия; инфантильный человек; сын или дочь человеческих родителей, потомок; не рождённый или недавно родившийся человек; человек, на которого сильно влияет другой человек, место или положение дел; продукт, результат[3]. Таким образом, авторы словарей выделяют значения, связанные с юным возрастом, принадлежностью родителям, поведением, соответствующим юному возрасту, и наличием влияния извне. Один из словарей выделяет значение, обозначающее предмет, получившийся в результате внешнего влияния.

Лексема *kid* определяется как ребенок или молодой человек; молодая коза; мягкая кожа, изготовленная из шкуры молодой козы[4]; ребёнок, молодой человек; чьи-то сыновья или дочери; молодой козел; кожа, сделанная из козьей шкуры[5]; молодой человек — часто используется для обозначения кого-то более младшего или менее опытного; козленок; молодая особь различных животных, связанных с козлиными; мясо, мех, кожа козлёнка, что-то (например, кожа) из натурального меха или кожи козлёнка[6]. Считаем, что определения, связанные с козлёнком реализуют отдельный концепт. Обнаружено наличие у слова *kid* меньшего количества значений по сравнению со словом *child*, что подтверждает наше предположение о приоритете лексемы CHILD для обозначения соответствующего концепта. Значения, реализующие анализируемый концепт сводятся к указанию на молодого человека или принадлежность человека родителям (родителю).

Из вышесказанного следует, что концепту CHILD в американской лингвокультуре присущи такие признаки, как **являющийся инфантильным человеком, имеющий небольшой возраст, имеющий родителей, являющийся потомком, наличие влияния со стороны, являющийся человеком.**

В прямом словаре свободных ассоциативных норм Университета Южной Флориды на стимул *child* представлено 79 реакций, из них 15 различных[7]. В скобках указано количество респондентов, предложивших соответствующую реакцию. Наиболее распространёнными ассоциатами являются те, которые указывают на маленький возраст ребёнка: *baby* (20), *boy* (5), *brat* (4), *small* (4), *young* (4), *girl* (2), *little* (2), *kid* (11). Три реакции подчёркивают наличие взрослого или родителя: *adult* (10), *parent* (4), *mother* (3). Остальные ассоциаты единичные. Форма множественного числа рассматриваемой лексемы — *children*, также представлена в ассоциативном словаре качестве стимула. На неё предложено 116 реакций, из них 17 различных. Отмечены ассоциаты, указывающие на маленький возраст (*kids* (32), *small* (8), *young* (8), *infant* (5)) и на наличие взрослого или родителя (*adults* (12), *parent* (9), *mother* (2)). Также выделяется группа реакций, связанных с игрой

[1] Oxford Learners Dictionary. American English [Электронный ресурс]. URL: https://www.oxfordlearnersdictionaries.com (дата обращения: 11.03.2026).

[2] Macmillan English Dictionary for Advanced Learners, Macmillan, 2007, 1747 p.

[3] Merriam-Webster Dictionary [Электронный ресурс]. URL: https://www.merriam-webster.com (дата обращения: 11.03.2026).

[4] Oxford Learners Dictionary. American English [Электронный ресурс]. URL: https://www.oxfordlearnersdictionaries.com (дата обращения: 11.03.2026).

[5] Macmillan English Dictionary for Advanced Learners, Macmillan, 2007, 1747 p.

[6] Merriam-Webster Dictionary [Электронный ресурс]. URL: https://www.merriam-webster.com (дата обращения: 11.03.2026).

[7] Nelson, D. L., McEvoy, C. L., & Schreiber, T. A. (1998). The University of South Florida word association, rhyme, and word fragment norms [Электронный ресурс]. URL: http://rali.iro.umontreal.ca/word-associations/query/ (дата обращения: 11.03.2026).

и весельем (*play* (17), *fun* (4), *laugh* (2), *toys* (2)). Остальные ассоциаты единичные.

На стимул *kid* предложено 132 реакции, из них 12 различных, на стимул *kids* — 125 реакций, из них 24 различных. Предложены ассоциаты, аналогичные стимулам *child* и *children*. Так, на стимул *kid* предложена группа реакций, указывающих на маленький возраст (*child* (70), *boy* (19), *brat* (5), *young* (5), *baby* (5), *adolescent* (2)), также присутствуют реакции, отмечающие наличие взрослого или родителя (*adult* (7), *mother* (3)). Присутствует ассоциат *play* (3), две реакции указывают на возможность наличия родственников: *brother* (2), *daughter* (2). Только у 11 респондентов из 132 слово *kid* ассоциируется с козой (*goat* (11)), а на стимул *kids* реакция *goats* была дана тремя участниками. *Kids* также ассоциируется с маленьким по возрасту человеком (*children* (31), *babies* (3), *brats* (3), *young* (3), *little* (2), *small* (2)), со взрослыми или родителями (*adults* (10), *mom* (10), *parents* (7)). Есть группа ассоциатов, связанных с игрой и весельем (*play* (9), *toys* (5), *playground* (4), *fun* (3), *happy* (2)). Кроме того, отмечено наличие шума (*noise* (9), *loud* (4)) и проблем (*pain* (3), *trouble* (2)).

Соответственно, в прямом ассоциативном словаре ярко реализованы такие признаки концепта CHILD, как **имеющий небольшой возраст, имеющий родителей.** Кроме того, реализуются признаки **играющий, наличие близкого родственника, связанный со взрослыми.** Слабо актуализированы признаки **являющийся источником шума и доставляющий горе.**

Концепт ребёнок представляет собой значимый концепт в американской лингвокультуре, что объясняется наличием большого количества стимулов, реакцией на которые послужили такие слова, как *child* (847 ответов, 101 различный стимул), *children* (338 ответов, 41 различный стимул), *kid* (184 ответа, 34 различных стимула), *kids* (171 ответ, 24 различных стимула). Кроме того, из приведённых данных можно выделить приоритетность употребления лексемы *child/children* над лексемой *kid/kids*.

Приведём данные обратного словаря в табл. 1. В скобках будет указано количество людей, предложивших соответствующий ассоциат на указанный стимул. В первом столбике таблицы указаны признаки, актуализированные приведёнными ассоциатами. Единичные стимулы не включены в табл. 1.

Таблица 1
Table 1

Стимулы, актуализирующие признаки концепта CHILD в американской лингвокультуре

	Child	**children**	**kid**	**kids**
имеющий небольшой возраст	Kid (70), baby (33), immature (25), infant (10) и др. Всего более 230 реакций	Kids (31)	Brat (20), juvenile (14), child (11), teenager (10), adolescent (4) и др. Всего более 70 реакций	Children (32), immature (13)
имеющий родителей	Parent (29), son (4), mother (2), daughter (5), kin (3) и др.	Parents (13)		Parents (2)
связанный со взрослыми	Adult (68), adults (10) и др.	Adults (39), grown-ups (11), women (2) и др.	Adult (7)	Adults (10), grown-ups (8), parents (2)
наличие близкого родственника	Parent (29), sibling (8) и др.	Parents (13)	Sibling (3), cousin (2)	
играющий	Toy (45), swing (13), doll (8), crayon (4), block (3), play (3) и др.	Toys (27), play dough (26), tricycle (21), playground (17), blocks (7), yo-yo (5), slide (2)	Toy (11), playground (3), play (2), swing (2)	Play dough (19), toys (19), tricycle (15), playing (5), yo-yo (4), crayon (3), blocks (2)
являющийся источником шума	Tantrum (14)	Noisy (5)	Tantrum (6)	
являющийся объектом насилия	Abuse (58), kidnap (19), neglect (10), spank (7), abduct (3), punish (3), tease (3), missing (5)	Missing (11), mistreat (3), tease (2)	Spank (3)	Kidnap (7)
растущий	Grow (6), growth (6), grown (2)			Growth (2)
являющийся потомком	Son (4), daughter (5), spawn (2)			
имеющий проблемы со здоровьем	Retarded (9), special (3), deaf (3), snot (2)			Retarded (3)
нуждающийся в заботе	Dependent (29), caring (6), needy (2), raise (3)			
имеющий плохое поведение	Tantrum (14), delinquent (10), spoilt (4), selfish (3), hyper (2), mess (2), spoiled (2)	Mischief (8), stingy (2), stubborn (2), noisy (5)	Delinquent (5), mischief (5), sneak (2), tantrum (6)	
имеющий хорошее поведение	Discipline (2), golden (4), helper (4)			
являющийся чистым и невинным	Innocence (7), blessing (2), sacred (2), vulnerable (2), virgin (3), naïve (2)	Innocent (9)		

Итак, результаты анализа обратного ассоциативного словаря подтверждают выделение признака **имеющий небольшой возраст** как наиболее яркого в составе концепта CHILD. Кроме того, важными для американской лингвокультуры являются признаки **имеющий родителей**, **связанный со взрослыми** и **играющий**. Интересно выделение признака **являющийся объектом насилия** (представляет собой конкретизацию признака **наличие влияния со стороны**), который не был реализован в прямом ассоциативном словаре. Он актуализирован посредством стимулов, описывающих негативное воздействие на ребёнка. Обращает на себя внимание преобладание единиц, реализующих признак **имеющий плохое поведение** по сравнению с актуализацией признака **имеющий хорошее поведение**.

Отмечено, что в ассоциативном словаре реализуются в основном признаки, связанные с человеком **(являющийся человеком)** и признаки, указывающие на особенности невзрослого человека, не обнаружено ассоциатов и реакций об инфантильности.

Сравнительная характеристика содержания концепта РЕБЁНОК/CHILD в русской и американской лингвокультурах

Анализ концепта РЕБЁНОК в русском языковом сознании был проведён нами ранее [2]. Содержание концепта в русской и американской лингвокультуре представлено в табл. 2

Из таблицы видно, что рассматриваемые лингвокультуры содержат существенное количество общих признаков концепта РЕБЁНОК. В то же время, уникальные признаки указывают на различия в картине мира представителей разных культур. Например, идеи коллективизма прослеживаются в русских признаках **принадлежащий чему-либо** и **принадлежащий кому-либо**. Русский гуманизм проявляется в призме внимания к интеллектуальным способностям ребёнка, развития и его связи с будущем. С другой

Таблица 2
Table 2

Концепт *РЕБЁНОК* в русской и американской лингвокультуре

	РЕБЁНОК	**CHILD**
имеющий небольшой возраст	+	+
имеющий родителей	+	+
не имеющий опыта	+	–
принадлежащий чему-либо	+	–
принадлежащий кому-либо	+	–
растущий/развивающийся	+	+ (только растущий)
обладающий низкими интеллектуальными способностями	+	–
обладающий интеллектуальными способностями на уровне выше среднего	+	–
имеющий хорошее поведение	+	+
имеющий плохое поведение	+	+
являющийся источником шума	+	+
доставляющий радость	+	–
доставляющий горе	+	+
нуждающийся в заботе	+	+
имеющий потребность во внимании	+	–
нуждающийся в питании	+	–
наличие близкого родственника	+	+
являющийся человеком	+	+
являющийся животным	+	–
играющий	+	+
связанный с будущим	+	–
принадлежащий матери	–	+
являющийся инфантильным человеком	–	+
являющийся потомком	–	+
наличие влияния со стороны	–	+
связанный со взрослыми	–	+
являющийся объектом насилия	–	+
имеющий проблемы со здоровьем	–	+
являющийся чистым и невинным	–	+

стороны, американский индивидуализм практически не находит своё отражение в признаках концепта CHILD. Это, вероятно, связано с тем, что детство у многих участников ассоциативного эксперимента связано с подготовкой к самостоятельной жизни, определённой степенью зависимости от взрослых. Индивидуализм, в свою очередь, как преобладание личных свобод, полагание на собственные силы и отсутствие контроля извне может быть актуален при переходе во взрослую жизнь. Однако стоит отметить, что идея принадлежности ребёнка к кому-либо или зависимость его от окружающих в американской лингвокультуре проявляется слабее, чем в русской.

Выводы

Как видим, анализируемый концепт имеет общие элементы в русской и американской лингвокультуре. Ребёнок является маленьким человеком, имеет родителей и близких родственников, нуждается в заботе, играет, растёт и обычно плохо себя ведёт. В то же время отмечается большее внимание к интеллектуальным способностям ребёнка в русской лингвокультуре. Русские респонденты больше концентрируются на шуме, производимом детьми, на потребности ребёнка в питании, его принадлежности кому-либо или чему-либо; ребёнок чаще вызывает положительные ассоциации. В американской лингвокультуре подчёркивается, что ребёнок может оказаться объектом насилия, а поведение и интеллектуальные способности не являются значительными, его принадлежность кому-либо или чему-либо выражена неярко и в большей степени подчёркивается связь с родителями или взрослыми людьми.

Таким образом, концепт РЕБЁНОК/CHILD обладает 11 признаками, актуализированными как в русской, так и в американской лингвокультурах. Однако в русской лингвокультуре важны личностные качества ребёнка и его общность с окружающими, например, родителями (через принадлежность). В американской лингвокультуре ребёнок больше воспринимается как отдельная невзрослая личность со своими интересами, невинная и уязвимая.

Список источников

1. Алефиренко Н. Ф. Методологические основания исследования проблемы вербализации концепта // Вестник ВГУ. Серия: Гуманитарные науки. 2004. № 2. С. 60–65.

2. Борисенко Т. В. Концепт РЕБЁНОК как элемент концептуальной категории СЕМЬЯ // Материалы Международной научной конференции, Челябинск, 1 ноября 2024 года. Челябинск : Челябинский государственный университет, 2024. С. 339–343.

3. Борисенко Т. В. К вопросу о признаках концепта // Ученые записки НовГУ. 2025. № 3 (58). С. 662–672. DOI: 10.34680/2411-7951.2025.3(58).662-672

4. Гуртовая О. В. Американская культура в зеркале лексики: анализ на материале СМИ / О. В. Гуртовая, Е. А. Коссе, Р. В. Шеремет // Инновационные стратегии профессиональной коммуникации: вызовы современности 2025 : материалы Всероссийской научно-практической студенческой конференции на иностранных языках с международным участием, Ростов-на-Дону, 21–23 мая 2025 года. Ростов-на-Дону: Донской государственный технический университет, 2025. С. 51–56.

5. Жуковская Л. И., Гранева И. Ю. Неузуальная субстантивация русского личного местоимения «мы» как языковое воплощение ценностей коллективизма в русской ментальности // Современная лингвистика: от теории к практике : Труды и материалы. II Казанский международный лингвистический саммит, Казань, 14–19 ноября 2022 года. Том 2. Казань : Изд-во Казанского университета, 2023. С. 277–281.

6. Малинович М. В. Универсальные концепты и категории: проблема иерархии и взаимодействия в пространстве языка // Концепты. Категории. Языковая реальность. Коллективная монография. Иркутск, 2011. С. 10–41.

7. Попова З. Д., Стернин И. А. и др. Язык и национальное сознание: Вопросы теории и методологии. Коллективная монография. Воронеж, 2002. 314 с.

8. Пойда Е. Е. Русский национальный характер: коллективизм и гуманизм / Е. Е. Пойда, Д. И. Афанасьева // Россия: современные вызовы, идентичность и патриотизм : материалы Всероссийской (национальной) научно-практической конференции, Персиановский, 24 марта 2023 года. Персиановский : Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Донской государственный аграрный университет», 2023. С. 55–59.

9. Прокопова Н. С. Индивидуализм как компонент ценностной картины мира американца (на примере современных американских художественных произведений) // Этнос, язык, культура

в коммуникативном пространстве: познание и преподавание : материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, Абакан, 1–2 ноября 2023 года. Абакан : Хакасский государственный университет им. Н. Ф. Катанова, 2023. С. 201–203.

10. Саенко М. И. Архетипический компонент концепта «Ребенок» (на материале фольклорных и авторских детских колыбельных песен) // Тульский научный вестник. Серия: История. Языкознание. 2024. № 1 (17). С. 204–212. DOI 10.22405/2712-8407-2024-1-204-212

11. Уразаев М. Д. Американские ценности в устойчивых выражениях английского языка // Сравнительно-сопоставительная лингвистика и интеллектуальные технологии: перспективы интеграции : Материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, Уфа, 23 апреля 2025 года. Уфа : Уфимский университет науки и технологий, 2025. С. 61–65.

12. Федотова И. Б. Воспитание духовно-нравственных отношений, коллективизма, дружбы и товарищества (на материале русских сказок) / И. Б. Федотова, Н. М. Парсегян // Современные проблемы образования в России и пути их решения. Пятигорск : Пятигорский государственный университет, 2023. С. 102–118.

13. Цзинь Ч. Концепт «РЕБЕНОК» в русском, английском и китайском языковом сознании // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. 2022. № 4. С. 170–173. DOI 10.37882/2223-2982.2022.04.39

14. Abzhelieva D. A. The concept «child» in linguistic consciousness: cross-cultural analysis of English and Russian linguistic cultures / D. A. Abzhelieva, E. R. Nasibullaeva // Ученые записки Крымского инженерно-педагогического университета. Серия: Филология. История. 2024. № 2. P. 4–8.

15. Berdibekova A. N. The concept of “child” in the English and Kyrgyz picture of the world / A. N. Berdibekova, F. A. Samidinova, G. O. Kudaiberdieva, A. K. Zulpukarova // International Journal of Humanities and Natural Sciences. 2023. № 5–1 (80). P. 95–98. DOI 10.24412/2500-1000-2023-5-1-95-98

References

1. Alefirenko NF. Metodologicheskie osnovanija issledovanija problemy verbalizacii koncepta = Methodological basis of the concept verbalization problem. *Vestnik VGU. Serija: Gumanitarnye nauki = Proceedings of Voronezh State University. Series: Humanity Sciences.* 2004;(2):60-65. (In Russ.).

2. Borisenko TV. Koncept REBJONOK kak jelement konceptual’noj kategorii SEM’’Ja = Concept CHILD as an element of the conceptual category FAMILY. Materials of the international scientific conference, Chelyabinsk, 01.10.2024. Chelyabinsk State University. 2024: Pp. 339-343. (In Russ.).

3. Borisenko TV. Addressing concept feature issue. *Uchenye zapiski Novgorodskogo gosudarstvennogo universiteta = Memoirs of NovSU.* 2025;(3(58):662-672. DOI 10.34680/2411-7951.2025.3(58).662-672. (In Russ.).

4. Gurtovaja OV., Kosse EA., Sheremet RV. Amerikanskaja kul’tura v zerkale leksiki: analiz na materiale SMI = American culture in the mirror of lexis: analysis based on Mass Media data. Innovacionnye strategii professional’noj kommunikacii: vyzovy sovremennosti 2025 = Innovative strategies of professional communication: contemporary issues 2025 : Materials of the Russian scientific students conference. Rostov-on-Don: Donskoy State technical university. 2025. Pp. 51-56. (In Russ.).

5. Zhukovskaja LI, Graneva IJu. Neuzual’naja substantivacija russkogo lichnogo mestoimenija “my” kak jazykovoe voploshhenie cennostej kollektivizma v russkoj mental’nosti = Nonusual substances of Russian personal pronoun “we” as a language embodiment of collectivism values in Russian mentality. Sovremennaja lingvistika: ot teorii k praktike = Modern linguistics: from theory to practice: Works and materials. II Kazan international linguistic summit, Kazan, 14-19 November 2022. Vol. 2. Kazan University, 2023. Pp. 277-281. (In Russ.).

6. Malinovich MV. Universal’nye koncepty i kategorii: problema ierarhii i vzaimodejstvija v prostranstve jazyka = Universal concepts and categories: the problem of hierarchy and relations in language. In: Koncepty. Kategorii. Jazykovaja real’nost’ = Concepts. Categories. Language reality. Collective monograph. Irkutsk; 2011. Pp. 10–41. (In Russ.).

7. Popova ZD, Sternin IA. etc. Jazyk i nacional’noe soznanie: Voprosy teorii i metodologii = Language and national consciousness. Collective monography. Voronezh, 2002. 314 p. (In Russ.).

8. Pojda EE, Afanas’eva D.I. Russkij nacional’nyj harakter: kollektivizm i gumanizm = The Russian National Character: Collectivism and Humanism. Rossija: sovremennye vyzovy, identichnost’ i patriotizm = Russia: Modern Challenges, Identity, and Patriotism: Proceedings of the All-Russian (National) Scientific and Practical Conference, Persianovsky, March 24, 2023. Persianovsky: Don State Agrarian University, 2023. Pp. 55-59. (In Russ.).

9. Prokopova NS. Individualizm kak komponent cennostnoj kartiny mira amerikanca (na primere sovremennyh amerikanskih hudozhestvennyh proizvedenij) = Individualism as a Component of the American Value Worldview (Based on Contemporary American Fiction). Jetnos, jazyk, kul'tura v kommunikativnom prostranstve: poznanie i prepodavanie = Ethnicity, Language, and Culture in the Communicative Space: Cognition and Teaching: Proceedings of the All-Russian Scientific and Practical Conference with International Participation, Abakan, November 1-2, 2023. Abakan: Katanov Khakass State University, 2023. Pp. 201-203. (In Russ.).

10. Saenko MI. The Archetypal Component of the Concept 'Child' (Based on the Material of Folk and Author Lullabies). *Tul'skij nauchnyj vestnik. Serija Istorija. Jazykoznanie = Tula Scientific Bulletin. History. Linguistics.* 2024;(1(17)):204-212. DOI 10.22405/2712-8407-2024-1-204-212 (In Russ.).

11. Urazaev MD. Amerikanskie cennosti v ustojchivyh vyrazhenijah anglijskogo jazyka = American Values in the Set Expressions of the English Language. Sravnitel'no-sopostavitel'naja lingvistika i intellektual'nye tehnologii: perspektivy integracii = Comparative Linguistics and Intellectual Technologies: Prospects for Integration: Proceedings of the All-Russian Scientific and Practical Conference with International Participation, Ufa, April 23, 2025. Ufa: Ufa University of Science and Technology, 2025. Pp. 61-65. (In Russ.).

12. Fedotova IB, Parsegjan NM. Vospitanie duhovno-nravstvennyh otnoshenij, kollektivizma, druzhby i tovarishhestva (na materiale russkih skazok) = Education of Spiritual and Moral Relations, Collectivism, Friendship and Comradeship (Based on Russian Fairy Tales). Sovremennye problemy obrazovanija v Rossii i puti ih reshenija. Pjatigorsk = Modern Problems of Education in Russia and Their Solutions. Pyatigorsk State University. 2023. Pp. 102-118. (In Russ.).

13. Czin' Ch. Koncept "REBENOK" v russkom, anglijskom i kitajskom jazykovom soznanii = The Concept of "CHILD" in Russian, English, and Chinese Linguistic Consciousness. *Sovremennaja nauka: aktual'nye problemy teorii i praktiki. Serija: Gumanitarnye nauki = Modern Science: Current Issues in Theory and Practice. Series: Humanities.* 2022;(4):170-173. DOI 10.37882/2223-2982.2022.04.39 (In Russ.).

14. Abzhelieva DA, Nasibullaeva ER. The concept «child» in linguistic consciousness: cross-cultural analysis of English and Russian linguistic cultures. *Scientific Notes of the Crimean Engineering and Pedagogical University. Series: Philology. History.* 2024;(2):4-8.

15. Berdibekova AN, Samidinova FA, Kudaiberdieva GO, Zulpukarova AK. The concept of "child" in the English and Kyrgyz picture of the world. *International Journal of Humanities and Natural Sciences.* 2023;(5-1(80)):95-98. DOI 10.24412/2500-1000-2023-5-1-95-98

Информация об авторе

Т. В. Борисенко — кандидат филологических наук, доцент кафедры теоретического и прикладного языкознания.

Information about the author

T. V. Borisenko — Cand. Sci. (Philology), Assosiate Professor at the Department of Theoretical and Applied Linguistics.

Статья поступила в редакцию 20.04.2026; одобрена после рецензирования 30.04.2026; принята к публикации 22.05.2026.

The article was submitted 20.04.2026; approved after reviewing 30.04.2026; accepted for publication 22.05.2026.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

Вестник Челябинского государственного университета. 2026. № 5 (511). С. 62–69.
Bulletin of Chelyabinsk State University. 2026;(5(511):62-69.

Научная статья

УДК 811.222.1’373

DOI: 10.47475/1994-2796-2026-511-5-62-69

ОТРАЖЕНИЕ МИФОНИМА «MEHR» («МИТРА») КАК МОРФЕМЫ В СИСТЕМЕ СЛОВООБРАЗОВАНИЯ ПЕРСИДСКОГО ЯЗЫКА

Марьям Моради

Университет имени Алламе Табатабаи, Тегеран, Иран, m.moradi@atu.ac.ir, 0000-0002-6652-227X

Аннотация. Цель исследования — показать устойчивость и наследуемость мифонимических, символических и ритуальных значений в древних по происхождению лексемах, бытующих и в современном иранском языке. Новизна исследования заключается в диахроническом исследовании происхождения современных лексем с учетом их историко-социального и политического аспектов. Исследование косвенно показывает устойчивость иранской мифопоэтической идентичности с точки зрения лингвистики. Культ митраизма, будучи единственным культом в Иране до появления первого в мире монотеистического пророка Зороастра, распространился в Азии и Европе во время войн между древним Ираном и Римом. Этот культ напрямую связан с лингвокультуремой *солнца* (Митры) и астрологией. В данной статье с лингвистической точки зрения рассмотрено отражение лингвокультуремы Митры в деривационной системе современного персидского языка. В числе прочего показано, что мифоним «хранитель солнца» (mehrban) в культе митраизма во время зороастризма приобрел значение «хранитель фольклора», в современном же персидском языке Mehrban означает «добрый человек», фраза Мир-ноурузи (Mir-e Nowrouzi) придает новогоднюю юмористическую тональность иранскому новогоднему празднику. Показано, что в отличие от своей омонимической арабской формы мифонимическое прозвище *Амир* имеет корни в митраизме и означает «бессмертный человек». Морфемы-мифонимы прошли через сложные и длительные исторические процессы, но их оригинальные значения восстанавливаются как лежащие в истоках последующих метафорических и метонимических переходов.

Ключевые слова: митраизм, солнце, морфема «mehr» в роли префикса / суффикса, персидский язык, Mehrbān, Mehregan, Mir-e-Nowruzi

Для цитирования: Моради М. Отражение мифонима «Mehr» («Mitra») как морфемы в системе словообразования персидского языка // Вестник Челябинского государственного университета. 2026. № 5 (511). С. 62–69. DOI: 10.47475/1994-2796-2026-511-5-62-69

Original article

REFLECTION OF THE MYTHONYM “MEHR” (MITRÁ) AS A MORPHEME IN THE WORD-FORMATION OF THE PERSIAN LANGUAGE

Maryam Moradi

Allameh Tabataba’i University, Tehran, Iran, m.moradi@atu.ac.ir, 0000-0002-6652-227X

Abstract. The aim of this study is to demonstrate the stability and heritability of mythonymic, symbolic, and ritual meanings in ancient lexemes that are still used in the modern Iranian language. The novelty of the study lies in its diachronic analysis of the origins of modern lexemes, considering their historical, social, and political contexts. This research indirectly highlights the stability of Iranian mythopoetic identity from a linguistic perspective. The cult of Mithraism, which was the predominant cult in Iran before the emergence of the world’s first monotheistic prophet, Zoroaster, spread to Asia and Europe during the conflicts between ancient Iran and Rome. This cult is closely associated with the concept of the sun (Mitrá) and astrology. This article explores the reflection of the concept of Mitrá in the derivational system of modern Persian through mythonymous morphemes and lexemes. For instance, the mythonymous lexeme “Mehrban”, which originally meant “keeper of the sun” in the cult of Mithraism, evolved during Zoroastrianism to mean “keeper of folklore”. In modern Persian, “Mehrban” now signifies “good man”. Additionally, “Mir-e Nowrouzi” adds a humorous tone to the Iranian New Year’s greeting. It is also shown that, unlike

© Моради М. , 2026

its homonymous Arabic form, the mythonymous nickname “Amir” has roots in Mithraism and means “immortal man”. Mythonyms have undergone complex and lengthy historical processes, but their original meanings are preserved as the foundations of subsequent metaphorical and metonymic derivations.

Keywords: Mithraism, sun, morpheme “Mehr” as a prefix / suffix, Persian, Mehrbān, Mehregan, Mir-e-Nowruzi

For citation: Moradi M. Reflection of the Mythonym “Mehr” (Mitra) as a Morpheme in the Word-Formation of the Persian Language. *Bulletin of Chelyabinsk State University.* 2026;(5(511):62-69. (In Russ.). DOI: 10.47475/1994-2796-2026-511-5-62-69

Введение

Предметом настоящего исследования являются случаи употребления мифонима «mehr» («Митра») как морфемы в системе словообразования персидского языка. Указанный аффикс, берущий свое начало от древнего иранского культа митраизма, до сегодняшнего дня продолжает свою функцию и не устарел. Он особенно часто используется в образовании мифонимов с частью «Mehr» (в значении Солнца как сердца нашей Солнечной системы). Методом нашего исследования является библиотечное изучение материалов, написанных в области исторической и археологической лингвистики. Гипотеза исследования заключается в том, что «mehr» — название одного из 12 месяцев иранского солнечного календаря, являющееся частью структурной морфологии в ритуалах и праздниках Древнего Ирана, сегодня активно используется при образовании мужских и женских иранских имен. Новизна настоящего исследования заключается в том, что в то время как до сих пор большинство исследований в области митраизма охватывают историческую, археологическую и астрономическую стороны вопроса, в данной работе в центре внимания стоит лингвистическое изучение слов, образованных при помощи аффикса «mehr».

Язат Митра (Mehr) в священной Авесте и в мировой мифологии

В авестийской мифологии мифоним «Mehr» означал «хранитель обетования и завета» и персонифицируется язатом Митрой, ангелом доброты и справедливости, который может, тем не менее, гневаться и наказывать тех, кто нарушает закон и соглашение, и даже разжигать войны [8, с. 96]. До разделения иранских и индийских племен Митра, вероятно, фигурировал в образе бога Варуны (Varuna, скр. वरुण) или Дьяуса (Dyauh, скр. द्यौष्पितृ — «небо»). По верованиям индийского и иранского народов Варуна управлял действиями человека, он считался самым могущественным божеством у арийцев [21, с. 4462].

Впервые о язате Митре упоминается примерно в XV в. до н.э., когда между Митанни и Хеттами было составлено соглашение, в котором обе стороны присягнули этому божеству. Это показывает древность данного язата. Во времена Зороастра его имя сохранилось в Священной Авесте в Mehr-Яште. 10 Яшт в Авесте посвящен Митре [6, с. 179]; 6 и 7 Яшты Авесты посвящены соответственно *Солнцу* и *Луне*, что подтверждает тот факт, что в зороастризме отличали Митру от Солнца и Огня [15, с. 360–369]. Можно сказать, что в Яште 10 упоминаются важные характеристики, лежащие в основе иранского прогресса, такие как: а) правдивость и выполнение обещаний, б) храбрость и борьба [14].

В своих религиозных реформах Зороастр отказался от всех предыдущих язатов, включая Митру, и установил монотеизм, но Митра продолжал свое существование как одно из творений Ахурамазды [8, с. 64]. В зороастрийской религии солнце, наряду с водой и огнем, является одним из трех кибл, которое трижды в день передает человечеству послание Ахурамазды. Полное соединение Митры с Солнцем относится к времени династии Сасанидов. В эту эпоху клятва Солнцем и клятва Митрой считались одним и тем же [8, с. 76].

Язат Митра родился из скалы (камня), поэтому пещеру, через которую текла вода, называли святилищем Митры (Митреумом). Первые Митреумы были созданы в форме скальных пещер. Согласно верованиям, солнце сохраняет землю и то, что находится на ней, в чистоте. Если бы не оно, демоны загрязнили бы и разрушили мир. Кто хвалит солнце, тот хвалит Бога-Ахурамазду. Демоны же являются тогда, когда солнца нет, т. е. когда оно заходит.

В митраистском культе выделено семь духовных этапов, шестой из них принадлежит именно Солнцу. Согласно митраизму, душа человека, спускаясь с седьмого неба, приобретает атрибуты, необходимые для жизни на Земле. В Сатурне — она наделяется мышлением, логикой и разумом, в Юпитере — волей и трудолюбием, в Марсе — смелостью и отвагой, в Солнце — восприятием, в Венере — похотью, В Меркурии — способностью говорить, в Луне она получает качества роста и развития. После смерти, она тем же путем летит на небеса [4, с. 301]. В Авесте Митра

предстает как язат на колеснице из четырех лошадей, пересекающей небо (Авеста, 10 Яшт) [15, с. 371–389].

В книге Авесты, особенно в 10 Яште, посвященном Митре, подчеркивается, что Митра и Солнце становятся одним существом. Митра выступает в качестве посредника между силами добра и зла. В иранской мифологии, в культе Митры и в зороастрийской религии змея — самое низкое существо на дне земли, а Солнце — самое высокое на небе. Солнце в Авесте — это также глаз Ахурамазды (Авеста, Ясна 1, п. 11). Лучи Солнца очищают нечистоты, и в присутствии Солнца Ангра-Майнью (демон) не способен навредить творениям бога Ахурамазды.

Но в мифологии Митры имеется и сюжет борьбы с Солнцем, когда после рождения язат Митра решил проверить свою силу и мощь, сразиться с Солнцем и победить его. По легенде, Солнце было первым богом, с которым сражался Митра. Когда Солнце проиграло в битве, оно заключило с ним договор о дружбе, а взамен Митра возложил на его голову сияющую корону, и эти двое навсегда стали соратниками [19, с. 134]. Сцены поклонения Митре рассказывают о господстве Митры над Солнцем и другими стихиями природы. На некоторых из этих изображений мы видим Солнце, стоящее на коленях перед Митрой. Считается, что, победив Солнце, Митра приобрел атрибут непобедимости, который ранее принадлежал Солнцу.

На иконе «Митры, убивающего быка» (рис. 1), Митра представляет «Солнце». Митра садится быку на спину и вонзает нож ему в плечо. Изображения на иконе являются представителями созвездий. Бык представляет собой созвездие «Тор»; собаки символизируют Большой Пёс и Малый Пёс; змея-Гидра, Скорпион, ворон и Близнецы. Змея, обвившаяся вокруг робинии, символизирует жизнь и здоровье; зеленая робиния символизирует истину. Собака и змея пришли лизать кровь, а скорпион кусает гениталии быка. Собака — символ охраны, а скорпион — представитель дьявола, желающего осквернить бычье семя [12, с. 1–20].

Рис. 1. Икона «Митра, убивающий быка»
Fig. 1. Icon "Mithras Slaying the Bull"

Имена нарицательные и собственные с морфемой «mehr»

Приведем примеры бытования морфемы-мифонима «mehr» в именах нарицательных и собственных иранского языка.

1. Эволюция лексемы «Mehrbān»

Искусство повествования сказаний в Иране имеет древнюю историю с древних времен до наших дней. В иранских сказаниях внутренняя тема обладала историко-философским мотивом. Слово «Mehrbān» имеет в своем составе морфему-мифоним «mehr». Во время митраизма и зароастризма оно означало «хранитель солнца», а далее — «хранитель сказаний» [10, с. 45–68]. В современном персидском языке «Mehrbān» используется в роли имени прилагательного и имеет значение «добрый». Историческое же значение Mehrbān «хранитель (и передатчик) народных сказаний» продолжает свое существование на территории Ирана и Кавказа и по сей день в виде метонимического синонима «гусан» [11, с. 11–25].

На среднеперсидском языке слово «гусан» означало того, кто поет национальные и народные песни и сочиняет эпосы [22, с. 3136]. Также в древнеперсидском языке есть слово «Гаты», являющееся частью Авесты, означающее авестийские гимны. При добавлении суффикса множественного числа данное слово превращается в gahan / gathan. Это наводит на мысль о том, что помимо зороастрийских магов, возможно, зороастрийскими рассказчиками выступали и гусаны. До прихода ислама эти рассказчики были разбросаны почти по всей Персии. Но затем гусаны рассеялись по трем основным регионам: Хорасан, Азербайджан и Курдистан [16, с. 3, 7]. Истоки таких хранителей истории и рассказчиков уходят в традиции культа митраизма и религии зароастризма в древнем Иране и Месопотамии [18, с. 30].

В период Древнего Ирана существительное مهربان / mehrbān «добросердечные люди» применялось к ритуальным музыкантам и певцам. Мехрбаны (mehrbān) или хуниягары (khonyāgar) были связаны с культом поклонения Митре. В период правления Парфии и Сасанидов мехрбаны передали свое наследие гусанам.

Дружба мехрбанов с великим Фердоуси явилась фундаментом, на котором было создано эпическое произведение «Шахнаме» (994 г., XI в.). Это доказывает, что хранителями и передатчиками эпической устной традиции в Древнем Иране

были священники культа митраизма и религии зороастризма. Семантическая связь слова «гусан» с «mehraban» дается в Авесте: на древнеиранском языке пехлеви گاس gās и گاه gāh означают «стихи». Зороастрийские маги (священники) мелодично пели گاتاها (Gathas, гаты, گاهان gahan, gāxān). Согласно имеющимся документам, стихи Авесты сопровождались музыкой и пелись в храмах Огня [18, с. 30–31].

2. Морфема-мифоним «mehr» в именах собственных

Во-первых, стоит отметить примеры антропонимов с морфемой «mehr», относящихся к реальным историческим фигурам. Мы наблюдаем морфему-мифоним «mehr» в именах трех известных людей времени Сасанидов, где она используется в качестве суффикса и префикса. Как суффикс эта морфема употребляется в имени великого министра сасанидского шаха Кавада I (498–531 гг.) и его сына Хосрова I (531–579 гг.) — Бозоргмехр-и-Бохтаган (Bozorg*mehr*-e Bokhtagan); как префикс — в имени зороастрийского священника-мага при сасанидском царе Шапуре II Адурбана Махраспандана (Adurban I *Mahr*spandan) (мобедан-мобеда); также в качестве префикса эта морфема используется в имени седьмого шаха Сасанидов Михра-Нарсе (Mihr-Narseh, 293–302 гг.).

Теперь упомянем несколько случаев употребления морфемы-мифонима «mehr» в фольклоре и художественных произведениях. Эта морфема содержится в сказании «Mah-o-Mehr» («Луна и солнце», Mah-o-Mehr), легенде о Mahe (Луна — принцесса Запада) и Mehre, или Митре (Солнце — принц Востока). Повествование «Mah-o-Mehr» наполнено именами, взятыми из астрономии и природы: *луна, полумесяц, звезды, названия планет, ветер, соловей* и т. д. В сказании сорокалетний мужчина, мечтающий иметь ребенка, женится на пери, и у него рождается сын, нареченный Mehrом. Астрологи предсказали ему, что его сыну в 18 лет придется пройти трудный жизненный этап. Юноше удается пройти этот путь, и он женится на Mah [23, с. 101–122] [3, с. 202–207]. После удивительных приключений и опасных путешествий, множества страданий, невзгод и необыкновенных поступков они оказываются в окружении великанов, фей, сподвижников и спутников министра, шаха и других персонажей. В конце концов, они счастливо женятся. Сказание-маснави «Mehr и Mah» представляет собой прозаическое повествование, основанное на стихотворениях Джамали Дехлави, персоязычного поэта и мистика из Индии (1441–1535 гг.), в поэзии которого встречаются вкрапления стихов Низами, Саади, Хафеза и Сафаи. Главная особенность данного произведения заключается в том, что имена всех персонажей взяты из названий планет Солнечной системы [5, с. 1–198].

В произведении М. Ю. Лермонтова «Ашик-Кериб» главная героиня Магуль-Мегери демонстрирует богатую духовную организацию, наполненную бесстрашием, верностью, искренностью и чистотой [1, с. 39]. Имя героини содержит морфему-мифоним, напоминающую о древних представлениях народов Персии и Азербайджана. Оно состоит из двух частей: ماه [māh] — «луна» и مهر [mehr] — «Митра», «солнце». Сват Магуль-Мегери — Куршуд-бек. Его имя также отсылает к мифологии, так как по-персидски Куршуд (Хуршид) означает «солнце». Очевидно, что использование в этом коротком народном предании названий со значениями *луны* и *солнца* не случайно.

3. Морфема-мифоним «mehr» в именах собственных и в качестве титулования

Со времен митраизма «Mehr» встречается, в сочетании с другими морфемами, в качестве титулования в формах «Amar-», «Mar-», «Amir-», «Mir-». Эти префиксы встречаются в именах персов, наделенных духовной святостью и зороастрийским религиозным статусом во времена династии Сасанидов. После установления ислама в Иране титулы «Амир» и «Мир» использовались в именах правителей периода халифов Аббасидов, а также при династиях Тахиридов и Саманидов. Так, префикс «Амир» применялся в словосочетании «Амир аль-Муминин» для обозначения халифов. В этот же период иранцы использовали «Мир» для обозначения религиозных старейшин и святых как синоним слов «Сеид» и «Ага» (господин). Далее его использовали в именах тех, кто был выходцем из арабов или был связан с семьей Пророка Мухаммеда. «Мар», сирийское слово, и его синоним «Сеид» в основном употребляются по отношению к священнослужителям.

Возьмем мужское имя *Амир*, которое имеет одно значение в иврите и арабском языке и другое — в персидском языке. В арабском языке данное имя восходит к арабскому корню «Амр», что означает «командовать», в иврите аналогичное слово означает «приказывать». В персидском языке данное имя рассматривается как состоящее из двух частей: отрицательного аффикса «а-» + «mir» в значении «умирать»; следовательно, значение этого имени — «тот, кто никогда не умирает».

В период Сасанидов религия и политика постепенно переходили в руки одного человека,

и во времена последнего шаха они полностью находились в руках зороастрийских магов, в частности, в руках мога Картира. Такая же ситуация имела место и после принятия ислама: постепенно религиозная власть возрастала и распространялась на политическую сферу. Слово «Амир» отражает передачу власти и политики в руки одного человека. В исламе халифам присваивался титул *Амир аль-муминин* (правитель правоверных). Этот титул продолжали использовать халифы Омейядов и Аббасидов [7, с. 131].

б) «Mehr» встречается в основах женских имен «Мари-» и «Март-» («Морт-») в значении «моя хозяйка/госпожа». Имена «Марие», «Мария», «Марьям», «Марта» являются женскими формами от «Мар»<«Mehr». «Мария» — распространенное женское имя среди египетских/коптских женщин и сирийских христианок, в Библии — мать Иисуса Христа и святая женщина [7, с. 111–113].

в) Сегодня «mehr» широко и с большой частотностью встречается как в мужских, так и женских именах: Mehrdad (тот, кого дал Митра), Mehr-Azar / Azar-Mehr — женское имя (огненная Митра), Mehr-naz – женское имя (красивая Митра), Mehr-dokht (дочь Митры), Mehr-shid (Мита, похожая на солнце) и многие другие. В культе митраизма Митра был мужской фигурой, но в современном персидском языке Митра является распространенным именем девочек.

4. Использование морфемы-мифонима «mehr» в наименованиях праздников:

Изафетная конструкция «Мир-е-Миран» (Амир всех Амиров), имеющая в своем составе морфему «mehr», обозначает карнавальный праздник. Во время этого карнавала проводятся уличные театрализации. Карнавал проводится ежегодно, особенно эта традиция характерна для Курдистана. Мир-е-Миран считается самым длинным карнавалом в мире, он продолжается несколько суток и является продолжением древней традиции поминовения смерти шаха и воскрешения природы. Время проведения данного торжества — накануне солнечного нового года. По одним данным, период правления Миренорузи составлял 5 дней (с 21 по 25 марта), по другим — 13 дней (21 по 31 марта).

Этот ритуал представляет собой одну из самых популярных уличных театрализаций в Иране, совмещающую политические, социальные и развлекательные функции. Театральное действо обладает особенностью импровизации, подчеркивая многоголосие общества в противовес одноголосию правителя. В празднике участвуют все люди независимо от пола и социального класса. Радостное, но хаотичное собрание деревенских жителей ждет у входа в деревню и выбирает первого проходящего путника или прохожего «Миром» деревни, то есть назначает его правителем. Этому человеку вверяют халат и корону правителя, а также лошадь с украшениями на срок от 5 до 13 дней в селе или городе [17, с. 26–28].

Социально-политический перформанс Мир-е-Миран или Мир-ноурузи является художественным действом, символизирующим образование новых общественных отношений, коммуникацию общества и власти. Во время Мир-е-Мирана происходит изменение роли высших политических слоев общества на низшие и наоборот. Его идея состоит в том, чтобы подчеркнуть важность юмора, высмеять существующие социальные порядки [17, с. 36; 2, с. 182]. Примечательно, что в то время как Мир-е-Миран имеет юмористическую тональность, его синонимическая форма Амир аль-муминин, означающая «правитель правоверных» в Исламе, обладает серьезной религиозной тональностью.

Мирнорузи — еще один из древних обычаев иранцев, название которого также содержит морфему-мифоним «mehr». Согласно этому обычаю, в течение пяти дней на трон символически сажают человека, не разбирающегося в государственных делах, и он делает такие юмористические вещи, которые заставляют людей смеяться и веселиться. Данная традиция сопровождается танцами и пением. Мирнорузи праздновали еще в вавилонской и египетской культурах; это был способ высмеивать серьезные и страшные события в мире, смеяться над ними, чтобы плохое было забыто, и правитель и его подданные могли начать новый год со свежими и радостными мыслями [7, с. 132]. В монографии «Золотая ветвь: исследование магии и религии» Дж. Дж. Фрезер рассматривает существующие сходства между данным иранским празднованием и сатурналиями в Риме, праздником Крония (Kronia) в Греции в честь греческого верховного божества Кроноса и празднованием Акиту в Вавилоне [9, с. 657–672]. На празднование Мир-е-Мирана повлияла традиция Акиту (Sacea) в Месопотамии, длившаяся пять дней, при которой менялись местами господин и раб (правитель и простой народ). Страбон считал, что этот праздник проводился везде, где было поклонение Анахите — покровительнице вод, но поскольку Анахита происходит от вавилонской Иштар, можно считать, что сам праздник восходит к вавилонской цивилизации [13, с. 87–88].

Следует добавить, что на 44-м заседании Комитета всемирного наследия ЮНЕСКО (2021 г.) в Фучжоу (Китай) Мирнорузи был включен в список всемирного наследия ЮНЕСКО в рамках объекта «Культурный ландшафт Урамана» (Cultural Landscape of Hawraman / Uramanat) — это 26-й объект материального наследия Ирана. Мирнорузи — одно из важных событий, ежегодно отмечаемых в Орамане.

Праздник «Mahr-e-gan» (Mehregan / Мехрган) в честь язата Митры считается самым важным иранским праздником после Новруза. В его названии морфема «-ган» означает «время». Считается, что Mahr-e-gan — это день Митры / Mehr в месяце Mehr (16-й день первого месяца осени). Согласно мифу, в этот день богатырь-кузнец по имени Каве (Kaveh), низвергший иноземного узурпатора Заххака, надевает корону на голову Ферейдун-шаха, и справедливость торжествует повсюду в Иране. Это повествование также встречается в Авесте [20, с. 260–262] [21, с. 4466]. Кроме того, «Mahr-e-gan» — совместно представленный Ираном и Таджикистаном — был зарегистрирован в качестве 25-го элемента нематериального культурного наследия 3 декабря на 19-м заседании Международного комитета по охране нематериального культурного наследия ЮНЕСКО в Парагвае.

Заключение

В данной статье продемонстрировано бытование мифо-морфем mehr, amar, mar, mort, mary в системе словообразования персидского языка. Тема нашего исследования свидетельствует о древней идентичности иранцев, которая сегодня осознанно или неосознанно продолжает свое существование. Указанные словоформы остались в современном персидском языке со времен культа митраизма. В итоге данного исследования было выяснено, что лексема «Mehrban» утратила свое начальное религиозное значение. При митраизме Mehrban являлись религиозными хранителями святынь-митреумов; при зороастризме они занимались составлением и передачей эпических и ритуальных сказаний, и именно с их помощью персоязычный поэт Фирдоуси создал «Шахнаме». Позже роль Mehrban приобрели «гусаны». В современном персидском языке Mehrban содержит лишь семантику «добрый». Мы выяснили, что морфемы «mehr», «Amar», «Mehr», «Mar» означают доброжелательность и духовную святость своего обладателя. Персидская форма «Амир» состоит из двух частей: отрицательный аффикс «а-» + «мир» в значении «умирать», то есть «бессмертный». Соответствующие женские формы «Морт» и «Мари» имеют значение моя хозяйка / госпожа. От последних форм были образованы высокочастотные женские имена «Мария», «Марьям» и «Марта».

Список источников

1. Гусейнова Э. Д. Некоторые заметки о произведении Михаила Юрьевича Лермонтова «АШУГ ГАРИБ» // Филологические науки. East European Scientific Journal. 2021. Т. 6, № 70. С. 37–40.
2. Сокаева Д. В., Дзапарова Е. Б., Моради Марьям, Шафаги Марьям. Исследование персидского фольклора: генезис, семантика, индоевропейский и иранский контекст. Университет им. Алламе Табатабаи, СОИГСИ. В. И. Абаева, ВНЦ РАН, Тегеран — Владикавказ, 2024 г. 384 с.
3. اسلام پناه، محمدحسین. قصه مهر و ماه. آینه میراث. تابستان و پاییز 1385. شماره 33 و 34. صص 207- 202.
4. آشتیانی، سید جلال الدین. عرفان: گنوستی سیزم – میستی سیزم: مذاهب هندی: ودانتا (جلد 4). تهران: شرکت سهامی انتشار. 1386. 144 ص.
5. افشاری، مهران. افشار، ایرج. اسلام پناه، محمدحسین. قصه مهر و ماه. تهران: نشر چشمه، گیلگمش، چرخ. 1389. 198 ص.
6. باوندپور، محمدرضا. یوسف جمالی، محمد کریم. جدیدی، ناصر. اعرابی هاشمی، شکوه السادات. بررسی نقش ایزدمهر در متن مذهبی مهریشت اوستا. دوره 15. شماره 58. آذر 1399. صص 191-179.
7. تقی، شکوفه. از مار تا مهر و میر: ارتباط زبان شناختی. ایران نامگ: سال 4، شماره 1، 1398. صص 136- 111.
8. جعفری قریه علی حمید. مهر و خورشید در منظومه های حماسه ملی. نشریه کاوش نامه زبان و ادبیات فارسی (کاوش نامه). سال 1385. دوره 7. صص 94-63.
9. جرج فریزر جیمز. شاخه زرین؛ پژوهش در جادو و دین. ترجمه: کاظم فیروزمند. تهران: انتشارات آگاه. 1388. 865 ص.
10. حسینی تشنیزی، فریبا. امیرارجمندی، نازنین. اشتقاق زبان فارسی در چارچوب نظری رابرت برد.فصلنامه پازند. سال 16. شماره 60. پاییز 1401. صص 68-45.

11. راشدمحصل، محمدرضا. سنت قصه پردازی و نقش گوسان ها در نقل روایت های پهلوانی. پژوهشنامه ادب حماسی. 1391. دوره 8، شماره 14، صص 25-11.
12. رضازاده، زهرا. حسن اوغلی زرنق، سویل. بررسی نقوش جانوری در آیین میترائیسم. کنفرانس بین المللی پژوهش در علوم و تکنولوژی. کوآلالامپور، مالزی. 2015.
13. رضایی دشت ارژنه. محمود. هستی شناسی میر نوروزی با تکیه بر بیتی از حافظ. پژوهش های ادب عرفانی (گوهر گویا). 1387. دوره 2. شماره 4، صص 94-75.
14. رضایی، میترا. مهریشت: متن اوستایی، آوانویسی، ترجمه، یادداشت‌ها و واژه نامه. تهران: هیرمبا. 1400.
15. رضی، هاشم. اوستا: گاثاها، یسنا، یشت ها، ویسپرد و خرده اوستا / نوشته و پژوهش هاشم رضی. تهران: بهجت. 1378.
16. ریاضی، دومان. گوسان پارسی - کریشنا هندی. پژوشنامه تاریخ، سال شانزدهم. 1400. شماره 65. صص 19-1.
17. سینا، خسرو. مرادی، مهدی. واکاوی مولفه های هویتی در نمایش میرنوروزی از منظر نظریه میخاییل باختین. پژوهشنامه ادبیات کردی. دوره 6، شماره 1، 1399. صص 39-25.
18. ظهیری، بیژن. عشقی، جعفر. مهربانان، انتقال دهندگان سنت و فرهنگ ملی ایرانی به دوره اسلامی. فصلنامه ادب پژوهی. پیاپی 28 ، تابستان 1393. صص 54-29.
19. فرانس والری ماری کومون. آیین پررمز و راز میترایی. رازهای میترا. مترجم: هاشم رضی. تهران: بهجت. 1383. 306 ص.
20. محمودآبادی، سیداصغر. عباسی، علی اکبر. فرایند برگزاری جشن مهرگان در قرون نخستین اسلامی. فرهنگ زمستان. 1387. شماره 68 ، صص 284-257.
21. معین، محمد. فرهنگ فارسی. تهران: انتشارات امیرکبیر. 1386. جلد چهارم.
22. معین، محمد. فرهنگ معین. تهران: انتشارات امیرکبیر. 1350.
23. نبی لو، علیرضا. ریخت شناسی داستان مهر و ماه. پژوهش زبان و ادبیات فارسی. 1390. شماره 23. صص 122-101.

References

1. Guseinova ED. Nekotorye zametki o proizvedenii Mihaila Jur'evicha Lermontova. [Some notes on the work of Mikhail Yuryevich Lermontov]. "ASHUG GHARIB". Philological sciences. *East European Scientific Journal.* 2021;6(70):37-40. (In Russ.).

2. Sokaeva DV, Dzaparova EB, Moradi M, Shafaghi M. Issledovanie persidskogo fol'klora: genezis, semantika, indoevropejskij i iranskij kontekst. [A study of Persian folklore: genesis, semantics, Indo-European and Iranian context]. Allameh Tabataba'i University, SOIGSI. VI Abaeva VNC RAN, Tehran-Vladikavkaz, 2024. 384 p. (In Russ.).

3. Islam-Panah MH. Ghesseye mehr-o mah. [The story of the Sun and the Moon]. Mirror of heritage (Ayene-ye miras). *Semiannual journal of Literary and Textological studies.* Iss. 4, Vol. 2nd and 3rd, Summer and autumn 2015. (33 and 34 in a row). Pp. 207-202. (In Pers.).

4. Ashtiani J. Erfan: Gnostisizm – Mistisizm: Mazaheb-e hendi: Vedanta. [Gnostic mysticism - mysticism: Indian religions]. The 4th v., Tehran: Sherkat-e sahami-ye enteshar, 1994. 144 p. (In Pers.).

5. Afshari M, Afshar I, Islam-Panah, MH. Ghesse-ye mehr-o mah. [The Story of the Sun and the Moon]. Tehran: Cheshme, Gilgamesh, Charkh. 2010. 198 p. (In Pers.).

6. Bavandpour MR, Jamali KY, Jadidi N, Arabi-Hashemi Sh. Barresi-ye naghsh-e Izadmer dar matn-e mazhabi-ye Mehrisht-e Avesta. [Investigating the role of Izadmehr in the religious text of Mehrisht Avesta]. *Scientific Journal of History.* Fall 2020;(58):179-199. (In Pers.).

7. Taqi Sh. Az mar ta mehr-o mir: ertebat-e zanabshenakhti. [From snake to Mehr and Mir: Linguistic connection]. *Iran Namag.* Spring 2019;(4(1):111-136. (In Pers.).

8. Jafari-Qaryeh Ali-Hamid. Mehr-o Khorshid dar manzumeh-haye hemase-ye melli. [Mehr and Sun in the national epic poetry]. Kavosh-Nameh. *Persian Language and Literature Journal.* 2006;7:63-94. (In Pers.).

9. Frazer JG. Zolotaja vetv' issledovanij v oblasti magii i religii. [The golden branch of research in magic and religion]. translated by Kazem Firouzmand. Tehran: Aghah, 2005. 864 p. (In Pers.).

10. Hosseini Tashnizi F, Amirarjomandi N. Eshteghagh-e zaban-e farsi dar charchub-e Nazari-ye Robert Bird. [The derivation of the Persian language in the theoretical framework of Robert Bird]. *Pazand.* Year 16. Issue 60. Autumn 2022. Pp. 45-68. (In Pers.).

11. Rashed Mohassel MR. Sonnat-e ghesseh-pardazi va naghsh-e gusan-ha dar naghl-e ravayatha-ye pahlevani. [The tradition of story making and the standpoint of minstrels in the narration of heroic romance]. *Journal of Epic Literature.* 2012;8(14):11-25. (In Pers.).

12. Rezazadeh Z, Hasanoglu Zarnak S. Barresi-ye noghush-e janevari dar ayin-e mitraism. [A study of animal motifs in mithraism religion]. International Conference on Research in Science and Technology. Kuala Lumpur, Malaysia. 2015. (In Pers.).

13. Rezai-Dasht-Arjaneh M. Hasti-shenasi-ye mire nowrouzi ba tekye bar beyti az Hafez. [Ontology of Mir-norouzi based on a verse of Hafez].*"Gohar Gooya" scientific journal.* Winter 2017;(2(8):75-94. (In Pers.).

14. Rezaei M. Mehrisht: matne avestayi, avanevisi, tarjome, yaddasht-ha va vaje-nameh. [Mehrisht: Avestan text, transcription, translation, notes and glossary]. Tehran: Hiramba. 2021.

15. Razi H. Avesta: Gata-ha, yasna, yasht0ha va khorde-avesta. [Avesta: Gathas, Yasna, Yasht, Visparad and small Avesta]. Written and researched by Hashem Razi. Tehran: Bahjat, 1999. 668 p. (in Pers.).

16. Reyazi D. Gusan-e Parsi – Krishna Hendi. [Persian Gosan - Indian Krishna]. *Scientific journal of History Research*, 15th year. 2022;(62):1-19. (In Pers.).

17. Sina K, Moradi M. Vakavi-ye moallefeh-haye hoviyyati dar namayesh-e mir-e nowrouzi az manzar-e nazari-ye-ye Mikhail Bakhtin. [Analyzing identity components in Mirnorouzi's play from the perspective of Mikhail Bakhtin's theory]. *Journal of Kurdish literature.* Spring and Summer 2020;(6(1)). Series 9:25-39. (In Pers.).

18. Zahiri B., Eshghi J. Enteghal-dahandegan-e sonnat va farhang-e melli-ye Irani be dowre-ye eslami. [Mehrabanan, a bridge between Iranian and Islamic culture and tradition]. *Quarterly Journal of Literary Studies.* No. 28, Summer 2014. Pp. 29-54. (In Pers.).

19. Cumont F. Ayin-e por-ramz-o raz-e mitrayi: Razha-ye Mitra. [The mysteries of Mithra]. Translated by Hashim Razi. 2nd ed., Tehran: Bahjat, 2004. 306 p. (In Pers.).

20. Mahmoudabadi SA, Abbasi AA. Farayand-e bargozari-ye jashn-e mehregan dar ghorun-e nokhostin-e eslami. [Mehregan ceremony in the first Islamic centuries]. *Jouranl of "Farhang".* Winter 2017;(68):282-257. (In Pers.).

21. Moein, Mohammad. Persian Dictionary. Tehran: Amirkabir Publications. 4th Vol. 2007. (In Pers.).

22. Moein, Mohammad. Moein's Dictionary. Tehran: Amirkabir Publications. 1977. (In Pers.).

23. Nabilu A. R. [Morphology of the Sun and the Moon Story]. *Scientific Quarterly "Research on Persian Language and Literature".* Winter 2013;(23):101-122. (In Pers.).

Информация об авторе

М. Моради — кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и литературы

Information about the author

M. Moradi — Cand. Sci. (Philology), Associate Professor of Russian Language and Literature.

Статья поступила в редакцию 20.10.2025; одобрена после рецензирования 08.11.2025; принята к публикации 22.05.2026.

The article was submitted 20.10.2025; approved after reviewing 08.11.2025; accepted for publication 22.05.2026.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

Вестник Челябинского государственного университета. 2026. № 5 (511). С. 70–76.
Bulletin of Chelyabinsk State University. 2026;(5(511):70-76.

Научная статья

УДК 81’276.6

DOI: 10.47475/1994-2796-2026-511-5-70-76

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОЦЕССЫ В СОВРЕМЕННОМ КОСМЕТОЛОГИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

Ольга Павловна Касымова[1], Алена Вячеславовна Лебедева[2]

[1] Уфимский университет науки и технологий, Уфа, Россия, olgakasymova@yandex.ru, 0002-0002-9317-6349

[2] Башкирский государственный медицинский университет, Уфа, Россия, alenallebed@gmail.com, 0009-0003-1122-7278

Аннотация. Несмотря на возросший интерес к дискурсивной лингвистике вследствие так называемого «дискурсивного поворота» в отечественной лингвистике, профессиональный дискурс мало изучен: не определены границы профессионального дискурса, особенности формирования и реализации в речи профессиональной картины мира, влияние наивного формата коммуникации на общую структуру дискурса такого типа. Целью данного исследования является выявление структурных и типологических тенденций в дискурсивном пространстве современного косметологического дискурса (далее — КД). В статье осуществлен анализ стилистических, лексических, словообразовательных и семантических аспектов развития КД как совокупности языковых единиц. Материалом исследования стали 50 публицистических и научно-публицистических статей, нативно рекламирующих косметологические клиники, процедуры или средства, а также 30 единиц рекламных материалов специализированной выставки косметологии, парикмахерского и декоративного искусства «Дни Красоты», состоявшейся в г. Уфа в 2024 г. В результате исследования были выявлены следующие процессы, происходящие в настоящее время в пространстве исследуемого дискурса: размывание институциализации, более свободное проникновение вербальных и невербальных знаков из других дискурсов, использование нетипичных стратегий для собственно научного и КД, активная реализация манипулятивного потенциала. Результаты исследования могут быть использованы при изучении актуальных процессов, происходящих как в медицинском дискурсе в целом, так и в узконаправленных субдискурсах, а также в детализации различных аспектов КД. Также было установлено, что активное развитие КД обусловлено медикализацией сетевого пространства, возросшим в последнее десятилетие спросом на услуги отрасли, а также широким кругом участников.

Ключевые слова: дискурс-анализ, медицинский дискурс, косметологический дискурс, профессиональный дискурс, речевые стратегии, актуальные процессы в дискурсе

Для цитирования: Касымова О. П., Лебедева А. В. Актуальные процессы в современном косметологическом дискурсе // Вестник Челябинского государственного университета. 2026. № 5 (511). С. 70–76. DOI: 10.47475/1994-2796-2026-511-5-70-76

Original article

CURRENT PROCESSES IN MODERN COSMETOLOGY DISCOURSE

Olga P. Kasymova[1], Alena V. Lebedeva[2]

[1] Ufa University of Science and Technology, Ufa, Russia, olgakasymova@yandex.ru, 0002-0002-9317-6349

[2] Bashkir State Medical University, Ufa, Russia, alenallebed@gmail.com, 0009-0003-1122-7278

Annotation. Despite the increased interest in discursive linguistics due to the so-called “discursive turn”, professional discourse as a linguistic phenomenon is poorly studied: there are no defined boundaries of professional discourse, the features of formation and implementation in speech of a professional picture of the world, the influence

© Касымова О. П., Лебедева А. В, 2026

of a naive format of communication on the general structure of discourse of this type as a whole. The aim of this study is to identify the main structural and typologic trends in the discursive space of cosmetological discourse, as well as the transformation of traditional for medical discourse types of communication into modern realities. The article analyzes some aspects of cosmetology discourse development. The study revealed the following trends: blurring of institutionalization, more free penetration of verbal and nonverbal signs from other types of discourse, more active realization of manipulative potential, formation of frames, Characteristic only for the cosmetological discourse. The content of the presented study can be used in the study of current processes occurring both in the medical discourse as a whole, and in narrowly focused sub-discourses. The results of the study can also be applied in the preparation of practical manuals on relevant disciplines for medical university students.

Keywords: discourse analysis, medical discourse, cosmetology discourse, professional discourse, speech strategies, current processes

For citation: Kasymova OP, Lebedeva AV. Current Processes in Modern Cosmetology Discourse. *Bulletin of Chelyabinsk State University.* 2026;(5(511):70-76. (In Russ.). DOI: 10.47475/1994-2796-2026-511-5-70-76

Введение

Дискурс любого типа является динамической системой, которая трансформируется благодаря социальным аспектам современного общества. Например, медицинский дискурс вследствие развития узкоспециальных дисциплин детализируется в более мелких профессиональных дискурсах (педиатрический, фармакологический, неврологический, косметологический и т. д.). Но в то же время медицинский дискурс сливается и с более крупными дискурсами, образуя гибридные субдискурсы: медиамедицинский дискурс, сетевой медицинский дискурс, коммерческий медицинский дискурс и научный медицинский дискурс. В свете медиатизации современной коммуникации субдискурсы трансформируются за счет расширения круга коммуникантов.

О. А. Шестерикова в своем диссертационном исследовании выявляет тенденцию медицинского дискурса к расширению своих функций и экспансии других дискурсов, обслуживающих ежедневную рутину человека: «в функции медицины помимо заботы о состоянии здоровья начинает входить забота о красоте и чистоте тела, среде обитания, эмоциональном состоянии по тем показателям, которые диктует современная культура» [15, с. 137].

Косметологический дискурс как субдискурс медицинского дискурса также подвергается трансформации под воздействием экстралингвистических факторов.

Материалы и методы исследования

В статье применены несколько методов исследования ввиду многоаспектности объекта исследования: дискурс-анализ, корреляционный и компонентный анализы. Базой исследования послужили 50 нативных рекламных статей, продвигающих услуги косметологических клиник Уфы, а также 30 единиц рекламных материалов специализированной выставки косметологии, парикмахерского и декоративного искусства «Дни Красоты».

Результаты и обсуждения

На данный момент косметологический дискурс мало изучен и не имеет единой трактовки в лингвистических кругах. Часть ученых определяет его как субдискурс медицинского научного дискурса [2; 6; 10; 11; 14]. Однако ряд исследователей считают, что КД обладает некоторыми особенностями, выходящими за рамки медицинского дискурса, поэтому трактуют его как «дискурсивный феномен» или же самостоятельный дискурс [3; 4; 5; 9; 12].

В данной статье мы определяем косметологический дискурс как гибридный профессиональный субдискурс медицинского дискурса, охватывающий профессиональную и непрофессиональную коммуникацию в сфере ухода за кожей лица и тела, а также весь спектр косметологических услуг и манипуляций (в том числе инвазивных).

Такая трактовка термина обусловлена тем, что косметологический дискурс объединяет в себе черты научного, рекламного и виртуального дискурсов, вследствие чего выходит за рамки научного медицинского дискурса. Ввиду полидискурсивности исследуемого феномена, процессы трансформации дискурсивных элементов «накладываются» друг на друга, и процесс трансформации дискурсивных элементов ускоряется. В косметологическом дискурсе 20-х годов XXI в. выявлены следующие актуальные процессы:

1) Размывание институционализации

Вопрос о типологии косметологического дискурса остается открытым. Формально КД является институциональным дискурсом. Однако, как считает Е. А. Печерская, «с одной стороны, дискурс индустрии красоты может трактоваться как институциональный статусно-ориентированный дискурс, реализуемый в процессе профессиональной коммуникации, с другой — исследуемый

дискурс может иметь и персональную, личностно-ориентированную форму» [9, с. 107]. В данной статье мы относим КД к гибридным дискурсам. Ввиду неясного типологического статуса КД и его активного задействования в дискурсе повседневности (так как косметологические продукты и услуги являются предметом ежедневного пользования), невозможно точно определить границы КД, что обусловливает свободное проникновение вербальных и невербальных знаков из других типов дискурса. С точки зрения функционального стиля для КД характерен полистилизм: смешение научно-технического, официально-делового, рекламного и газетно-публицистического стилей [1].

2) Уменьшение кодификации, т.е. более свободное проникновение вербальных и невербальных знаков из других типов дискурса.

Так, наблюдается активное заимствование лексических особенностей научного, рекламного, профессионального и виртуального дискурсов [7; 13].

Реализация маркеров, относящихся к собственно научному дискурсу, в КД представлена преимущественно в сегменте, предназначенном для профессиональных участников дискурса, — врачей-косметологов, дерматологов, косметологов-эстетистов: это активное использование терминосистемы во всех жанрах, относящихся к данному дискурсу, стремление к объективности и всестороннему описанию объекта, преимущественное использование сложных предложений, активное употребление пассивных конструкций.

Влияние рекламного дискурса проявляется в основном на лексическом уровне:

Эвфемизация наименований патологий кожи с целью смягчить негативное восприятие эстетических дефектов кожи, сформировать единый понятийный аппарат у пациента и врача: «пылающие щеки» — розацеа, «гусиные лапки» — морщины вокруг глаз, «сосудистые звездочки» — купероз, «апельсиновая корочка» — целлюлит.

Метафоризация наименований медицинских процедур в целях привлечения внимания потенциального потребителя, создания привлекательного образа услуги: «коктейль косметических средств», «капельницы молодости», «срочное оживление кожи».

Вульгаризация научных терминов, характеризующаяся формированием дублирующего нетерминологического наименования компонентов терминосистемы: «жировики» — милиумы, «черные точки» — комедоны, «ямки», «воронки» — постакне. Частотность образованных обозначенным путем наименований обуславливает формирование внутридискурсивного жаргона («чистка» — процедура удаления излишков кожного сала с поверхности лица или спины), «пробник» — уменьшенная версия косметологического продукта; созданная для того, чтобы потенциальный покупатель смог протестировать продукт; «рефил» — многоразовая упаковка для косметологического продукта. Жаргон КД используют в речи все группы участников дискурса в целях речевой экономии.

Активное продуцирование окказионализмов, формирующихся путем модификации заимствованной лексики: «preображение», «бьюти-рынок», «пролонгированное действие», «мастхэв-процедура», «спа-технолог».

Усложнение научных терминов путем их слияния: «ферменты-мессенджеры», «глубокое дермальное неодимовое омоложение», «макросфокусированный», «губоподбородочные складки», «носощечная борозда», «штрих-морщины», «высокомолекулярная гиалуроновая кислота», «твердофазно-модифицированная … нативная гиалуроновая кислота», «дренажно-детоксикационный массаж». Отметим, что увеличение таких конструкций не всегда мотивировано, так как часто используется в текстах, предназначенных для непрофессиональных участников дискурса.

На морфемном уровне отмечено добавление морфем с положительной оценочной коннотацией к научным терминам («масочка», «кремик», «чисточка», «тоналка», «тональник»), универбация («гнойничок» — гнойное воспаление, «гиалуронка» — гиалуроновая кислота, «умывалка» — средство для умывания). На морфологическом уровне — активное использование отглагольных существительных («раздражение», «восстановление», «покраснения»), усеченных (сокращенных) основ («мезо» — мезотерапия), страдательных причастий («стрессированная кожа», «подсушивающий лосьон», «поросуживающее действие», «балансирующий», «успокаивающий», «увлажняющий», «детоксицирующий»).

Из виртуального дискурса КД заимствовал такие жанры, как пост, обзор, разоблачение, комментарий, а также использование мемов.

3) Специфические стратегии для собственно-научного дискурса и КД и как следствие — более активная реализация манипулятивного потенциала.

Наблюдается взаимосвязь между набором речевых стратегий, жанром текста, в зависимости от того, на какую целевую аудиторию ориентирован конкретный текст — на профессиональное сообщество или же на потенциальных покупателей товаров или услуг.

Основная цель текстов КД — это воздействие на читателя с целью продвижения услуги или товара и/или создания ценности продвигаемого объекта. Следовательно, большинство стратегий, характерных для КД, обладают манипулятивным потенциалом. К частотным стратегиям КД мы отнесли информирующую, оценивающую, мотивирующую и стратегию убеждения.

Средствами реализации информирующей стратегии, направленной на сообщение адресату о новых косметических продуктах, оборудовании или услугах, являются тактики аргументации, фактологичности, блочного членения информации, привлечения статистических данных («врач подбирает индивидуальный протокол, дающий 100 % результат»[1]), а также речевые приемы, включающие термины («гидролипидный баланс», «тургор кожи», «акне», «розацеа», «купероз»), конструкции, имитирующие научный стиль речи.

Оценивающая стратегия формирует высокую положительную оценку предлагаемого косметического продукта, косметологического оборудования или услуги, а также результатов их применения, используя лексические единицы с положительной коннотацией.

Стратегия убеждения реализуется за счет демонстрации высокой квалификации врача-косметолога, его экспертности в сфере косметологии: «талантливый персонал, имеющий все необходимые квалификации и высшие научные степени», «врач-лечебник с красным дипломом, у которой больше 10 лет врачебной практики и более 100 000 довольных клиентов по всему миру»[2], «дерматовенеролог с профильным образованием и многолетней практикой», «участник международных конференций, обучалась авторским программам и перенимала опыт практики мировых пластических хирургов»[3].

По мнению Е. Ю. Мельниковой, «мотивирующая стратегия формирует у потребителя позитивное внутреннее побуждение к приобретению определенного косметического продукта или услуги» [8].

Наиболее частотными приемами являются романтизация образа пациента косметологии — красивая и привлекательная, счастливая, уверенная в себе, окруженная роскошью и любящая себя женщина: «специалисты deadermclinic всегда готовы помочь встать на путь преображения, решить проблемы, чтобы почувствовать себя уверенной и счастливой»[4], «оказывать качественные косметологические процедуры, позволяя женщине проявить любовь к себе и испытывать удовольствие от осознания своей естественной привлекательности»[5], «за один сеанс можно почувствовать себя голливудской звездой с сияющей, здоровой, напитанной и благородной кожей, возможность побороть комплексы, стать увереннее в себе и обрести гармонию — вот что необходимо каждой женщине», «кожа — залог успешной социальной коммуникации»[6].

Часто используется прием позиционирования косметологических продуктов и услуг как сакрального ритуала, «маленького праздника», события, приносящего удовольствие: «поход к косметологу — это ритуал для каждой женщины, который напитывает ее любовью к самой себе, дарит уверенность и красоту»[7].

Вывод

В ходе анализа речевого материала, продуцируемого участниками КД, были выявлены наиболее активные процессы, происходящие в исследуемом дискурсе на разных языковых уровнях:

– на семантическом уровне наблюдается смешение речевых стратегий научно-технического, официально-делового, рекламного и газетно-публицистического стилей; активное использование манипулятивного потенциала. Также установлена дифференциация речевых стратегий, обусловленная особенностями адресата.

– на лексическом уровне выявлена тенденция к упрощению лексического состава КД, которая реализуется за счет таких процессов, как заимствование наиболее частотных лексем, эвфемизация, вульгаризация и метафоризация научных терминов, продуцирование дублирующих термины наименований. В совокупности описанные процессы формируют аналоговую терминосистему КД, которую можно рассматривать как внутридискурсивный жаргон.

– на морфологическом уровне наблюдается тяготение к увеличению количества морфем в слове, так как наиболее частотными процессами

[1] Beauty guide // Собака.ru. Изд-во ООО “Элис Медиа Групп”. Нижний Новгород, 2023. С. 22.

[2] Там же. С. 7.

[3] Там же. С. 20.

[4] Там же. С. 12.

[5] Там же. С. 13.

[6] Рекламные материалы специализированной выставки “Дни красоты в Уфе”:[сайт]. URL: https://krasotabvk.ru/posetitelyam (дата обращения: 16.03.2025).

[7] Beauty guide // Собака.ru. Изд-во ООО “Элис Медиа Групп”. Нижний Новгород, 2023. С. 22.

для продуцирования словоформ являются сложение основ и суффиксация.

Обозначенные модификации КД обусловлены воздействием сетевого и рекламного дискурсов и дискурса повседневности, характеризующихся высокой изменчивостью, а также широким кругом участников, которые порождают необозримо большой массив контента.

Список источников

1. Ахметгареева В. В. Косметологический дискурс: проблемы перевода // Вызовы современности и стратегии развития общества в условиях новой реальности : сборник материалов XVII Международной научно-практической конференции. Москва : Изд-во АЛЕФ, 2023. С. 201–207.

2. Богданова А. Ю. Статус beauty-дискурса в современной научной парадигме // Молодой исследователь: вызовы и перспективы: Сборник статей по материалам CCLXII международной научно-практической конференции. М. : Изд-во «Интернаука», 2022. Том 20 (262). С. 27–30.

3. Вавилова Е. Н. Косметологический дискурс: постановка проблемы // Вестник ТГПУ. 2015. Вып. 4. С. 124–126.

4. Касымова О. П. Концепт «красота» в профессиональном медиадискурсе (на примере речи врачей-косметологов) // Доклады Башкирского университета. 2023. Т. 8, № 1. С. 29–36.

5. Косицкая Ф. Л., Зайцева И. Е. Французский косметологический дискурс в сфере профессиональной коммуникации // Вестник ТГПУ. 2017. Вып. 6. С. 20–24.

6. Лебедева А. В. Сравнительный анализ средств речевого воздействия в рамках косметологического дискурса (на примере рекламы косметических и косметологических продуктов) // Международный научно-исследовательский журнал. 2024. Вып. № 8 (146). С. 1–5.

7. Лобачевская М. П. Особенности образования терминов косметологического дискурса. Сравнение слов декоративной и гигиенической косметики // Философия и наука в культурах Запада и Востока: Сборник статей по материалам V Всероссийской научной конференции с международным участием. Томск: Национальный исследовательский Томский государственный университет, 2023. С. 16–20.

8. Мельникова Е. Ю. Лингво-прагматические характеристики дискурсивного пространства индустрии красоты // Инязовские чтения Совета молодых ученых Московского государственного лингвистического университета: Сборник научных статей II Международной научно-практической конференции. М. : Московский государственный лингвистический университет, 2024. С. 104–111.

9. Печерская Е. А. Теоретические аспекты экспертной диагностики конфликтов языковой личности в рекламе бьюти-сферы // Экономика и социум. 2020. № 5–2. С. 82–87.

10. Селеменева О. А. Функционирование сложных предложений в текстах прямой рекламы глянцевых журналов // Знак: проблемное поле медиаобразования. 2021. Вып. 1. С. 150–158.

11. Собянина В. А. О некоторых лексических особенностях немецкого косметологического дискурса в сети интернет // Вестник МГПУ. Серия: Филология. Теория языка. Языковое образование. 2019. Вып. 3. С. 33–41.

12. Темирова Д. Б. Когнитивно-функциональные и структурно-семантические особенности формирования терминологии косметологии (на материале русского и английского языков) : дис. … канд. филолог. наук: 10.02.19: защищена 12.12.1: утв. 02.10.2020 / Темирова Диана Борисовна. Майкоп, 2019. 170 с.

13. Фаррахова Л. Ф. Лексико-стилистические особенности французского косметологического дискурса (на основе журнала «Космополитен») // Студенческий вестник. 2023. № 12–1. С. 38–39.

14. Шарафутдинова Н. С. О понятиях «терминология», «терминосистема» и «терминополе» // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2016. № 6–3 (60). С. 168–171.

15. Шестерикова О. А. Трансформация медицинского дискурса в современной европейской культуре : дис. …канд. философ. наук: 24.00.01: защищена 04.12.14. / Шестерикова Ольга Авенировна. Санкт-Петербург, 2019. 170 с.

References

1. Ahmetgareeva VV. Kosmetologicheskij diskurs: problem perevoda = Cosmetological discourse: problems of translation. Vyzovy sovremennosti i strategii razvitija obshhestva v uslovijah novoj real'nosti: Sbornik materialov XVII Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii = Challenges of modernity and strategy of development of society in the conditions of new reality: Collection of materials of the 17th International Scientific-practical Conference. 2023. Pp. 201-207. (In Russ.).

2. Bogdanova AY. Status beauty-diskursa v sovremennoj nauchnoj paradigme = Status of beauty-discourse in the modern scientific paradigm. Molodoj issledovatel': vyzovy i perspektivy: Sbornik statej po materialam CCLXII mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii = Young researcher: challenges and prospects: Collection of articles on the materials of the international scientific-practical conference CCLXII. 2022. 20 (262). Pp. 27-30. (In Russ.).

3. Vavilova EN. Kosmetologicheskij diskurs: postanovka problemy = Cosmetological discourse: problem resolution. *Vestnik TGPU = The Bulletin of the TGPU.* 2015;(4):124-126. (In Russ.).

4. Kasimova OP. Koncept «krasota» v professional'nom mediadiskurse (na primere rechi vrachej-kosmetologov) = Concept of «beauty» in professional media studies (on the example of speech of doctors-cosmetologists). *Doklady Bashkirsko gouniversiteta = Reports of Bashkir University.* 2023;8(1):29-36. (In Russ.).

5. Kositskaya FF, Zaytseva IE. Francuzskij kosmetologicheskij diskurs v sfere professional'noj kommunikacii = French cosmetological discourse in the field of professional communication. *Vestnik TGPU = The Bulletin of the TSPU.* 2017;(6):20-24. (In Russ.).

6. Lebedeva AV. Sravnitel'nyj analiz sredstv rechevogo vozdejstvija v ramkah kosmetologicheskogo diskursa (na primere reklamy kosmeticheskih i kosmetologicheskih produktov) = Comparative analysis of speech influence means within the framework of cosmetology discourse (using the example of advertising of cosmetic and cosmetology products). *Mezhdunarodnyj nauchno-issledovatel'ski jzhurnal = International research journal.* 2024;(8):1-5. (In Russ.).

7. Lobachevskaya MP. Osobennosti obrazovanija terminov kosmetologicheskogo diskursa. Sravnenie slov dekorativnoj i gigienicheskoj kosmetiki = Features of the formation of cosmetological discourse terms. Comparison of words of decorative and hygienic cosmetics. Filosofija i nauka v kul'turah Zapada i Vostoka = Philosophy and science in the cultures of the West and East: Collection of articles on the materials of the V All-Russian Scientific Conference with international participation. 2023. Pp. 16-20. (In Russ.).

8. Melnikova EYu. Linguo-pragmatic characteristics of the discursive space of the beauty industry. Inyazovskie chteniya Soveta molodykh uchenykh Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta: Collection of scientific articles of the II International Scientific and Practical Conference. Moscow: Moscow State Linguistic University, 2024, pp. 104-111. (In Russ.).

9. Pecherskaja EA. Teoreticheskie aspekty jekspertnoj diagnostiki konfliktov jazykovoj lichnosti v reklame b'juti-sfery = Theoretical aspects of expert diagnosis of conflicts of language personality in the advertising of the buti-sphere. *Jekonomika i socium = Economy and socium.* 2020;(5-2):82-87. (In Russ.).

10. Selemeneva OA. Funkcionirovanie slozhnyh predlozhenij v tekstah prjamoj reklamy gljancevyh zhurnalov = Functioning of complex sentences in direct advertising texts of glossy magazines. *Znak: problemnoe pole mediaobrazovanija = Sign: problematic field of media education.* 2021;(1):150-158. (In Russ.).

11. Sobyanina VA. On some lexical features of German cosmetology discourse on the Internet. V*estnik MGPU. Seriya: Filologiya. Teoriya yazyka. Yazykovoe obrazovanie.* 2019;(3):33-41. (In Russ.).

12. Temirova DB. Cognitive-functional and structurally-semantic features of the formation of the terminology of cosmetology (in the material of Russian and English languages): dis. .. Cand. Sci. (Philology). Majkop, 2019. 170 p. (In Russ.).

13. Farrahova LF. Leksiko-stilisticheskie osobennosti frantsuzskogo kosmetologicheskogo diskursa (na osnove zhurnala «Kosmopoliten») = Lexical-stylistic features of French cosmetology discourse (based on the journal «Cosmopolitan»). *Studencheskiy vestnik = Student Gazette*. 2023;(12-1):38-39. (In Russ.).

14. Sharafutdinova NS. O ponjatijah «terminologija», «terminosistema» i «terminopole» = On the concepts of "terminology", "terminological system" and "terminological field". Filologicheskie nauki. *Voprosy teorii i praktiki = Philological sciences. Theoretical and practical issues.* 2016;(6-3):168-171. (In Russ.).

15. Shexerikova OA. Transformation of medical discourse in the modern European culture [Text]: dis... Cand. Sci. (Philology). Saint-Petersburg, 2019. 170 p. (In Russ.).

Информация об авторах

О. П. Касымова — доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры теории языка и ее преподавания.

А. В. Лебедева — преподаватель кафедры русского языка, лингвистики и международной коммуникации.

Information about the authors

O. P. Kasymova — Dr. Sci. (Philology), Associate Professor, Professor of the Department of Language Theory and its Teaching.

A. V. Lebedeva — lecturer of the Department of Russian Language, Linguistics and International Communication.

Статья поступила в редакцию 06.06.2025; одобрена после рецензирования 20.08.2025; принята к публикации 22.05.2026.

The article was submitted 06.06.2025; approved after reviewing 20.08.2025; accepted for publication 22.05.2026.

Вклад авторов: оба автора сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.
Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

The authors declare no conflicts of interests.
Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

Вестник Челябинского государственного университета. 2026. № 5 (511). С. 77–85.
Bulletin of Chelyabinsk State University. 2026;(5(511):77-85.

Научная статья

УДК 811.161.1›42

DOI: 10.47475/1994-2796-2026-511-5-77-85

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ МАРКЕРЫ ЗАВЕРШЕНИЯ И НЕЗАВЕРШЁННОСТИ РЕЧЕВОГО КОНФЛИКТА В ДРАМАТУРГИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ (НА МАТЕРИАЛЕ ОТЕЧЕСТВЕННЫХ ПЬЕС ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XX ВЕКА)

Мария Сергеевна Лантух[1], Екатерина Ивановна Минина[2]

[1]Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия, maralanaaa@gmail.com, 0009-0000-7720-8238

[2]Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия, katygureeva@yandex.ru, 0000-0002-7133-1208

Аннотация. Статья посвящена изучению лингвистических маркеров, оформляющих фазу завершения речевого конфликта в драматургическом дискурсе. Несмотря на значительный объём исследований, посвящённых инициации и эскалации конфликта, его завершающая фаза в отечественной прагмалингвистике остаётся охарактеризованной фрагментарно. Драматургический дискурс избран в качестве материала как максимально полно фиксирующий речевое взаимодействие: диалогическая форма пьесы объективирует конфликт в репликах персонажей и авторских ремарках, что повышает аналитическую доступность его фазовой структуры. На основании анализа корпуса из 80 конфликтных отрывков, извлечённых методом сплошной выборки из семнадцати пьес отечественных драматургов второй половины XX в., разграничиваются понятия прекращения и завершения конфликта как самостоятельных коммуникативных категорий. Прекращение квалифицируется как событийная категория, фиксируемая по формальным признакам; завершение — как прагматическая, предполагающая принятие обоими участниками факта коммуникативного закрытия. Показано, что прекращение без завершения является статистически преобладающей моделью в исследуемом корпусе. Описываются четыре группы маркеров: директивные метакоммуникативные формулы с их разновидностями (авторитарное высказывание, итеративная директивная серия, трёхчастное обоснованное завершение, односторонняя декларация); апологетические и уступительные высказывания, включая квазиапологетические конструкции; возвратные речевые ходы с противительными коннекторами как маркеры коммуникативной незакрытости; молчание в трёх функциональных разновидностях и авторские ремарки в трёх структурных подтипах. Установлена зависимость между типом конфликтогена (аксиологическим, манипулятивным, статусным) и характером маркеров завершения. Полученные данные уточняют представления о фазовой структуре речевого конфликта и расширяют инструментарий прагмалингвистического анализа конфликтного дискурса.

Ключевые слова: речевой конфликт, маркеры завершения конфликта, незавершённость конфликта, прагмалингвистика, драматургический дискурс, конфликтоген, фазовая структура конфликта

Для цитирования: Лантух М. С., Минина Е. И. Лингвистические маркеры завершения и незавершённости речевого конфликта в драматургическом дискурсе (на материале отечественных пьес второй половины XX века) // Вестник Челябинского государственного университета. 2026. № 5 (511). С. 77–85. DOI: 10.47475/1994-2796-2026-511-5-77-85

Original article

LINGUISTIC MARKERS OF CONFLICT RESOLUTION AND IRRESOLUTION IN DRAMATIC DISCOURSE (BASED ON RUSSIAN PLAYS OF THE SECOND HALF OF THE 20TH CENTURY)

Maria S. Lantukh[1], Ekaterina I. Minina[2]

[1] Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia, maralanaaa@gmail.com, 0009-0000-7720-8238

[2] Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia, katygureeva@yandex.ru, 0000-0002-7133-1208

© Лантух М. С., Минина Е. И., 2026

Abstract. This article examines the linguistic markers that shape the final phase of speech conflict in dramatic discourse. Despite the significant body of research devoted to the initiation and escalation of conflict, its final phase remains fragmentarily characterized in Russian pragmalinguistics. Dramatic discourse most fully captures speech interaction: the play's dialogic form objectifies the conflict through the characters' lines and the author's stage directions, which enhances the analytical accessibility of its phase structure. Based on the analysis of a corpus of 80 conflict passages from seventeen Russian plays of the second half of the 20th century a distinction is made between the concepts of termination and completion of a conflict as independent communicative categories. Termination is qualified as an event category, recorded according to formal features; completion — as a pragmatic one, implying acceptance by both participants of the fact of communicative closure. It is shown that termination without completion is the statistically predominant model in the studied corpus. Four groups of markers are described: directive metacommunicative formulas with their varieties (authoritarian statement, iterative directive series, three-part justified completion, unilateral declaration); apologetic and concessive statements, including quasi-apologetic constructions; reflexive speech turns with adversative connectors as markers of communicative openness; silence in three functional varieties and author's remarks in three structural subtypes. A relationship is established between the type of conflict generator (axiological, manipulative, status) and the nature of completion markers. The obtained data clarify the concepts of the phase structure of speech conflict, expand the toolkit of pragmalinguistic analysis of conflict discourse.

Keywords: verbal conflict, conflict resolution markers, conflict irresolution, pragmalinguistics, dramatic discourse, conflictogen, phase structure of conflict

For citation: Lantukh MS, Minina EI. Linguistic Markers of Conflict Resolution and Irresolution in Dramatic Discourse (Based on Russian Plays of the Second Half of the 20th Century). *Bulletin of Chelyabinsk State University.* 2026;(5(511):77-85. (In Russ.). DOI: 10.47475/1994-2796-2026-511-5-77-85

Введение

Фаза завершения речевого конфликта в отечественной и зарубежной лингвистике остаётся значительно менее изученной, чем его инициация и эскалация. Это объясняется рядом причин. Прикладная конфликтология, создавшая развитый аппарат для описания стратегий управления конфликтом, сосредоточена преимущественно на переговорных процессах и алгоритмах урегулирования [1]. Исследования речевой агрессии и конфликтного дискурса, интенсивно развивавшиеся в последние десятилетия в работах В. С. Третьяковой [10], К. Ф. Седова [8], Н. В. Муравьёвой [6], О. С. Иссерс [4], И. В. Певневой [7], Мулькеевой [5], фокусируются на инвентаре конфликтогенных средств, коммуникативных стратегиях и тактиках основной фазы. Фаза завершения при этом либо выносится за скобки, либо рассматривается как производная от фазы эскалации.

Речевой конфликт определяется в современной лингвистике как столкновение коммуникативных интенций, при котором один или оба участника осознают действия оппонента как направленные против своих интересов, статуса или ценностей. В. С. Третьякова понимает его как «столкновение сторон, состояние противоборства партнёров в процессе коммуникации по поводу несовпадающих интересов, мнений, коммуникативных намерений, выявляемых в ситуации общения» [10, с. 141]. К. Ф. Седов трактует речевой конфликт как «результат доминирования в речевом поведении коммуникантов установок на самоутверждение за счёт партнёра» [8, с. 9]. Н. В. Муравьёва акцентирует агрессивную составляющую: конфликт «проявляется через речевые акты, направленные на дискредитацию, оскорбление или снижение статуса адресата» [6, с. 34].

Фазовая структура конфликта описана в отечественной науке прежде всего в рамках общей конфликтологии. А. Я. Анцупов и А. И. Шипилов выделяют предконфликтный период, инцидент, эскалацию, урегулирование и послеконфликтный период [1]. Применительно к речевому взаимодействию Т. В. Якубович уточняет, что переход между фазами опосредован «осознанием субъектами взаимодействия своих потребностей, интересов, позиций, которые влияют на формирование целей общения» [12, с. 29]. Однако в рамках этих моделей фаза завершения рассматривается как результат, а не как самостоятельный коммуникативный процесс, обладающий собственными языковыми маркерами.

В зарубежной лингвистике наиболее системный взгляд на завершение конфликтного взаимодействия предложен в коллективной монографии под редакцией А. Гримшоу. Его вклад в изучение conflict talk состоит в концептуализации устной конфликтной коммуникации как социального явления, регулируемого дискурсивными правилами, в том числе на этапе её закрытия [13]. Непосредственно механизмам завершения конфликта в семейном диалоге посвящена работа С.

Вучинича [15]: автор выделяет пять исходов конфликтного взаимодействия (submission, dominant submission, compromise, standoff, withdrawal), большинство из которых не предполагает консенсуса и коммуникативного завершения конфликта в полном смысле слова. Это наблюдение согласуется с материалом настоящего исследования: в русскоязычном драматургическом дискурсе второй половины XX века незавершённость конфликта при его формальном прекращении является статистически преобладающей моделью.

В отечественных исследованиях конфликта в художественном тексте можно выделить несколько значимых работ. А. Т. Анисимова описывает национально-специфические модели конфликтного поведения [2]. Н. А. Синтоцкая изучает связь между эмотивностью и динамикой конфликта [9]. Наиболее развёрнутый прагмалингвистический анализ конфликта в русской драматургии предпринят А. В. Хруненковой: она описывает интолерантные формы речевого общения (вербальную агрессию, унижение, провокацию) как структурообразующие элементы сценического конфликта и предлагает типологию конфликтных реплик [11]. При этом во всех перечисленных работах фаза завершения конфликта остаётся описанной фрагментарно или не рассматривается вовсе, что и определяет актуальность настоящей статьи.

Выбор драматургического дискурса в качестве материала обусловлен рядом методологических преимуществ. В отличие от эпических и лироэпических жанров, где конфликт опосредован авторским повествованием или внутренней речью персонажей, в драме противостояние почти всегда объективировано в репликах, что позволяет исследовать его как коммуникативный процесс, структурированный по фазам. Диалогическая форма фиксирует взаимодействие в максимально полном виде, включая паузы, молчание и ремарки — элементы, в естественной коммуникации не поддающиеся надёжной документации. Исследователи отмечают, что в драме речевая организация выходит на первый план. Драматический текст полностью построен на речевом взаимодействии персонажей: отсутствует развернутое повествовательное слово автора, а события и характеры раскрываются через диалоги и монологи действующих лиц. М. Мэнсворт в сборнике «Teaching English language and literature» доказывает, что разговорные модели диалога в драме можно анализировать с помощью тех же инструментов, которые лингвисты обычно применяют для анализа разговорной речи, тем самым подчеркивая, что драматический текст есть речевое взаимодействие персонажей, специально сконструированное по образу живой разговорной речи [14]. Все это делает корпус особенно продуктивным для изучения прагматических механизмов конфликтного взаимодействия.

Цель настоящей статьи — описать систему лингвистических маркеров завершения и незавершённости речевого конфликта в драматургическом дискурсе. Достижение данной цели предполагает решение следующих задач: разграничить прекращение и завершение конфликта как коммуникативные категории; классифицировать маркеры завершения по уровню языковой системы и по прагматической функции; описать маркеры незавершённости конфликта; установить зависимость между природой конфликтогена и характером маркеров завершения.

Материалы и методы исследования

Материалом исследования послужил корпус из 80 отрывков с конфликтными речевыми актами, извлечённых методом сплошной выборки из семнадцати пьес отечественных драматургов второй половины XX в. Хронологические границы корпуса охватывают период с конца 1950-х по начало 1990-х гг., что позволяет рассматривать речевой конфликт на значительном диахроническом срезе в пределах единого культурно-исторического периода.

В качестве основных методов применялись прагмалингвистический анализ высказывания в диалогическом контексте, дискурс-анализ конфликтных последовательностей, а также метод контекстуального описания. Каждый конфликтный отрывок рассматривался как структурно-функциональное единство, включающее предконфликтный контекст, основную фазу и фазу завершения. Маркеры завершения выделялись по критериям прагматической направленности, позиции в диалоге и типа коммуникативного реагирования на конфликтный стимул. Авторские ремарки и паузы учитывались как равноправные коммуникативные сигналы наряду с репликами персонажей.

Результаты исследования и их обсуждение

Прекращение и завершение речевого конфликта как самостоятельные коммуникативные категории

Разграничение прекращения и завершения конфликта принципиально для адекватного лингвистического описания его динамики. Прекращение конфликта — категория событийная:

взаимодействие фактически прерывается по той или иной причине (один из участников умолкает, меняет тему, покидает пространство коммуникации). Завершение конфликта — категория прагматическая: конфликт считается завершённым тогда, когда оба участника интерпретируют его как коммуникативно закрытый, то есть не предполагающий возврата к конфликтному предмету. В работе С. Вучинича данное разграничение намечено через оппозицию форматов stopping — ending: конфликт прекращается в любом случае, однако завершается только при условии, что обе стороны в той или иной форме принимают итог взаимодействия [13]. Прекращение и завершение могут совпадать в случае взаимоприемлемого консенсуса или явной уступки одной из сторон, однако в значительной части случаев они расходятся, и именно это расхождение порождает специфические лингвистические эффекты.

Анализ корпуса показывает, что в отечественной драматургии второй половины XX в. завершение конфликта в строгом смысле достигается относительно редко. В большинстве рассмотренных отрывков конфликт прекращается без коммуникативного закрытия: один из участников физически выходит из взаимодействия, однако эмоциональное напряжение сохраняется, что фиксируется языковыми средствами и авторскими ремарками. Это наблюдение согласуется с общей характеристикой конфликтного дискурса в реалистической драматургии этого периода, где незавершённость конфликта, отказ от примирительного финала становятся одним из способов художественного осмысления коммуникативного опыта эпохи.

Описанное различие определяет двухчастную структуру системы маркеров, рассматриваемой в настоящей статье: маркеры завершения конфликта сигнализируют о выходе одного или обоих участников из конфликтного регистра; маркеры незавершённости удерживают конфликтное напряжение при внешнем прекращении открытого противостояния.

Маркеры завершения конфликта

В корпусе выявляются три структурных типа маркеров завершения, различающихся как по уровню языковой системы, так и по коммуникативному механизму функционирования.

Первый тип — метакоммуникативные формулы завершения — наиболее эксплицитный из выявленных типов маркеров: они прямо называют прекращение конфликта или требуют его от оппонента. В корпусе представлены четыре разновидности, различающиеся по синтаксической модели, адресату и прагматическому результату.

Авторитарное высказывание реализуется императивом, адресованным участнику конфликта: «Уж молчи, стоеросовый!» (Лапшин, «В поисках радости», В. Розов)[1]. Прагматическая функция — одностороннее закрытие темы с позиции иерархических отношений: вышестоящий участник не обосновывает прекращение разговора, но объявляет его. Примечательно, что данная формула не достигает цели: Геннадий умолкает, однако вместо него в конфликт вступает Олег, и ситуация эскалирует. Реплика-директива, не принятая присутствующими, сама становится конфликтогеном. Конфликт завершается не репликой Лапшина, а вмешательством третьего лица: Клавдия Васильевна дважды произносит «Олег, перестань» и в кульминационный момент — односложное «Олег!», после которого следует ремарка «Олег умолк»[2]. Обращение к собственному имени без предиката представляет собой предельно редуцированную конструкцию, прагматически функционирующую как категорическое требование прекратить высказывание; её авторитет подкреплён родительским статусом Клавдии Васильевны как хозяйки коммуникативного пространства. Таким образом, третье лицо, не являющееся ни одной из конфликтующих сторон, оказывается единственным участником, чья завершающая реплика принимается.

Итеративная директивная серия реализована в «Утиной охоте» А. Вампилова: «Уходи» — «Уходите» — «Убирайтесь» (Зилов)[3]. Каждое повторение директивы без её принятия адресатами требует усиления — сначала по числу адресатов (ед. ч. — мн. ч.), затем по регистру (нейтральный глагол — инвектива). Прагматически такая серия функционирует как ультиматум: говорящий вынужден интенсифицировать высказывание именно потому, что завершение не наступает.

Развёрнутое метакоммуникативное завершение представлено трёхчастной структурой в пьесе «В поисках радости» В. Розова: констатация причины («Вместе нам трудно») + рекомендация («лучше не обострять отношений») + объявление о решении («Мы с Фёдором сегодня же оставим

[1] Розов В. С. В поисках радости [Электронный ресурс] // Lib.ru. URL: https://www.lib.ru/PXESY/ROZOW/radost.txt (дата обращения: 26.04.2026).

[2] Там же.

[3] Вампилов А. В. Утиная охота [Электронный ресурс] // Lib.ru. URL: https://lib.ru/PXESY/WAMPILOW/vampilov_ohota.txt (дата обращения: 26.04.2026).

вас в покое»)[1]. Это единственный пример развёрнутого двустороннего оформления завершения в корпусе: говорящий не просто прекращает взаимодействие, но даёт ему обоснование и называет последствия.

Односторонние декларации завершения, как правило, сопровождаются физическим выходом из ситуации. В «Старшем сыне» А. Вампилова Макарская выходит из конфликта с Васенькой, говоря: «И вот что, детка. Всё. Концерт окончен. Иди и не придуривайся. Пока тебя не выпороли»[2]. Фразеологизм «концерт окончен» оформлен в форме прошедшего времени, что представляет завершение как уже свершившийся факт, а не как решение, требующее принятия (ср. Заканчивай концерт!). Финальная конструкция «пока тебя не выпороли» выполняет дополнительную прагматическую функцию: переходя к обращению с оппонентом как с ребёнком, Макарская ретроспективно переопределяет сам статус взаимодействия — конфликт любовный, однако если один из участников назван ребёнком, он лишается права быть субъектом такого конфликта. Аналогичная модель реализована в «104 страницах про любовь» Э. Радзинского Евдокимов закрывает конфликт директивным выдворением: «Вот что, умница. Бери своего Феликса, свой плащ... и все втроём — двигайтесь отсюда!»[3]. Завершение не именуется — оно операционализируется через серию императивов, физически перемещающих участников из пространства конфликта. Обращение «умница» выполняет ту же функцию, что «детка» у Макарской: переопределяет соотношение сил и легитимирует право говорящего закрывать разговор в одностороннем порядке.

Второй тип — апологетические и уступительные высказывания. Данная группа объединяет лексически разнородные единицы, общим функциональным признаком которых служит снижение коммуникативной напряжённости посредством принятия ответственности или уступки. В «Старшем сыне» А. Вампилова реплика Нины «Я психанула... А ты тоже хорош...»[4] реализует двухходовую стратегию: признание собственной несдержанности сочетается с редистрибуцией ответственности, что смягчает, но не снимает противостояние. Тематическое переключение как маркер завершения конфликта реализуется в корпусе через синтаксически немотивированный переход к нейтральной или бытовой теме непосредственно после конфликтной реплики. Такой переход не оформляется коннекторами, связывающими его с предшествующим конфликтным актом, его отличительный признак именно в разрыве тематической связности. В «Разговоре без свидетеля» ОНА, после острой темы о новой жене бывшего мужа, произносит «Как у тебя дела? Ты никогда не рассказываешь»[5]. Переход к вопросу о жизни адресата имитирует кооперативную заинтересованность, прагматически функционируя как отвлекающий манёвр: говорящий предлагает выйти из конфликтного регистра, не разрешая содержательного противоречия.

Третий тип — физический выход из коммуникации с речевым сопровождением. В «В поисках радости» В. С. Розова Клавдия Васильевна покидает конфликтное пространство и произносит: «Я не возражаю, Фёдор, можете переезжать!»[6] Пермиссивная конструкция «можете переезжать» функционирует как предоставление разрешения там, где оно изначально не требовалось: конфликт разворачивался именно вокруг того, что Леночка и Фёдор ни в чьём согласии не нуждаются. Произнося «не возражаю», говорящий возвращает себе позицию того, чьё возражение в принципе имеет значение. В «Сырой ноге» Л. С. Петрушевской уход Димитрия сопровождается удвоением инвективы «Нахалка ты, нахалка»[7]: удвоение при физическом уходе создаёт структуру, в которой последнее слово остаётся за говорящим, а адресат лишён возможности ответить.

Маркеры незавершённости речевого конфликта

Незавершённость конфликта при его формальном прекращении реализуется в корпусе через три устойчивых типа маркеров.

Возвратные речевые ходы объединяют случаи, когда один из участников после видимой деэскалации или тематического отступления

[1] Розов В. С. В поисках радости [Электронный ресурс] // Lib.ru.

[2] Вампилов, А. В. Старший сын [Электронный ресурс] // Lib.ru. URL: Lib.ru/PXESY/WAMPILOW/vampilov1_1.txt (дата обращения: 26.04.2026).

[3] Радзинский Э. С. 104 страницы про любовь [Электронный ресурс] // Narod.ru URL: https://lib-drama.narod.ru/radzinsky/104pages.html (дата обращения: 26.04.2026).

[4] Вампилов, А. В. Старший сын [Электронный ресурс] // Lib.ru.

[5] Прокофьева С. Л. Разговор без свидетеля : пьеса / С. Л. Прокофьева. М. : ВААП-ИНФОРМ, 1980. С. 15.

[6] Розов В. С. В поисках радости [Электронный ресурс] // Lib.ru.

[7] Петрушевская Л. С. Сырая нога или встреча друзей [Электронный ресурс] // Narod.ru URL: https://lib-drama.narod.ru/petrushevskaya/noga.html (дата обращения: 26.04.2026).

возвращается к предмету конфликта. В «Утиной охоте» А. Вампилова реплика Галины «И всё-таки ты иди домой, хорошо?»[1] следует непосредственно после взаимного обмена извинениями. Противительный коннектор «и всё-таки» семантически противопоставляет требование предшествующему завершению конфликта, указывая на то, что форма завершения была принята, однако его коммуникативное содержание осталось неразрешённым. В «Иркутской истории» А. Арбузова Виктор произносит «Ладно. Уеду я, совсем уеду», а через несколько реплик возвращается к сути противостояния: «Ты её у меня отнял»[2]. Формула завершения была произнесена, однако не исполнена ни физически, ни коммуникативно. В «В поисках радости» В. С. Розова Федор объявляет о готовности выполнить требования оппонента и завершить конфликт: «Ну хорошо, я буду молчать», — однако Леночка переосмысляет это как тактический ход: «Конечно! Это самая выгодная позиция!»[3], что запускает возврат активной фазы конфликта.

Молчание как маркер незавершённости реализуется в корпусе в нескольких разновидностях. Первая: молчание, вынуждающее говорящего продолжать речь в отсутствие ответа. В «В поисках радости» В. С. Розова конфликт между Олегом и Геннадием дважды прерывается ремаркой «Олег молчит», «Оба стоят и молчат»[4]. После каждой из этих пауз следует не ответная реплика оппонента, а продолжение высказываний того, кто говорил до паузы: молчание адресата вынуждает говорящего заполнять коммуникативное пространство, не получив ни согласия, ни опровержения. Вторая разновидность: молчание как систематически поддерживаемый отказ от взаимодействия. В «Мурлин Мурло» Н. В. Коляды Ольга на протяжении развёрнутого монолога Михаила не произносит реплик: «Ольга смотрит в пол, не двигается»[5]. Михаил продолжает обращаться к ней с вопросами, тональность которых постепенно меняется от агрессии к недоумению: молчание адресата создаёт форму присутствия без коммуникативного участия, что исключает возможность наступления завершения конфликта. Третья разновидность: молчание как отказ вступить в контакт через физическую недоступность. В «Дорогой Елене Сергеевне» Л. Н. Разумовской Елена Сергеевна, находящаяся за закрытой дверью, не отвечает на реплику Ляли «Они не взяли ваш ключ!»[6]. Высказывание, лишённое получателя, становится коммуникативно несостоявшимся, а конфликт сохраняет неопределённый статус, несмотря на формальное устранение предмета разногласия.

Авторские ремарки как маркеры незавершённости не принадлежат системе реплик персонажей, однако нередко служат единственным свидетельством того, что внешне прекратившийся конфликт еще не закончен. В «Мурлин Мурло» Н. Коляды Инна рыдает на кровати после ухода Алексея, что представляет собой физическое выражение непреодолённого напряжения при формально завершившемся противостоянии. В «Фабричной девчонке» А. Володина при возвращении Бибичева в комнату ремарка гласит: «Сел на стул, уронил голову. Несчастен сейчас»[7]. Прямая авторская номинация внутреннего состояния в паратексте пьесы исключительна для данного жанра: она устанавливает эмоциональный итог, который реплики персонажа скрывают или не способны выразить, обнаруживая тем самым, что достигнутое завершение было принято только одной из сторон.

Зависимость типа маркеров завершения от природы конфликтогена

Анализ корпуса обнаруживает устойчивую зависимость между типом конфликтогена и характером маркеров завершения. Данная зависимость позволяет рассматривать фазу завершения как структурно обусловленную предшествующими фазами, что согласуется с фазовыми моделями конфликта [1; 10].

Конфликты, инициированные аксиологическими конфликтогенами — высказываниями, воспринимаемыми адресатом как посягательство на его систему ценностей, самооценку или ролевую идентичность, — завершаются в корпусе преимущественно через молчание или физический

[1] Вампилов А. В. Утиная охота [Электронный ресурс] // Lib.ru.

[2] Арбузов А. Н. Иркутская история [Электронный ресурс] // Narod.ru URL: https://lib-drama.narod.ru/arbuzov/irkutsk.html (дата обращения: 26.04.2026).

[3] Розов В. С. В поисках радости [Электронный ресурс] // Lib.ru.

[4] Там же.

[5] Коляда Н. В. Мурлин Мурло [Электронный ресурс] // UralPlays — библиотека пьес уральских драматургов URL: https://www.uralplays.ru/works/1/ (дата обращения: 26.04.2026).

[6] Разумовская Л. Н. Дорогая Елена Сергеевна [Электронный ресурс] // Lib.ru. URL: https://www.lib.ru/PXESY/domik/4_landsk/des_pred.htm (дата обращения: 26.04.2026).

[7] Володин А. М. Фабричная девчонка [Электронный ресурс] // Narod.ru URL: https://lib-drama.narod.ru/arbuzov/irkutsk.html (дата обращения: 26.04.2026).

выход из коммуникации без вербального оформления завершения. В «Дорогой Елене Сергеевне» Л. Разумовской острые ценностные столкновения между учительницей и учениками завершаются физическим прекращением взаимодействия, не сопровождаемым апологетическими формулами. В «Иркутской истории» А. Арбузова аксиологически нагруженные конфликты завершаются молчанием одного из участников при продолжении речи другого. Отсутствие вербального маркера в этих случаях функционирует как коммуникативный сигнал: принять условия завершения означало бы принять позицию, предложенную оппонентом.

Конфликты с манипулятивными конфликтогенами — высказываниями, посредством которых говорящий скрытно перераспределяет коммуникативные роли или атрибутирует адресату нежелательные мотивы, — завершаются преимущественно через тематическое переключение или квазиапологетические высказывания. Квазиапологетические высказывания внешне воспроизводят структуру извинения, однако не содержат полного принятия ответственности. По О. С. Иссерс, «в случае прогнозируемой слабой позиции учитывается необходимость «сохранения лица» и, соответственно, предпочтение отдается не прямым, а косвенным тактикам», к которым относится и извинение с оговоркой [4, с. 250]. В «Разговоре без свидетеля» ОН произносит: «Прости. Я распсиховался. Работы невпроворот. Я ещё не был в отпуске. К тому же вчера перепил»[1]. Каждое из называемых обстоятельств — объективная причина, которую трудно оспорить; их перечисление создаёт эффект исчерпывающего объяснения, после которого обвинять говорящего было бы несправедливо. Характерна реакция женского персонажа: «Конечно. Главное, волноваться-то не с чего»[2], — ОНА принимает форму этого объяснения, не затрагивая его содержания: перемирие достигнуто, но вопрос, ставший его причиной, не снят.

Конфликты со статусными конфликтогенами — ситуациями нарушения ролевой иерархии или смещения коммуникативных позиций — завершаются через директивные метакоммуникативные формулы, произносимые стороной, занимающей доминирующую позицию. В «В поисках радости» В. С. Розова конфликты, инициированные статусным давлением Лапшина, завершаются директивными репликами, а не совместно достигнутым соглашением. Завершение реализуется через утверждение статусного преимущества говорящего, его оппонента или третьего лица, поскольку завершить конфликт, основанный на нарушении иерархии, возможно только после построения новой.

Выявленная зависимость указывает на то, что тип конфликтогена не только определяет характер основной фазы конфликта, но и предопределяет вероятный способ его завершения, что подтверждает системный, а не ситуативный характер связи между фазами.

Заключение

Проведённый анализ позволяет сформулировать ряд выводов. Прекращение и завершение речевого конфликта представляют собой самостоятельные коммуникативные категории, разграничение которых необходимо для описания его фазовой структуры.

Маркеры завершения конфликта в исследуемом корпусе объединяет редукция структуры по сравнению с маркерами инициации: сокращение объёма высказывания само по себе является прагматическим сигналом смены коммуникативного регистра.

Маркеры незавершённости конфликта свидетельствуют о расхождении между формальным прекращением и коммуникативным состоянием участников взаимодействия.

Зависимость между типом конфликтогена и характером маркеров завершения указывает на структурную связность фаз конфликта и ограничивает возможность рассматривать фазу завершения как автономный эпизод. Перспективным направлением дальнейшего исследования представляется верификация выявленных закономерностей на материале других типов дискурса — разговорного, институционального, медийного, — а также сопоставительный анализ маркеров завершения конфликта в текстах разных национальных традиций.

[1] Прокофьева С. Л. Разговор без свидетеля : пьеса / С. Л. Прокофьева. М. : ВААП-ИНФОРМ, 1980. С. 56.

[2] Там же.

Список источников

1. Анцупов А. Я., Шипилов А. И. Конфликтология : учеб. для вузов. 4-е изд. М. : Эксмо, 2009. 512 с.

2. Анисимова А. Т. Концепт «конфликт» в русской языковой картине мира (на материале драматических текстов) : дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2004. 195 с.

3. Горелов И. Н., Седов К. Ф. Основы психолингвистики : учеб. пособие. 3-е изд. М. : Лабиринт, 2001. 304 с.

4. Иссерс О. С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. 5-е изд. М. : ЛКИ, 2008. 288 с.

5. Мулькеева В. О. Речевые стратегии конфликта и факторы, влияющие на их выбор: дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2005.

6. Муравьёва Н. В. Язык конфликта. М. : Изд-во МЭИ, 2002. 264 с.

7. Певнева И. В. Коммуникативные стратегии и тактики в конфликтных ситуациях общения обиходно-бытового и профессионального педагогического дискурсов русской и американской лингвокультур: автореф. дис. ... канд. филол. наук / И. В. Певнева. Кемерово, 2008. 19 с.

8. Седов К. Ф. Языковая личность в аспекте психолингвистической конфликтологии // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. Труды Международного семинара Диалог, 2002. М. : Наука, 2002. Т. 1. С. 428– 439.

9. Синтоцкая Н. А. Реализация категории эмотивности в тексте современной англоязычной драмы: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2003. 19 с.

10. Третьякова В. С. Речевой конфликт и гармонизация общения : дис. ... д-ра филол. наук. Екатеринбург, 2003. 301 с.

11. Хруненкова А. В. Интолерантные формы речевого общения в современном драматургическом дискурсе : дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2010. 196 с.

12. Якубович Д. О. Речевой конфликт как разновидность речевого взаимодействия // Карповские научные чтения: сб. науч. ст. Вып. 5: в 2 ч. Ч. 2. Минск : «Белорусский Дом печати», 163, 2011. С. 29–32.

13. Grimshaw A. D. (ed.). Conflict Talk: Sociolinguistic Investigations of Arguments in Conversations. Cambridge : Cambridge University Press, 1990. 341 p.

14. Mansworth, M. Teaching Drama Using Discourse Analysis [Text] / Megan Mansworth // Teaching English Language and Literature. London: Routledge, 2020. Pp. 105–112.

15. Vuchinich S. The sequential organization of closing in verbal family conflict // Conflict Talk / ed. by A. D. Grimshaw. Cambridge : Cambridge University Press, 1990. P. 118–138.

References

1. Antsupov AYa, Shipilov AI. Conflictology. 4th ed. Moscow: Eksmo; 2009. 512 p. (In Russ.).

2. Anisimova AT. The concept of “conflict” in the Russian linguistic worldview (based on dramatic texts) [Dissertation]. Voronezh; 2004. 195 p. (In Russ.).

3. Gorelov IN, Sedov KF. Fundamentals of psycholinguistics. 3rd ed. Moscow: Labirint; 2001. 304 p. (In Russ.).

4. Issers OS. Communicative strategies and tactics of Russian speech. 5th ed. Moscow: LKI; 2008. 288 p. (In Russ.).

5. Mul’keyeva VO. Speech conflict strategies and factors influencing their choice [Dissertation]. Saint Petersburg; 2005. (In Russ.).

6. Murav’yova NV. The language of conflict. Moscow: MEI Publishing House; 2002. 264 p. (In Russ.).

7. Pevneva IV. Communicative strategies and tactics in conflict situations of everyday and professional pedagogical discourse in Russian and American linguocultures [Author’s abstract of Dissertation]. Kemerovo; 2008. 19 p. (In Russ.).

8. Sedov KF. Linguistic personality in the aspect of psycholinguistic conflictology. In: Komp’yuternaya lingvistika i intellektual’nyye tekhnologii. *Trudy Mezhdunarodnogo seminara Dialog 2002 = Computational Linguistics and Intellectual Technologies. Proceedings of the International Seminar Dialogue* 2002. Moscow: Nauka; 2002;1:428-439. (In Russ.).

9. Sintotskaya NA. Realization of the category of emotivity in the text of modern English-language drama [Author’s abstract of Dissertation]. Saint Petersburg; 2003. 19 p. (In Russ.).

10. Tret’yakova VS. Verbal conflict and harmonization of communication [Dissertation]. Yekaterinburg; 2003. 301 p. (In Russ.).

11. Khrunenkova AV. Intolerant forms of speech communication in modern dramatic discourse [Dissertation]. Saint Petersburg; 2010. 196 p. (In Russ.).

12. Yakubovich DO. Verbal conflict as a variety of speech interaction. *Karpovskiye nauchnyye chteniya = Karpov Scientific Readings.* Vol. 5, pt. 2. Minsk: Belorusskiy Dom pechati; 2011. P. 29-32. (In Russ.).

13. Grimshaw AD, ed. Conflict talk: Sociolinguistic investigations of arguments in conversations. Cambridge : Cambridge University Press; 1990. 341 p.

14. Mansworth M. Teaching drama using discourse analysis. In: Teaching English Language and Literature. London: Routledge; 2020. P. 105-112.

15. Vuchinich S. The sequential organization of closing in verbal family conflict. In: Grimshaw AD, ed. Conflict talk. Cambridge: Cambridge University Press; 1990. P. 118-138.

Информация об авторах

М. С. Лантух — аспирант, преподаватель кафедры теоретического и прикладного языкознания.

Е. И. Минина — кандидат филологических наук, доцент кафедры теоретического и прикладного языкознания.

Information about the authors

M. S. Lantukh — Postgraduate Student, Teacher at the Department of Theoretical and Applied Linguistics.

E. I. Minina — Cand. Sci. (Philology), Associate Professor at the Department of Theoretical and Applied Linguistics.

Статья поступила в редакцию 09.02.2026; одобрена после рецензирования 26.02.2025; принята к публикации 22.05.2026.

Вклад авторов: оба автора сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.
Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

The article was submitted 09.02.2026; approved after reviewing 26.02.2025; accepted for publication 22.05.2026.

The authors declare no conflicts of interests.
Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

Вестник Челябинского государственного университета. 2026. № 5 (511). С. 86–92.
Bulletin of Chelyabinsk State University. 2026;(5(511):86-92.

Научная статья

УДК 811.161.1

DOI: 10.47475/1994-2796-2026-511-5-86-92

ОБРАЩЕНИЕ К КОНЦЕПТОСФЕРЕ ЗРИТЕЛЯ КАК ПРИЕМ РЕЧЕВОЙ АГРЕССИИ В ПРОГРАММЕ «ВЕСТИ НЕДЕЛИ»

Сергей Аркадьевич Садовников[1], Евгения Викторовна Ефимова[2], Ольга Григорьевна Красикова[3]

[1] Нижегородская академия МВД РФ, Нижний Новгород, Россия, ssa_88@mail.ru

[2] Нижегородская академия МВД РФ, Нижний Новгород, Россия, jefjane@yandex.ru

[3] Нижегородская академия МВД РФ, Нижний Новгород, Россия, ogkras@inbox.ru

Аннотация. Важность, оригинальность и актуальность исследования продиктованы качественными изменениями функций средств массовой информации и методов средств массовой коммуникации. Функция воздействия стала центральной для современных новостных программ. Концептуальный анализ, использующийся в статье, является показательным для описания некоторых методов воздействия. Цель настоящей статьи – анализ приемов воздействия в российской программе «Вести недели». Подробный сравнительный анализ с зарубежными СМИ не проводился, что следует учитывать при интерпретации выводов. С помощью высказываний, содержащих культурные и национальные концепты, происходит обращение к концептосфере зрителя. Обращение к концептам, которые были уже категоризированы и концептуализированы, связано с актом речевой агрессии. В данной работе термин «речевая агрессия» используется как нейтральный лингвистический инструмент для описания любых высказываний, влияющих на коммуникативное пространство адресата. Обращение к базовым концептам и стереотипам является частью воздействующей функции. Такие обращения чаще всего не несут конкретную информацию и являются пресуппозицией. Часто встречаются выражения с оценкой, которая может не совпадать с мнением иных экспертов; с точки зрения лингвистики, это является одним из способов выражения авторской позиции. Обращение к концептосфере зрителя может предполагать перенос уже сформированных стереотипов на новый объект, поэтому оценка зрителем может не проводиться. В статье сделан вывод, что обращение к концептосфере является продуктивным средством воздействия на зрителя, поскольку уже сформированные концепты сами подсказывают зрителю нужную оценку. В свою очередь, это снимает необходимость в использовании дополнительных средств воздействия. Сделанные выводы позволяют глубже понять методы, которые используют СМИ.

Ключевые слова: концепт, концептосфера, речевая агрессия, средства массовой информации, функция воздействия

Для цитирования: Садовников С. А., Ефимова Е. В., Красикова О. Г. Обращение к концептосфере зрителя как прием речевой агрессии в программе «Вести недели» // Вестник Челябинского государственного университета. 2026. № 5 (511). С. 86–92. DOI: 10.47475/1994-2796-2026-511-5-86-92

Original article

APPEAL TO THE VIEWER'S CONCEPTUAL SPHERE AS A DEVICE OF SPEECH AGGRESSION IN THE PROGRAM "VESTI NEDELI"

Sergey A. Sadovnikov[1], Evgenia V. Efimova[2], Olga G. Krasikova[3]

[1] Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of internal affairs of Russia, Nizhny Novgorod, Russia, ssa_88@mail.ru

[2] Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of internal affairs of Russia, Nizhny Novgorod, Russia, jefjane@yandex.ru

[3] Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of internal affairs of Russia, Nizhny Novgorod, Russia, ogkras@inbox.ru

Abstract. The importance, originality and topicality of the research question is provoked by qualitative changes in the functions of the current mass media and methods of mass-communication tools. The influence function pre-

© Садовников С. А., Ефимова Е. В., Красикова О. Г., 2026

vails in current media. News media editors use different methods to form public opinion. Concept analysis used in the article is favorable for exploring one of these impact techniques. The aim of this article is to analyze the persuasive techniques used in the Russian news program *"Vesti Nedeli"*. A comparative analysis with foreign media outlets was not conducted, which should be taken into account when interpreting the conclusions. Utterances which contain the appeal to concepts are analyzed. The appeal to viewers' sphere of concepts, which have been already categorized and conceptualized, is connected with an act of verbal aggression. The term *"verbal aggression"* is employed as a neutral linguistic instrument to describe any utterances directed at invading the addressee's communicative space. Appeal to basic concepts and stereotypes performs important role in the influencing function of the media. Most commonly these appeals do not influence information content of news. Practically these appeals are presuppositions. Uninformative and groundless estimate, which can bring discredit on something or somebody, is regarded as a verbal aggression because such a way provokes and fixes in mind the influenced attitude to reality. The appeal to viewers' sphere of concepts may presuppose the transmission of stereotypes on a new object, that is why viewers' estimation can not be selfcriticized. The article draws a conclusion that appeal to sphere of concepts is a productive method of impact on viewers, as already formed concepts hint at the necessary estimation. In this respect, there is no need to use other speech devices. The results of the investigation is important for understanding of a current Russian media discourse.

Keywords: concept, sphere of concepts, verbal aggression, the media, impact function

For citation: Sadovnikov SA, Efimova EV, Krasikova OG. Appeal to the Viewer's Conceptual Sphere as a Device of Speech Aggression in the Program "Vesti Nedeli". *Bulletin of Chelyabinsk State University.* 2026;(5(511):86-92. (In Russ.). DOI: 10.47475/1994-2796-2026-511-5-86-92

Введение

К настоящему времени произошло перераспределение функций средств массовой информации. Функция воздействия стала центральной для современных новостных программ. Этому отчасти поспособствовала пандемия коронавирусной инфекции, поскольку возникла необходимость в убеждении населения выполнять определенные действия: оставаться дома, использовать средства индивидуальной защиты, пройти вакцинацию и т. д. Сформировался набор техник, которые использовали СМИ для реализации данного воздействия: личный пример (сообщения о прохождении вакцинации каким-либо известным лицом), призыв, запугивание (сообщения о смерти известного лица от коронавирусной инфекции, сообщения об обновлении общего числа умерших и заболевших).

Как правило, целью воздействия является формирование общественного мнения, которое обычно не предполагает выполнение или невыполнение людьми каких-либо действий. В данной статье мы рассмотрим примеры обращения к концептосфере зрителя.

Материалы и методы исследования

Материал для исследования взят из еженедельной информационно-аналитической телепрограммы Всероссийской государственной телерадиокомпании «Вести недели». Иноязычные материалы не использовались с целью акцентировать внимание на русскоязычной концептосфере.

Существует значительное количество работ, посвященных стратегиям и тактикам речевой агрессии в СМИ. В основном исследователи речевой агрессии фокусируются на анализе конкретных лексических образований [5; 13]. Также в современной науке понятие *речевая агрессия* соотносят с понятием манипуляция [11; 6; 15; 1]. Существуют и работы по изучению противодействия *манипуляции* [9; 8, с. 63–66].

Встречается не так много работ, в которых понятие речевая агрессия анализируется с позиций когнитивной лингвистики. Например, о связи речевой агрессии с когнитивной сферой пишет Т. В. Ларионова: *«Речевая агрессия создает особый когнитивный контекст за счет своей соотнесенности с некоторыми архетипическими практиками общения и является структурным элементом коммуникативно-ориентирующей социокогнитивной матрицы интенционального воздействия»* [15, с. 120].

Для достижения цели исследования использовался описательно-аналитический и структурно-семантический анализ, однако центральное место в работе занимает когнитивный анализ, который «направлен на изучение не только закрепленного социальной практикой и языком коллективного, обобществленного знания, но и знания индивидуального…» [3, с. 176].

Одним из центральных понятий когнитивной лингвистики является концептосфера, под которой мы понимаем «мыслительную сферу, состоящую из концептов, существующих в виде мыслительных картинок, схем, понятий, фреймов, сценариев, гештальтов (более или менее сложных комплексных образов внешнего мира), абстрактных

сущностей, обобщающих разнообразные признаки внешнего мира» [2, с. 15].

Дискурсивно обращение к концептосфере зрителя связано с понятием речевой агрессии, то есть «явным и настойчивым навязыванием адресату определенной точки зрения, лишающей его выбора и возможности сделать собственный вывод, самостоятельно проанализировать факты» [4, с. 99]. К этому можно добавить мысль Т. А. Воронцовой, что речевая агрессия — это «вторжение в коммуникативное пространство адресата» [7, с. 8]. Именно обращение к концептосфере лишает способности самостоятельно анализировать информацию.

Отметим, что понятие речевой агрессии связано с понятием манипуляции. Речевая агрессия как акт манипуляции «проявляется в виде эмоционально окрашенных лексических средств, иронии, активизации концептов в сознании адресата» [16, с. 166].

Ограничения исследования

Статья не претендует на оценку корректности или моральной допустимости описанных приемов, а лишь фиксирует их наличие.

Результаты исследования и их обсуждение

В результате когнитивной деятельности человеком создается когнитивная система, которую он присваивает себе. Одни концепты являются индивидуальными, другие формируются под воздействием общенациональных, исторических, социальных, возрастных, профессиональных, региональных факторов и др. Обращение к концептосфере зрителя в СМИ, чаще всего, идет через общенациональные концепты, уже существующие в сознании. Важно отметить, что эти процессы происходят аудиальным путем, то есть у зрителя нет оперативной возможности обратиться к письменному варианту, что снижает уровень опосредованного (волевого) внимания и уровень критичности мышления.

Рассмотрим концепт ВОЙНА, к которому апеллируют авторы программы, говоря о пандемии коронавирусной инфекции. Еще до выпуска от 26 сентября 2021 года, где ведущий программы напрямую говорит о том, что «термин *война* правомерен» в контексте разговора о коронавирусной инфекции, данный концепт реализуется довольно часто:

1. *Репортажи из самых* ***горячих точек****»*[1] [здесь и далее выделено нами — *авт.*] (далее репортажи, посвященные эпидемии, из Индии и Франции).

2. С наступлением осени коронавирус пошел в наступление во всем мире. <…> *Специалисты говорят прямо: чем лучше соблюдаем рекомендации медиков – маска, перчатки, социальная дистанция и минимум контактов — тем крепче наша* ***оборона***[2].

3. *Ну а о* ***битве*** *всей России с вирусом на этой неделе Елена Ерофеева*[3].

4. *6 тысяч человек — это 3* ***полка****. Образно говоря,* ***наши потери*** *сейчас 3* ***полка*** *в неделю. Неужели приемлемо?*[4]

Концепт ВОЙНА актуализируется через семантически смежные языковые единицы: горячая точка, битва, полк, потери, оборона. Причем на ближайшей смысловой периферии данного концепта находится концепт ОБЪЕДИНЕНИЕ, который актуализируется с помощью местоимений: битва **всей** России, **наши** потери, **наша** оборона.

Ассоциативная связь ВОЙНА — ОБЪЕДИНЕНИЕ является важной для русской концептосферы, поскольку существует множество исторических примеров, когда объединение, сплочение народа играло большую роль в войнах, которые велись на территории Русского царства в XVII в., Российской империи в XIX в., СССР в XX в.

Авторы программы обращаются к концептам социально-культурной зоны. Так, в выпуске от 13 февраля 2022 г. авторы апеллируют к исторической памяти об Отечественной войне 1812 г. и концепту РУССКАЯ ЗИМА.

Такую отсылку авторы программы делают в контексте освещения российской позиции о нерасширении НАТО. В выпуске транслируется отрывок выступления президента России В. В. Путина в ходе пресс-конференции по итогам переговоров с президентом Франции Э. Макроном. В ответе на вопрос французского журналиста В. В. Путин рассуждает о последствиях включения Украины в НАТО: *«Представьте, что Украина — член НАТО. Значит, возникнет военная конфронтация между Россией и НАТО. Нам что, воевать с НАТО? Но я хочу и вас спросить, есть*

[1] Вести недели. Эфир от 26.09.2021. URL: https://vesti7.ru/video/2341676/episode/26-09-2021/ (дата обращения: 12.11.24).

[2] Вести недели. Эфир от 27.09.2020. URL: https://vesti7.ru/video/2226246/episode/27-09-2020/ (дата обращения: 12.11.24).

[3] Вести недели. Эфир от 18.10.2020. URL: https://vesti7.ru/video/2232607/episode/18-10-2020/ (дата обращения: 12.11.24).

[4] Вести недели. Эфир от10.10.2021. URL: https://vesti7.ru/video/2346588/episode/10-10-2021/ (дата обращения: 12.11.24).

же вторая часть этого вопроса. А вы хотите воевать с Россией? Вы спросите своих читателей и зрителей, пользователей интернет-ресурсами: вы хотите? Вы хотите, чтобы Франция воевала с Россией?».

Далее следует продолжение репортажа: *А ведь уже сегодня французские солдаты стоят всего в ста километрах от российской границы. В снегах на территории Эстонии утопает знаменитый 5-й драгунский полк, в котором полковником служил еще младший брат Наполеона Луи Бонапарт. Спустя 2 века полк проверяет свою боеспособность морозом».* Далее перевод слов французского солдата: *«Мне еще никогда не было так холодно. Я не чувствую пальцев»*[1].

Аллюзия на исторические события, в том числе упоминание климатических условий, которые, возможно, были одной из причин поражения наполеоновской армии, оформляется на лексико-синтаксическом уровне: наличие в одном контексте имени *Наполеон* и словосочетаний *утопает в снегах, проверяет свою боеспособность морозом*. На историческом уровне личность Луи Бонапарта связывается с современной деятельностью 5-го драгунского полка. И в русской, и в западной языковой картине мира зафиксировалось понятие *Генерал Мороз*, которое является персонификацией понятия *русская зима*. Это понятие расширилось до концепта, поскольку перестало иметь только базовые теоретические признаки, такие как *холод, мороз, Россия*, и приобрело признаки обыденного познания, связанные с ходом военных действий.

Наполнение концепта РУССКИЙ МОРОЗ неодинаково в русской и западной языковой картинах мира. Если для западного сознания русский мороз представляет собой нечто устрашающее, физически неприятное, внезапное, то для русской языковой картины мира это явление, скорее, позитивное. Упоминание данного концепта позволяет автору апеллировать к историческому опыту, где климатический фактор традиционно осмысляется как союзник России, что усиливает эмоциональное воздействие на зрителя. Попутно у зрителя формируется иронический образ французских солдат: ***В снегах*** *на территории Эстонии* ***утопает*** *знаменитый 5-й драгунский полк.*

В западном медийном пространстве концепт РУССКИЙ МОРОЗ также использовался. Так, миф о морозе как первопричине поражения немцев под Москвой массово распространялся в нацистской Германии.

Часто обращение к концептосфере зрителя используется для формирования нужной оценки события или личности. Например, образ Терезы Мэй (премьер-министр Великобритании с 2016 по 2019 г.) формируется в программе «Вести недели» посредством актуализации уже имеющихся в сознании концептов: *Нашли странноватую Терезу Мей в* ***леопардовых*** *туфлях. Та, в своей неадекватности, все больше отвлекалась на Россию и шпиономанию да танцевала в странах Африки, нескладно занимаясь Брекзитом, заливала горе валлийским виски «Penderyn»*[2].

В частности, прилагательным *леопардовый* создается портрет политика. В русской языковой картине мира лексема *леопардовый* к началу 1990-х гг. приобрела иронически-сниженную коннотацию, поскольку стала маркером определенного социального слоя (т. н. «новых русских»), чей стиль воспринимался частью общества как избыточный и вызывающий, хотя до этого имела нейтральную оценку и употреблялась преимущественно со словом *шкура*[3]. Такое изменение связано с приходом западной моды в Россию: леопардовый принт стал популярен, что было связано с активным проникновением западных модных трендов в культурное пространство постсоветской России, где отсутствовала устоявшаяся традиция ношения подобных принтов. Следует отметить, что в западной культуре леопардовый принт также не является однозначным символом — он может восприниматься как вызывающий, однако в журнале Bustle он интерпретируется в положительном ключе. Автор данного журнала, рассуждая о причинах, по которым Тереза Мэй часто носит леопардовые туфли, приводит две основные причины:

1) показать, что она одна из немногих политиков, которая не стесняется следовать моде;

2) сформировать образ уверенной в себе женщины: *«leopard print is stereotypically reserved for confident women»*[4] — леопардовый принт традиционно предназначен для уверенных в себе женщин (перевод наш — *авт.*).

[1] Вести недели. Эфир от 13.02.2022. URL: https://vesti7.ru/video/2383714/episode/13-02-2022/ (дата обращения: 12.11.24)

[2] Вести недели. Эфир от 16.10.2016. URL: https://vesti7.ru/video/1583828/episode/16-10-2016/ (дата обращения: 12.11.24).

[3] Национальный корпус русского языка. URL: https://ruscorpora.ru (дата обращения: 12.11.24).

[4] The Reason Theresa May Always Wears Leopard Print Shoes Is Actually SO Interesting. URL: https://www.bustle.com/p/theresa-mays-leopard-print-shoes-made-yet-another-appearance-this-weekend-this-might-be-why-9646400 (дата обращения: 12.11.24).

Таким образом, включая слово *леопардовый* в данный контекст, авторы программы актуализируют нужную концептуальную информацию, которая была уже категоризована и концептуализирована большинством зрителей. Данный прием, подобно тому, как клише в языке упрощает речемыслительную деятельность, облегчает задачу воздействия, поскольку он работает с уже готовым когнитивным материалом.

Подобные приемы актуализации культурных стереотипов (например, образ «русского медведя» или «русской зимы») встречаются и в медиа в разных странах мира, что свидетельствует об универсальности данного механизма (см. статью И. В. Коровиной и О. В. Спиридоновой «Этнокультурные стереотипы о России в СМИ англоязычных стран» [12]).

Рассмотрим еще один пример, когда указание на отдельный параметр внешности человека может сформировать нужную оценку: *Запад словно под* ***дурочку*** *— мол не понимаем Россию — все просят объяснений. В таком залоге задала свой вопрос на пресс-конференции* ***блондинка*** *от британского телеканала Sky News Диана Магния*[1].

Наличие в одном тексте слов дурочка и блондинка явно не предполагает, что авторы имели в виду значение человек с очень светлыми, белокурыми волосами. В основе формирования нужной оценки в данном случае лежит стереотип о связи цвета волос с умственными способностями человека. Лексическая замена ***журналистка*** *от британского телеканала —* ***блондинка*** *от британского телеканала* также дискредитирует Диану Магнию как журналиста.

Использование усеченного варианта фразеологизма косить под дурачка расширяет объект негативной оценки до «Запада», то есть до Западного мира (Западной цивилизации). Как показывает анализ, в программе «Вести недели» нередко используются языковые средства, формирующие негативную оценку западных политиков и институтов. Подобные приемы характерны не только для российской, но и для многих зарубежных информационно-аналитических программ, что обусловлено состязательным характером современной геополитической коммуникации.

Западная литература XIX и XX вв. фиксирует большой опыт использования методов речевой агрессии с целью дискредитации. Упомянем автобиографический рассказ М. Твена «Как меня выбирали в губернаторы» (1863 г.), где иллюстрируются речевые приемы, направленные на «очернение» кандидата перед выборами. Описанные в рассказе приемы используются и современными западными СМИ, что открывает перед исследователями простор для изучения.

Выводы

Проанализированные примеры показывают, что обращение к концептосфере является широко распространенным и продуктивным средством воздействия на зрителя в СМИ любой страны. Актуализация социально-культурных концептов важна по нескольким причинам:

1. Концепты, как и стереотипы, уже сформированы в сознании и поэтому не подлежат критической переоценке.

2. Все приведенные концепты имеют оценочное значение, поэтому нет необходимости в использовании дополнительных языковых средств.

3. Актуализация концептов важна для социально-культурного единства, сохранения и передачи социально-исторической памяти.

Связь обращения к концептосфере зрителя с понятием речевой агрессии оправдана, поскольку концепты используются для отражения того или иного отношения к происходящему или публичному лицу и не влияют на информативную составляющую сообщения.

Анализ материала и сделанные выводы помогают глубже понять современную ситуацию в СМИ.

[1] Вести недели. Штамм «омикрон» распространяется быстрее «дельты». URL: https://smotrim.ru/video/2370289 (дата обращения: 12.11.24).

Список источников

1. Ахильгова М. Х. Понятие «речевая агрессия» и «речевая манипуляция» в СМИ // Язык и этнос в пространстве диалога культур : материалы I Всероссийской студенческой научно-практической интернет-конференции / под ред. С. В. Гусаренко. 2019. С. 166–169.

2. Бабушкин А. П., Стернин И. А. Когнитивная лингвистика и семасиология : монография. Воронеж : ООО «Ритм», 2018. 229 с.

3. Болдырев Н. Н. Язык и система знаний. Когнитивная теория языка. М. : Издательский дом ЯСК, 2018. 480 с.

4. Быкова О. Н. Речевая агрессия : материал к энциклопедическому словарю «Культура русской речи». Красноярск, 1996. С. 99–103.

5. Волкова С. Н. Лексико-семантические средства речевой агрессии в телевизионном дискурсе // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2021. № 2. С. 6–21.

6. Голянская В. А., Мельник Н. В. Стратегии и тактики политической манипуляции в СМИ // Филология и человек. 2019. № 3. С. 29–41.

7. Воронцова Т. А. Речевая агрессия: коммуникативно-дискурсивный подход : автореф. ... дис. док-ра филол. наук. Челябинск : ЧелГУ, 2006. 42 с.

8. Ившина В. В. Речевой этикет как средство предотвращения речевой агрессии // Молодая филология – 2018. Человек, культура, социум : сборник статей по материалам ежегодной научной студенческой конференции (г. Пермь, 24–25 апреля 2018 г.). Пермь, 2018. 230 с.

9. Казаков А. А. Способы противодействия политическим манипуляциям в СМИ // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2018. Т. 18, № 1. С. 87–91.

10. Копнина Г. А. Речевое манипулирование : учебное пособие; 3-е изд. М. : Флинта : Наука, 2010. 176 с.

11. Копылова В. Е. Речевое манипулирование и речевая агрессия // Linguistica Juvenis. 2010. № 12. С. 94–100.

12. Коровина И. В., Спиридонова О. В. Этнокультурные стереотипы о России в СМИ англоязычных стран // Гуманитарий: актуальные проблемы гуманитарной науки и образования. 2022. Т. 22, № 3 (59). С. 284–294.

13. Ларионова Т. В. Речевая агрессия: от речевой практики к социокогнитивной матрице // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2017. № 7 (73), ч. 1. С. 117–120.

14. Петрова Н. Е., Рацибурская Л. В. Язык современных СМИ: средства речевой агрессии : учеб. пособие. 5-е изд. стер. М. : ФЛИНТА : Наука, 2017. 160 с.

15. Рубцова Е. В. Приемы языковой манипуляции в СМИ // Региональный вестник. 2019. № 5 (20). С. 20–21.

16. Садовников С. А., Ефимова Е. В. Приемы речевой агрессии как средство манипуляции в программе «Вести недели» // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2022. № 5. С. 163–167.

References

1. Ahil'gova MH. Ponjatie «rechevaja agressija» i «rechevaja manipuljacija» v SMI = The Concept of "Verbal Aggression" and "Verbal Manipulation" in the Media. Jazyk i jetnos v prostranstve dialoga kul'tur. Materialy I Vserossijskoj studencheskoj nauchno-prakticheskoj internet-konferencii = Language and Ethnos in the Space of Cultural Dialogue. Proceedings of the I All-Russian Student Scientific and Practical Internet Conference. 2019. Pp. 166-169. (In Russ.).

2. Babushkin AP, Sternin IA. Cognitive Linguistics and Semasiology. Monograph. Voronezh: LLC "Rhythm", 2018. 229 p. (In Russ.).

3. Bolyrev NN. Language and the System of Knowledge. Cognitive Theory of Language. Moscow: YASK Publishing House, 2018. 480 p. (In Russ.).

4. Bykova ON. Rechevaja agressija: material k jenciklopedicheskomu slovarju «Kul'tura russkoj rechi» = Verbal Aggression: Material for the Encyclopedic Dictionary "Culture of Russian Speech". Krasnoyarsk, 1996. Pp. 99-103. (In Russ.).

5. Volkova SN. Leksiko-semanticheskie sredstva rechevoj agressii v televizionnom diskurse = Lexical-Semantic Means of Verbal Aggression in Television Discourse. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta = Bulletin of Moscow State Regional University. Series: Russian Philology.* 2021;(2):6-21. (In Russ.).

6. Goljanskaja VA, Mel'nik N.V. Strategii i taktiki politicheskoj manipuljacii v SMI = Strategies and Tactics of Political Manipulation in the Media. *Filologija i chelovek = Philology and Man.* 2019;(3):29-41. (In Russ.).

7. Vorontsova TA. Verbal Aggression: A Communicative-Discursive Approach: Abstr. Thesis Dr. Sci. (Philology). Cheljabinsk, 2006. 42 p. (In Russ.).

8. Ivshina VV. Rechevoj jetiket kak sredstvo predotvrashhenija rechevoj agressii = Speech Etiquette as a Means of Preventing Verbal Aggression. *Molodaja filologija = Young Philology.* 2018. 230 p. (In Russ.).

9. Kazakov AA. Sposoby protivodejstvija politicheskim manipuljacijam v SMI = Methods of Counteracting Political Manipulation in the Media. Izvestija Saratovskogo universiteta. *Novaja serija. Serija: Sociologija. Politologija = News of Saratov University. New Series. Series: Sociology. Political Science.* 2018;18(1):87-91. (In Russ.).

10. Kopnina GA. Verbal Manipulation: A Tutorial. Moscow. 2010. 176 p. (In Russ.).

11. Kopylova VE. Rechevoe manipulirovanie i rechevaja agressija = Verbal Manipulation and Verbal Aggression. *Linguistica Juvenis = Linguistica Juvenis.* 2010;(12):94-100. (In Russ.).

12. Korovina IV, Spiridonova OV . Ehtnokul'turnye stereotipy o Rossii v SMI angloyazychnyh stran.*Gumanitarij: aktual'nye problemy gumanitarnoj nauki i obrazovaniya*. 2022;22(3(59)):284-294 (In Russ.).

13. Larionova TV. Rechevaja agressija: ot rechevoj praktiki k sociokognitivnoj matrice = Verbal Aggression: From Speech Practice to Socio-Cognitive Matrix. Filologicheskie nauki. *Voprosy teorii i praktiki = Philological Sciences. Issues of Theory and Practice. Tambov.* 2017;(7(73)): Part 1. Pp. 117-120. (In Russ.).

14. Petrova NE. The Language of Modern Media: Means of Verbal Aggression: Textbook. Moscow. 2017. 160 p. (In Russ.).

15. Rubtsova EV. Techniques of Language Manipulation in the Media. *Regional Bulletin.* 2019;(5(20):20-21. (In Russ.).

16. Sadovnikov SA, Efimova EV. Priemy rechevoj agressii kak sredstvo manipuljacii v programme «Vesti nedeli» = Techniques of Verbal Aggression as a Means of Manipulation in the Program "Vesti Nedeli". *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. Lobachevskogo = Bulletin of Nizhny Novgorod University Named After Lobachevsky.* 2022;(5):163-167. (In Russ.).

Информация об авторах

С. А. Садовников — кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранного языка и культуры речи.

Е. В. Ефимова — кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры иностранного языка и культуры речи.

О. Г. Красикова — кандидат педагогических наук, доцент, заведующий кафедрой иностранного языка и культуры речи.

Information about the authors

S. A. Sadovnikov — Cand. Sci. (Philology), Associate Professor of the Department of Foreign Language and Speech Culture.

E. V. Efimova — Cand. Sci. (Pedagogy), Senior Lecturer of the Department of Foreign Language and Speech Culture.

O. G. Krasikova — Cand. Sci. (Pedagogical), Associate Professor, Head of the Department of Foreign Language and Speech Culture.

Статья поступила в редакцию 02.12.2024; одобрена после рецензирования 09.03.2025; принята к публикации 22.05.2026.

The article was submitted 02.12.2024; approved after reviewing 09.03.2025; accepted for publication 22.05.2026.

Вклад авторов: все автора сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.
Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

The authors declare no conflicts of interests.
Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

Вестник Челябинского государственного университета. 2026. № 5 (511). С. 93–102.
Bulletin of Chelyabinsk State University. 2026;(5(511):93-102.

Научная статья

УДК 81’42:004.58

DOI: 10.47475/1994-2796-2026-511-5-93-102

МОДЕЛЬ ОРГАНИЗАЦИИ ДИСКУРСИВНОГО ПРОСТРАНСТВА НАУЧНОЙ СТАТЬИ С ПОМОЩЬЮ ПРОМПТ-СТРАТЕГИЙ

Наталия Александровна Свердлова[1*], Елена Петровна Марьясова[2], Евгений Александрович Черкашин[3]

[1] Федеральный исследовательский центр Иркутский институт химии имени А. Е. Фаворского СО РАН, Иркутск, Россия, nsverdlova@yandex.ru, ORCID: 0000-0002-5315-6266

[2] Федеральный исследовательский центр Иркутский институт химии имени А. Е. Фаворского СО РАН, Иркутск, Россия, mariaselena@yandex.ru, 0000-0002-3504-9416

[3] Федеральный исследовательский центр Иркутский институт химии имени А. Е. Фаворского СО РАН, Иркутск, Россия,
Институт динамики систем и теории управления имени В. М. Матросова СО РАН, Иркутск, Россия,
Институт математики и информационных технологий, ИГУ, Иркутск, Россия, eugeneai@icc.ru, 0000-0003-2428-2471

Аннотация. В статье представлено описание научного дискурса в контексте интеракций «человек — ИИ-технология», которое подчеркивает проблему создания качественного научного продукта в современной цифровой среде. Предлагается модель дискурсивного пространства научного текста — статьи, которое организовано с помощью технологии искусственного интеллекта — Больших языковых моделей, настраиваемых при помощи промптов (prompt) и контекстов (context). Структуру модели организации дискурсивного пространства статьи с помощью промпт-стратегий составляют стратегический, тактический и редакционный уровни, где реализуется непрерывная серия речевых актов, организованная по принципам прогрессивного уточнения, со-авторства и обратной связи, преемственности контекста. На указанных уровнях происходит мета-проектирование дискурсивного пространства, конструирование его элементов, интеграция и гармонизация дискурсивного пространства. В рамках предложенной модели написание статьи рассматривается как целенаправленное проектирование и заполнение дискурсивного пространства, где промпт-стратегии формируют инструментальную основу для его проектирования. Целенаправленное и структурированное создание текста опирается на последовательность контролируемых, управляемых, итеративных шагов. Модель позволяет предотвратить логические и структурные ошибки. Предложенная модель универсальна и адаптивна: ее эффективность подтверждена значительным сокращением времени на работу с научным текстом без утраты изначального замысла и качественным объемом полученного результата. Научная новизна исследования заключается в синтезе теории дискурсивного пространства и теории речевых актов с практикой промпт-инжиниринга, результатом которого стала первая в своем роде структурированная модель организации дискурсивного пространства научной статьи для взаимодействия «человек — ИИ».

Ключевые слова: научная коммуникация, научная статья, дискурсивное пространство статьи, промпт-стратегия, итеративность, структура модели, принципы организации модели

Для цитирования: Свердлова Н. А., Марьясова Е. П., Черкашин Е. А. Модель организации дискурсивного пространства научной статьи с помощью промпт-стратегий // Вестник Челябинского государственного университета. 2026. № 5 (511). С. 93–102. DOI: 10.47475/1994-2796-2026-511-5-93-102

Благодарности. Исследование проведено при поддержке Министерства науки и высшего образования Российской Федерации, проект ИНЦ СО РАН «Метаязыки научной коммуникации: лингвопрагматическая интеграция и адаптивное моделирование» (FWSN-2025-0001).

© Свердлова Н. А., Марьясова Е. П., Черкашин Е. А., 2026

Original article

A MODEL FOR ORGANIZING THE DISCURSIVE SPACE OF A SCIENTIFIC ARTICLE USING PROMPT STRATEGIES

Nataliya A. Sverdlova[1*], Elena P. Mariasova[2], Evgeny A. Cherkashin[3]

[1] Federal Research Center "Irkutsk Institute of Chemistry named after A. E. Favorsky, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences", Irkutsk, Russia, nsverdlova@yandex.ru, ORCID: 0000-0002-5315-6266

[2] Federal Research Center "Irkutsk Institute of Chemistry named after A. E. Favorsky, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences", Irkutsk, Russia, mariaselena@yandex.ru, 0000-0002-3504-9416

[3] Federal Research Center "Irkutsk Institute of Chemistry named after A. E. Favorsky, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences"; V. M. Matrosov Institute for System Dynamics and Control Theory of Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences; Institute of Mathematics and Information Technologies, Irkutsk State University, Irkutsk, Russia, eugeneai@icc.ru, 0000-0003-2428-2471

Abstract. This article presents a description of scientific discourse in the context of human-AI technology interactions, highlighting the challenge of creating high-quality scientific products in the modern digital environment. It proposes a model of the discursive space of scientific text – an article – organized using artificial intelligence technology — Large Language Models (LMMs) configured using prompts and contexts. The structure of the article's discursive space organization model using prompt strategies consists of strategic, tactical, and editorial levels, where a continuous series of speech acts is realized, organized according to three principles (progressive clarification, co-authorship and feedback, contextual continuity). At these levels, the meta-design of the discursive space, the construction of its elements, and the integration and harmonization of the discursive space occur. The proposed model views article writing as the purposeful design and filling of a discursive space, where prompt strategies form the instrumental basis for its design. The purposeful and structured creation of a text relies on a sequence of controlled, managed, and iterative steps. The model helps prevent logical and structural errors. The proposed model is universal and adaptive. Its effectiveness is confirmed by a significant reduction in the time required to process scientific texts without losing the original intent and by the high-quality volume of the resulting results. The scientific novelty of the study lies in the synthesis of the theory of discursive space and speech act theory with the practice of prompt engineering, resulting in the first-of-its-kind structured model for organizing the discursive space of a scientific article for human-artificial intelligence interaction.

Keywords: scientific communication, scientific article, discursive space of the article, prompt-strategy, iteration, model structure, principles of model organization

For citation: Sverdlova NA, Mariasova EP, Cherkashin EA. A Model for Organizing the Discursive Space of a Scientific Article using Prompt Strategies. *Bulletin of Chelyabinsk State University.* 2026;(5(511):93-102. (In Russ.). DOI: 10.47475/1994-2796-2026-511-5-93-102

Acknowledgments. The study was conducted with the support of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation, the IRICH SB RAS project "Metalanguages of Scientific Communication: Lingvopragmatic Integration and Adaptive Modeling" (FWSN-2025-0001).

Введение

Достижения науки и развитие областей отдельных знаний занимает особое место в антропогенезе и культурогенезе: «эволюция человека проходит на фоне его стремления к обмену опытом и полученной информацией [2, с. 10], формируя *дискурсивное пространство.* В связи с этим коммуникация, в широком смысле как «сообщение, передача или обмен идеями, знанием и т. п. посредством речи, письменного текста и знаков» [11], и, в частности, в науке, является актуальной сферой исследования.

Под *дискурсивным пространством (ДП) научной статьи мы понимаем семантически и структурно организованную систему высказываний, которая не только отражает научное содержание, но и позиционирует его в контексте существующих знаний, целевой аудитории и академических норм, формируя целостный коммуникативный продукт.*

Массовое обращение к искусственному интеллекту (ИИ) преображает коммуникацию, в том числе и научную. ИИ стал дискурсом цифрового общества, а сама теория дискурса используется, например, в идее дообучения генеративных моделей. Этот вектор использования теории дискурса востребован и отчасти результативен. Гораздо шире реализуется иной вектор — использование программ ИИ для эффективной коммуникации научных сообществ. В связи с этим сегодня

наряду с решением проблемы создания профессиональных дискурсивных структур текстов, стоит задача эффективного использования программных продуктов ИИ, которые помогут сформировать уникальный авторский продукт неискусственной природы, но с использованием богатого ресурса инструментов ИИ.

Если для наукометрии и библиометрии использование технологий ИИ имеет положительное значение [5], то создание научных текстов с помощью ИИ связано с рисками, которые негативно сказываются в конечном итоге на развитии научного знания [14]. Для создания качественного научного авторского продукта необходимо минимизировать ограничения (риски), присущих ИИ технологий, путем четкой организации дискурсивного научного пространства с учетом специфики научного дискурса, стратегий научной коммуникации и используемой ИИ технологии.

Цель исследования — описать способы организации дискурсивного пространства одного из научных форматов, а именно статьи, с помощью широко используемого ИИ метода *промпт-инжениринга*. Предложенные способы организации дискурсивного пространства научной статьи могут составить основу модели такой организации, а также найдут применение в создании специализированных предметных интеллектуальных программных систем поддержки подготовки научных статей.

Материалы и методы исследования

В качестве инструмента в процессе моделирования использованы технологии искусственного интеллекта, риторическая модель CARS, структурная модель IMRaD. В работе применены методы сравнения, анализа, наблюдения, контент-анализа.

Результаты исследования и их обсуждение

Научное знание является формой когнитивной деятельности, результатом научных изысканий, «ориентированных на получение знаний о мире, принципах происходящих в нем процессов и законов его эволюции» [4, с. 29]. Фрагменты знания — высказывания, как результат освоения человеком внешнего мира, наполняют дискурс, который представляет собой «не язык, а чистую практику» [10, с. 46].

Понимание научного дискурса связано, прежде всего, с социальным статусом участника научной коммуникации, с их дискурсивными ролями. Регламентированность, логичность и структурированность формируют научный дискурс [7, с. 69]. Основными характеристиками научного текста — центра научного дискурса — являются ясность и глубина. Ясность научного дискурса определяется четкостью понятийно-терминологического аппарата, логичностью изложения, иллюстративным материалом и простым строгим литературным языком [4, с. 28]. «Изучая научный текст говорящего и слушающего, мы имеем дело с их специфическими дискурсивными картинами мира и специфическими дискурсивными установками субъектов коммуникации [4, с. 45-46].

ДП научной статьи, с точки зрения гипотезы о пространственном факторе [6; 9] мы характеризуем как личное ДП автора (дискурсивной личности), состоящее из когда-либо произведенных им дискурсов. Отличительной чертой такого ДП будет неевклидовый характер, то есть строится оно в условиях отсутствия контакта говорящих, вне конкретных временных рамок. Такой дискурс погружается в сеть уже зафиксированных во времени взаимодействий. Дискурс статьи нуждается в пространственном консенсусе, имеющем отношение к координатам научной области знаний, куда встраивается производимый автором текст. «Принципы структуры ДП статьи в таком случае должны соответствовать таким стандартам, как потребность в согласии/несогласии, взаимная санкционированность, солидарная ответственность, взаимонаправленное влияние» [8].

Вторжение ИИ в поле задач дискурсивной личности, автора научной статьи, создает усложнение сетевого дискурсивного пространства научной статьи, так как поисковые системы и программы сами являются результатом множественных интеракций, направленных на улучшение дискурсивной структуры производимого текста.

В процессе генерации научного текста дискурсивная личность имеет возможность обратиться к множественным ИИ-помощникам, но для общей сетевой системы требуется устойчивость, целостность и реализация всех позиций; только в этом случае дискурс может быть научным и не перейдет в разряд псевдонаучных. ДП статьи должно стать реакцией на уже имеющиеся в сети дискурсы и стимулом для возникновения новых дискурсов в определенной научной ячейке.

Специфика научной коммуникации определяет особенности научного дискурса, где статья как научный письменный продукт является значимым результатом процесса систематизации знаний в определенной отрасли, поиска нового знания, научного анализа явлений и процессов. ИИ, безусловно, расширяет научный горизонт автора-исследователя. Используя технологии ИИ,

автору научного продукта необходимо исключить очевидные риски, к которым относят: «генерацию недостоверной информации и фальсификацию источников; непрозрачность процессов принятия решений («черный ящик»); поверхностное понимание контекста и смысла; зависимость качества вывода от качества входных данных; риск ложных корреляций и некорректной статистической обработки; искажение данных при визуализации; потерю смысловых нюансов и игнорирование культурных контекстов при переводе; ошибки распознавания аудио и рукописей; риск непреднамеренного плагиата» [3].

Использование ИИ-инструмента, который принято называть «промптом» (от англ. «prompt»; далее Pr), представляет собой текстовый запрос, инструкцию, руководство для выполнения задачи поиска или порождения информации. С точки зрения теории коммуникации интеракция «человек-компьютерная программа *(ChatGPT / Stable Diffusion / Midjourney / Kandinsky / GigaChat и т. п.)*» является средством актуализации человеческой мысли, когда опыт одного из коммуникантов становится общеизвестным и доступным (в соответствии с определением Ч. Кули и Дж. Герберта Мида) [2, с. 9].

Pr-коммуникация строится по модели «стимул-реакция», где ключевое значение для общения с «сетевым разумом» — согласованность действий коммуникантов. Именно это определяет эффективность выбора для автора научного продукта. Данный принцип коммуникации связывает теорию коммуникации и теорию речевых актов [2, с. 15]. Дальнейшее поведение коммуникантов регулируется совокупностью тактик и правил, которые лежат в основе организации модели ДП статьи.

Планирование речевого действия коммуникантами зависит от коммуникативной компетенции говорящего. Если «сетевой разум» предположительно готов к самым разнообразным коммуникативным актам, то человеку потребуется знать правила коммуникации с ИИ-коммуникантом и выстраивать план комплексного речевого воздействия, которое осуществляет говорящий для «обработки» ИИ-партнера. Такое действие «направлено на изменение модели мира, на трансформацию концептуального сознания» [1, с. 102]. В таком случае мы имеем дело с коммуникативной стратегией, а точнее, в нашем случае, промпт-стратегией (далее Pr-стратегия), реализация которой завершается результатом — созданием текста научной статьи, которая станет частью научного дискурса определенной области знаний. Будем считать, что *Pr-стратегия — это частный случай коммуникативной стратегии, адаптированный для взаимодействия в системе «человек-ИИ», где тактиками являются конкретные промпты, а целью — формирование целевого ДП.*

Для описания функционального аналога искомого речевого продукта — статьи — обратимся к синтетической модели построения дискурса научной коммуникации «человек — ИИ-технология», которая «на входе» имеет некую семантическую запись, а «на выходе», предположительно, мы получим некое релевантное семантическое множество.

Предлагаемая модель организации ДП научной статьи опирается на известные конвенциональные модели структуры научного текста: риторическую модель CARS (Create a Research Space) Дж. Свейлза (J. Swales) [13], которая задает логику введения и заявляет место исследования в научном поле; структурную модель IMRaD (Introduction, Methods, Results, and Discussion), ставшую стандартом для организации эмпирических исследований.

Ключевым принципом, обеспечивающим эффективность предложенной модели, является *итеративность* — циклический процесс последовательных уточнений, в котором смысл статьи не излагается линейно, а совместно конструируется исследователем и ИИ через серию взаимосвязанных речевых актов (промптов и ответов). Итеративность является не просто техническим приемом, а фундаментальным свойством коммуникации в рамках данной модели. Итеративный подход позволяет трансформировать изначальный замысел в сложный, продуманный и логически безупречный научный текст посредством серии речевых взаимодействий. Мы исходим из гипотезы, что организация ДП научной статьи с помощью итеративных Pr-стратегий позволяет целенаправленно конструировать это пространство, усиливая его связность, адресность и устойчивость к критике.

В структуре предлагаемой модели выделяем три уровня — стратегический, тактический и редакционный (табл. 1).

Таблица 1
Table 1

Структура модели организации ДП с помощью Pr-стратегий

	Уровни	Реализация
1	Стратегический уровень	Мета-проектирование ДП
2	Тактический уровень	Конструирование элементов ДП
3	Редакционный уровень	Интеграция и гармонизация ДП

Принципиальное отличие предлагаемой модели от технического руководства состоит в подходе к восприятию вопросов-промптов. Опираясь на теорию перформативов Дж. Остина [12], каждый Pr мы понимаем не как механический запрос, а как активный элемент построения дискурса, выполняющий роль речевого акта. Задавая вопрос, мы одновременно совершаем определенное действие, направленное на формирование конкретного направления разговора. Ответ ИИ, в свою очередь, является не пассивным продуктом «на выходе», а ответным речевым актом, который модифицирует дискурсивный контекст: каждое взаимодействие порождает новый виток развития дискуссии, отражая глубинную природу диалога как основного механизма порождения нового знания.

На каждом уровне модели коммуникация реализуется не как одиночный обмен репликами, а как непрерывная серия речевых актов, которая организована по трем принципам.

1. ***Принцип прогрессивного уточнения.*** Каждый последующий *Pr* в серии использует результат предыдущего ответа ИИ в качестве нового контекста и отправной точки. Например, сформулировав на стратегическом уровне основной тезис, автор может следующим Pr попросить разработать под него план аргументации, тем самым развивая и обогащая первоначальный замысел.

2. ***Принцип со-авторства и обратной связи.*** Ответ ИИ выполняет не только информационную, но и стимулирующую функцию: он воздействует на автора, выявляя недостатки или ошибки, предлагая новые идеи или альтернативные углы зрения. Этот ответ стимулирует следующий речевой акт-уточнение, замыкая цикл обратной связи.

3. ***Принцип преемственности контекста.*** В рамках тактического уровня (например, при написании раздела «Обсуждение») серия Pr строится таким образом, что каждый новый запрос наследует и учитывает смысловое содержание, выработанное в предыдущих циклах. Это обеспечивает целостность и связность создаваемого ДП.

Стратегический уровень. Мета-проектирование ДП (табл. 2). На этом этапе, предваряющем непосредственное написание, формулируется центральная идея статьи, ее целевая аудитория, ниша и основной вклад в научное знание. В результате мета-проектирования создается четкий «технический паспорт» статьи, который служит картой для всего последующего написания. Подчеркнем, что формулировки «вопрос и гипотеза», «центральный тезис» предлагаются ИИ в ответ на предварительный (подготовленный автором) контекст, глубокое понимание проблемы, на данные, предоставленные пользователем, обладающим экспертной оценкой. То есть ИИ функционирует вторично, как отражатель и организатор мыслей автора, а не как первичный генератор научного знания.

Таблица 2
Table 2

Стратегический уровень

Уточнение миссии Цель создания *Pr* в организации ДП: определить ядро ДП	
Примеры промпта	Функциональная особенность промпта/ ожидаемый результат
Сформулируй основной исследовательский вопрос и гипотезу для статьи по теме [Тема, предложенная автором]. *Основная цель – доказать, что [Гипотеза].* *Ключевой вклад должен заключаться в [Что нового?].*	Акцент на центральном утверждении.
Сформулируй центральный тезис (thesis statement) для статьи по теме [Тема]. Тезис должен быть спорным, проверяемым и заключать в себе ключевое открытие или позицию. Затем разверни его в один основной исследовательский вопрос и две вспомогательные гипотезы.	Промпт нацелен на четкую формулировку собственного методологического подхода в результате рефлексии. ИИ в данном случае не источник «новизны», а инструмент для ее формулирования и позиционирования относительно существующего поля. Акцент на инновационности и сравнении.
Какова [новая методология / теоретическая модель / эмпирические данные], которую я предлагаю в области [Область исследования]? Сформулируй ответ в формате: В отличие от существующих подходов, предполагающих [старый подход], данное исследование демонстрирует [новый подход], что позволяет по-новому объяснить/решить [конкретная проблема].	
Представь, что статью по теме [Тема] процитировали через 5 лет. Какой один ключевой вывод из нее будут воспроизводить другие исследователи? Опиши этот идеальный вклад в 2–3 предложениях, избегая общих слов и делая акцент на конкретном изменении в понимании проблемы.	Помогает отбросить второстепенное и сконцентрироваться на самом значимом и долгосрочном результате.

Окончание таблицы 1

Уточнение целевой аудитории	
1) Опиши целевого читателя статьи по [Дисциплина]. *2) Каков его уровень экспертизы?* *3) Какие термины требуют разъяснения, а какие можно использовать без определения?* *4) Для статьи по теме [Тема] я планирую публикацию в журнале типа [Назвать конкретный журнал или тип: например, «междисциплинарный высокорейтинговый» или «узкоспециализированный отраслевой»].* *Опиши портрет рецензента и типичного читателя: каков их уровень знаний базовых теорий [Основная теория]?* *Считают ли они термины [Специальный термин 1] и [Специальный термин 2] общеизвестными?* *5) Кто представляет три основных типа читателей работы по [Тема]?* *1) специалист-смежник (понимает общий контекст, но не детали);* *2) эксперт в указанной узкой области (знает все тонкости); 3) ученый из другой области (ищет междисциплинарные связи).* *6) Какой материал в статье будет самым важным и самым сложным для каждого из них?* *7) Составь глоссарий из 5–7 ключевых понятий для статьи по [Тема].* *Для каждого понятия определи: а) можно ли использовать его без определения; б) требует ли оно краткого пояснения в тексте; в) нужно ли ему расширенное определение с отсылками к литературе.* *Обоснуй свой выбор для каждого пункта.*	Акцент на специализации или типе журнала. Наиболее практичный подход, напрямую связывающий аудиторию с целевой площадкой для публикации. Многоуровневая модель аудитории Помогает осознанно выстроить «маршруты» для разных типов читателей внутри одного текста. Акцент на терминологии. Параллельное проектирование ключевых понятий (в заданном контексте) на этапе мета-проектирования устанавливает концептуальные рамки и обеспечивает терминологическую целостность будущего текста.
1. Проведи анализ ниши для статьи по теме [Тема]. *2. Какие 3-5 ключевых работ составляют контекст?* *3. Какой пробел в литературе я заполняю?* *4. Данная работа противоречит, дополняет или развивает существующие теории?* *5. Проведи анализ литературного пробела для данной статьи по [Тема].* *Сначала кратко опиши текущий научный консенсус по этому вопросу.* *Затем укажи, что именно остается неизученным: ‹слепое пятно› (вопрос, который все игнорируют), ‹горячий спор› (вопрос, по которому нет согласия) или ‹новая территория› (вопрос, возникший благодаря новым технологиям/данным)?* *6. Каковы две основные противоречащие друг другу научные школы или парадигмы в области [Область исследования]?* *Как данная работа по [Тема] относится к этому спору: поддерживает одну из сторон, предлагает третий путь, синтезирует их или оспаривает сами основания спора?* *7) Используя метафору ‘карты знаний’, отметь на ней место этой статьи. Какие ‘соседние территории’ (смежные исследовательские поля) она затрагивает?* *С какими работами она ‘граничит’ и в какую ‘область’ (новое направление) она пытается продвинуться?*	Акцент на типологии пробела. Помогает точно сформулировать, какого рода вклад вы делаете, что усиливает мотивацию исследования. Акцент на научной полемике. Позволяет вписать статью в живой, динамичный научный диалог, сразу обозначив ее полемическую ценность. Визуальный и структурный подход. Помогает абстрактно и наглядно представить позиционирование работы, что полезно для междисциплинарных исследований.
1. Разработай детальный план-структуру для научной статьи, доказывающей [Основной тезис]. В плане должны быть выделены ключевые аргументы для каждого раздела (Введение, Методы, Результаты, Обсуждение, Заключение). *2. Разработай детальный план статьи, доказательной цепочкой, ведущей от проблемы к выводу. Для каждого раздела сформулируй по одному ключевому тезису, который будет главным сообщением этого раздела. Следи, чтобы тезисы логически вытекали один из другого.* *3. Спроектируй «скелет» аргументации для статьи с основным тезисом [Основной тезис].* *Представь его в виде дерева: ствол — главный тезис; три главные ветви — основные аргументы в его поддержку; от каждой ветви — мелкие ветки (эмпирические доказательства, данные, примеры, отсылки к литературе).* *4. Каков самый сильный контраргумент против основного тезиса [Основной тезис]? Переработай план статьи так, чтобы в разделе «Обсуждение» был предвосхищен и опровергнут этот контраргумент.* *Где в более ранних разделах (например, в Методах) нужно заложить основы для этого опровержения?*	Акцент на тезисных утверждениях. Создает не просто план разделов, а план ключевых мыслей, обеспечивая сквозную логику. Визуальная и иерархическая модель для проверки силы и полноты аргументации, выявления слабых мест. Акцент на устойчивости к критике. Проактивный подход, который делает итоговый текст значительно более убедительным.

Тактический уровень. Конструирование элементов ДП (табл. 3). Цель этапа — написать отдельные разделы статьи. Целенаправленное использование промптов усилит ясность, убедительность и логическую завершенность каждого элемента, что положительно сказывается на эффективности ДП в целом. Этап верификации и критического достраивания контекста является неотъемлемой частью работы исследователя после получения ответа от ИИ. Например, промпты по анализу пробела и контекста дают лишь гипотетический набросок, который обязательно должен быть перепроверен исследователем. ИИ может предложить имена ключевых авторов или направлений научного спора, но исследователь обязан самостоятельно изучить рекомендованные работы, проверить их релевантность и актуальность, и, исходя из своего понимания, скорректировать список при необходимости. Таким образом будет выполнено правило научной добросовестности и этики при использовании модели.

Таблица 3

Table 3

Тактический уровень

Примеры промпта	Функциональная особенность промпта
Напиши черновик введения для статьи по теме [Тема]. Используй структуру CARS: *1. Установи важность области;* *2. Обозначь пробел в существующих знаниях;* *3. Заяви, как это исследование заполняет этот пробел;* *4. Представь цели и структуру статьи.*	Формирование нарративного каркаса.
Опиши методологию [Название метода] для проверки гипотезы [Гипотеза]. *Включи описание выборки, переменных, оборудования и процедуры сбора/анализа предложенных данных так, чтобы эксперимент можно было повторить.*	Стандартизация и детализация методов; применяется после того, как исследователь определил методологию работы. Цель промпта — получить полное и стандартизированное текстовое описание реально примененных методов, процедур сбора и анализа данных для обеспечения воспроизводимости исследования.
Проанализируй следующие данные [Вставить данные/график] и предложи 3 варианта их интерпретации в контексте гипотезы [Гипотеза]. *Акцентируй самые значимые и неожиданные результаты.*	Интерпретация и контекстуализация результатов.
На основе полученных результатов [Кратко описать] напиши раздел ‹Обсуждение›. Свяжи мои выводы с работами [Ученый А] и [Ученый Б]. Объясни, согласуются ли мои данные с их выводами или противоречат им. В чем возможные ограничения моего (созданного) исследования?	Диалогизация и позиционирование в поле.
Напиши заключение для статьи, где основной вывод — [Вывод]. Кратко изложи путь от исследовательского вопроса к ответу. *Сформулируй 2–3 перспективных направления для будущих исследований, вытекающих из этой работы.*	Синтез и проектирование в соответствующей научной отрасли.

Редакционный уровень. Интеграция и гармонизация ДП (табл. 4). Третий этап позволяет убедиться, что все элементы ДП соединены в единое, связное и эффективное целое, то есть дискурсивное пространство организовано максимально эффективно для восприятия целевой аудиторией.

Акцент модели на итеративном уточнении и критической оценке подчеркивает значение активного, рефлексивного участия исследователя на всех этапах ее реализации. К*ритическое мышление* автора-исследователя, как сформированная система суждений, используемая им для анализа релевантного научного дискурса и формирования обоснованной оценки научного содержания, лежит в основе его намерения вступить в научную коммуникацию. Для эффективности критического мышления в научной коммуникации необходимо принять во внимание по возможности максимум контекста конкретного коммуникативного акта,

Таблица 4
Table 4

Редакционный уровень

Примеры промпта	Функциональная особенность промпта
Проанализируй предоставленный текст статьи [Вставить текст] и найди логические разрывы между разделами. Предложи конкретные переходные предложения или абзацы для усиления связности, особенно между: Введением и Методами, Результатами и Обсуждением.	Обеспечивает плавные смысловые переходы между разделами, формируя единую нарративную линию.
Составь глоссарий из 5–7 ключевых терминов для статьи. *Для каждого термина дай четкое определение, которое используется последовательно во всем тексте.* *Проверь текст на соответствие этому глоссарию.*	Терминологическое согласование.
Перепиши следующий абзац [Вставить абзац], сделав его более академичным и уверенным. *Замени слабые формулировки (например, 'я думаю', 'возможно') на более сильные ('результаты свидетельствуют', 'данные позволяют утверждать').*	Укрепляет академическую позицию автора за счет усиления научной аргументации.
Выступи в роли строгого рецензента из журнала [Название журнала]. Какие три самых слабых места в аргументации этой статьи ты бы выделил? *Сформулируй вероятные возражения и предложи, как можно усилить эти аспекты.*	Проактивное выявление и устранение слабых мест для адаптации к критериям целевого журнала.

в то время как глобальная сеть может предлагать необъятный объем информации. В этом случае критическое мышление автора-исследователя является интеллектуальной основой предпринятых им коммуникативных стратегий. Предполагается, что критическое мышление присутствует на всех уровнях модели как механизм селекции, верификации и смыслообразования. Задача данной модели заключается не только в повышении продуктивности, но и в достижении большей эффективности путем *упорядоченного управления* процессом конструирования ДП.

Заключение

Организация ДП научной статьи с помощью Pr-стратегии представляет собой сложный процесс научной коммуникации, требующий специфичной коммуникативной компетенции дискурсивной личности автора-исследователя. Предложенная модель использования Pr-стратегий превращает слабоупорядоченный и интуитивный процесс организации ДП научной статьи в структурированный и целенаправленный. В рамках этой модели написание статьи рассматривается не как линейный процесс, а как целенаправленное проектирование и заполнение ДП, которое выстраивается через серию взаимосвязанных шагов, обеспечивающих совместное создание смысла. Pr-стратегии формируют инструментальную основу для проектирования ДП, а итеративность выступает в качестве ключевого принципа его организации.

Основное преимущество предложенной модели — предоставление возможности целенаправленного и структурированного создания текста, опираясь на последовательность контролируемых, управляемых, итеративных шагов. Модель позволяет предотвратить многие логические и структурные ошибки, которые выявляются и исправляются уже на этапе проектирования статьи.

Предложенная модель универсальна и может быть легко адаптирована под специфику любой научной дисциплины. Эффективность модели подтверждена значительным сокращением времени на работу с элементами текста и на его редактуру: текст организуется по четкому плану, продуманному на начальном этапе. Убедительность языковой формы, предлагаемой ИИ, должна быть подкреплена фактическим содержанием, которое предлагается самим исследователем. Одна из задач исследователя — отличить риторически «гладкий», но не имеющий релевантной информации текст от текста, наполненного адекватным фактическим содержанием, подкрепленного фактами. Модель не снимает с ученого ответственности за содержание; модель облегчает презентацию знания, но не подменяет его производство.

Список источников

1. Иссерс, О. С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. М. : УРСС, 2003. 284 с.

2. Концептуализация опыта в речевой коммуникации / Г. М. Костюшкина, Н. А. Свердлова, Н. С. Баребина [и др.]. М. : «Флинта», 2023. 740 с.

3. Кузьменко М. В. Искусственный интеллект в исследовательской деятельности и академическом письме: аналитический обзор направлений и ограничений применения // Непрерывное образование: XXI век. 2025. Т. 13. № 3.

4. Лингвосемиотические основания изучения научного дискурса / Г. М. Костюшкина, Н. А. Свердлова, Н. С. Баребина [и др.]. М. : «Флинта», 2024. 216 с.

5. Мельникова Е. В., Цветкова В. А. Анализ возможностей применения искусственного интеллекта в современной наукометрии и библиометрии // Вестник РГГУ. Серия: Информатика. Информационная безопасность. Математика. 2025. № 2. С. 19–40.

6. Мерло-Понти М. Феноменология восприятия. СПб. : Ювента, Наука, 1999. 605 с.

7. Орлова О. Г. Системообразующие признаки научного дискурса // Вестник Государственного социально-гуманитарного университета. 2021. № 3 (43). С. 66–72.

8. Плотникова С. Н. Дискурсивное пространство: к проблеме определения понятия // Magister Dixit. 2011. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/diskursivnoe-prostranstvo-k-probleme-opredeleniya-ponyatiya (дата обращения: 05.12.2025).

9. Плотникова С. Н. Языковое, дискурсивное и коммуникативное пространство // Вестник ИГЛУ. Сер. Филология: Язык. Культура. Коммуникация. Иркутск : ИГЛУ, 2008. Вып. 1. С. 131–136.

10. Фуко М. Археология знания. Киев: Ника-Центр, 1996. 208 с.

11. Харрисон Ш. Связи с общественностью: вводный курс: пер. с англ. / под ред. Г. Е. Алпатова. СПб.; Нева; М. : ОЛМА-ПРЕСС Инвест, 2003. 368 с.

12. Austin J. L. How to do things with words. The William James lectures, Harvard University. Ed. J. O. Urmson. Barakaldo Books, 2020.

13. Swales J. Genre analysis: English in academic and research settings. Cambridge: Cambridge University Press, 1990. 260 pp. P. 140–141.

14. Yousaf M. N. Practical Considerations and Ethical Implications of Using Artificial Intelligence in Writing Scientific Manuscripts // ACG Case Reports Journal. 2025. Vol. 12. No. 2. P. 1629.

References

1. Issers OS. Communicative strategies and tactics of Russian speech. Moscow: URSS, 2003. 284 p. (In Russ.).

2. Conceptualization of experience in speech communication / GM Kostyushkina, NA Sverdlova, NS Barebina [etc.]. Moscow: “FLINTA”, 2023. 740 p. (In Russ.).

3. Kuzmenko MV. Artificial intelligence in research and academic writing: an analytical review of directions and limitations of application / MV Kuzmenko. *Continuing education: XXI century.* 2025;13(3). (In Russ.).

4. Lingvosemiotic foundations for the study of scientific discourse / GM Kostyushkina, NA Sverdlova, NS-Barebina [etc.]. Moscow: Limited Liability Company “FLINTA”, 2024. 216 p. (In Russ.).

5. Melnikova EV, Tsvetkova VA. Analysis of the possibilities of using artificial intelligence in modern scientometrics and bibliometrics. *Bulletin of the Russian State University for the Humanities. Series: Computer Science. Information security. Mathematics.* 2025;(2):19-40. (In Russ.).

6. Merleau-Ponty M. Phenomenology of perception. St. Petersburg : Yuventa, Nauka, 1999. 605 p. (In Russ.).

7. Orlova OG. System-forming features of scientific discourse. *Bulletin of the State Social and Humanitarian University.* 2021;(3(43)):66-72. (In Russ.).

8. Plotnikova SN. Discursive space: to the problem of defining the concept. Magister Dixit. 2011. Available from: https://cyberleninka.ru/article/n/diskursivnoe-prostranstvo-k-probleme-opredeleniya-ponyatiya (date of access: 12/05/2025). (In Russ.).

9. Plotnikova SN. Language, discursive and communicative space. *Bulletin of IGLU. Ser. Philology: Language. Culture. Communication. Irkutsk: IGLU.* 2008;1:131-136. (In Russ.).

10. Foucault M. Archeology of knowledge. Kyiv : Nika-Center, 1996. 208 p. (In Russ.).

11. Harrison S. Public relations: an introductory course. St. Petersburg; Neva; Moscow: OLMA-PRESS Invest, 2003. 368 p. (In Russ.).

12. Austin JL. How to do things with words. The William James lectures, Harvard University. Ed. JO Urmson. Barakaldo Books; 2020.

13. Swales J. Genre analysis: English in academic and research settings. Cambridge: Cambridge University Press; 1990. 260 p. Pp. 140-141.

14. Yousaf MN. Practical Considerations and Ethical Implications of Using Artificial Intelligence in Writing Scientific Manuscripts. *ACG Case Reports Journal*. 2025;12(2):1629.

Информация об авторах

Н. А. Свердлова — кандидат филологических наук, доцент, ведущий научный сотрудник, зав. лабораторией лингво-педагогических исследований.

Е. П. Марьясова — младший научный сотрудник лаборатории лингво-педагогических исследований, старший преподаватель кафедры иностранных языков и философии.

Е. А. Черкашин — кандидат технических наук, старший научный сотрудник (Иркутский институт химии имени А. Е. Фаворского СО РАН); старший научный сотрудник (Институт динамики систем и теории управления им. В. М. Матросова СО РАН); заведующий кафедрой информационных технологий (Институт математики и информационных технологий).

Information about the authors

N. A. Sverdlova — Cand. Sci. (Philology), Associate Professor, Leading Researcher, Head of the Laboratory of Linguistic and Pedagogical Research.

E. P. Mariasova — Junior Researcher at the Laboratory of Linguistic and Pedagogical Research; Senior Lecturer at the Department of Foreign Languages and Philosophy,

E. A. Cherkashin — Cand. Sci. (Technic), Senior Researcher (A. E. Favorsky Irkutsk Institute of Chemistry, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences); Senior Researcher (V. M. Matrosov Institute for System Dynamics and Control Theory, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences); Head of the Department of Information Technologies (Institute of Mathematics and Information Technologies, Irkutsk State University).

Статья поступила в редакцию 08.12.2025; одобрена после рецензирования 01.02.2026; принята к публикации 22.05.2026.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.
Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

The article was submitted 08.12.2025; approved after reviewing 01.02.2026; accepted for publication 22.05.2026.

The authors declare no conflicts of interests.
Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

ИСТОРИЧЕСКАЯ ЛЕКСИКОЛОГИЯ, ЭТИМОЛОГИЯ
HISTORICAL LEXICOLOGY, ETYMOLOGY

Вестник Челябинского государственного университета. 2026. № 5 (511). С. 103–109.
Bulletin of Chelyabinsk State University. 2026;(5(511):103-109.

Научная статья

УДК 81

DOI: 10.47475/1994-2796-2026-511-5-103-109

СРАВНИТЕЛЬНАЯ ЭТИМОЛОГИЯ РУССКОЙ ЛЕКСЕМЫ «СТРАХ» И АНГЛИЙСКОЙ “FEAR”

Александра Андреевна Дворкина[1], Светлана Анатольевна Питина[2]

[1] Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия, alexandrasubbotina07@yandex.ru, 0009-0007-9010-5533

[2] Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия, sap.pitina@rambler.ru, 0000-0003-4983-6872

Аннотация. В статье в сопоставительном аспекте рассматривается этимология русской лексемы «страх» и английской “fear” (сущ.). Анализируется история научных гипотез о происхождении обеих единиц, включая дискуссионные и устоявшиеся версии в русской и англоязычной этимологических традициях. На основе реконструкции праславянских и древнегерманских форм прослеживаются семантические изменения, приведшие к формированию современных значений. Особое внимание уделяется истории этимологических исследований: показано, как в отечественной и зарубежной лингвистике складывались подходы к реконструкции исконного значения слов. В заключении делается вывод о том, что, несмотря на различие этимологических сценариев, психологическое значение страха в обоих языках является вторичным по отношению к более древнему физическому (телесная реакция) или событийному (внешняя угроза) смыслу.

Ключевые слова: этимология, эмоция, страх/fear, сопоставительный анализ

Для цитирования: Дворкина А. А., Питина С. А. Сравнительная этимология русской лексемы «страх» и английской “fear” // Вестник Челябинского государственного университета. 2026. № 5 (511). С. 103–109. DOI: 10.47475/1994-2796-2026-511-5-103-109

Original article

COMPARATIVE ETYMOLOGY OF THE RUSSIAN LEXEME “СТРАХ” AND THE ENGLISH “FEAR”

Aleksandra A. Dvorkina[1], Svetlana A. Pitina[2]

[1] Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia, alexandrasubbotina07@yandex.ru, 0009-0007-9010-5533

[2] Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia, sap.pitina@rambler.ru, 0000-0003-4983-6872

Abstract. This article presents a comparative analysis of the etymology of the Russian lexeme «страх» and the English noun “fear”. It examines the history of scholarly hypotheses regarding the origin of both units, including both debatable and established theories within the Russian and English etymological traditions. Based on reconstructions of Proto-Slavic and Proto-Germanic forms, the study traces the semantic changes that led to the formation of their modern meanings. Special attention is paid to the history of etymological research, demonstrating how approaches to reconstructing the original meaning of these words have developed in Russian and foreign linguistics. The conclusion draws that, despite the different etymological scenarios, the psychological meaning of fear in both languages is secondary to an older physical (bodily reaction) or event-based (external threat) sense.

Keywords: etymology, emotion, страх/fear, comparative analysis

For citation: Dvorkina AA, Pitina SA. Comparative Etymology of the Russian Lexeme “страх” and the English “fear”. *Bulletin of Chelyabinsk State University.* 2026;(5(511):103-109. (In Russ.). DOI: 10.47475/1994-2796-2026-511-5-103-109

© Дворкина А. А., Питина С. А., 2026

Введение

Традиция рассмотрения страха в качестве фундаментальной эмоции, репрезентирующей специфику человеческого существования, восходит к античному периоду развития философской мысли. Тема страха, обнаруживая значительное тематическое разнообразие, на протяжении всей истории выступала одним из центральных предметов философской рефлексии. Однако именно в современную эпоху исследование феномена страха приобретает особую актуальность, что обусловлено интенсификацией переживания страха человечеством в настоящий исторический период [10]. В научной литературе неоднократно отмечалось, что вербализация негативных эмоций характеризуется более высокой степенью дифференцированности по сравнению с позитивными эмоциями [6]. Данное положение обосновывается в работах А. Вежбицкой [1; 2], М. Д. Городниковой [3], Н. А. Красавского [4], Л. А. Пиотровской [7; 8] и В. И. Шаховского [14; 15], которые также исследовали феномен страха и взаимосвязь языка и эмоций. Указанные обстоятельства определяют высокую значимость комплексного научного анализа проблематики страха.

Углубленному постижению данного феномена способствует выявление этимологического содержания лексемы «страх». Этимологический анализ, будучи направленным на реконструкцию исконного значения слова и его первичной структуры, открывает возможности для экспликации сущности обозначаемого данным словом понятия [9]. В рамках отечественной и англоязычной лингвистики сложились свои научные традиции этимологических исследований, а значительный вклад в понимание языковых процессов внесли многие исследователи, посвятившие свою деятельность реконструкции истоков лексических единиц.

Русская этимология развивалась благодаря трудам ученых разных национальностей и школ. Русский и немецкий лингвист М. Фасмер составил самый авторитетный и полный на сегодняшний день этимологический словарь русского языка (1938–1950). Этот труд охватывает 18 тысяч статей, учитывая данные более 200 языков. О. Н. Трубачев, один из ведущих специалистов в области этимологии, перевел и дополнил словарь Фасмера, а его главной работой стал «Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд» (1974). В своем фундаментальном многотомном собрании «Труды по этимологии» он писал о том, что этимология — важнейший метод для проникновения в древнейшую историю, культуру народа [12, с. 389]. По мнению ученого, анализируя происхождение слов, можно восстановить образ жизни, верования, социальное устройство и хозяйственный уклад предков, которые не всегда отражены в письменных источниках [13]. Особо важным Трубачев считал прием семантической реконструкции — попытку найти первоначальное значение слова, проследить, как менялось его значение. Это позволяет понять, как развивалось мышление человека [12, с. 391]. Данный подход коррелирует с принципами лингвокультурологического изучения концептов. Весомый вклад в развитие русской этимологии внес П. Я. Черных. Главная особенность его «Историко-этимологического словаря современного русского языка» (1999) — выраженный исторический подход. Он объясняет происхождение слова и подробно прослеживает его историю в русском языке.

В области этимологии английского языка также сформировалась мощная научная традиция, опирающаяся на труды выдающихся филологов и лексикографов XIX–XX вв. Одним из основоположников научного подхода к происхождению английских слов стал В. У. Скит, который одним из первых применил строгие сравнительно-исторические методы к изучению английской лексики, результатом чего стал фундаментальный “An Etymological Dictionary of the English Language” (1882). Развитие этой традиции продолжил Ч. Т. Оньонс, выступивший редактором одного из самых авторитетных этимологических словарей — “The Oxford Dictionary of English Etymology” (1966), который, будучи основан на принципах Оксфордского словаря, по сей день остается настольной книгой для специалистов. Самым важным событием в изучении английского языка стал труд Д. Мюррея — “Oxford English Dictionary” (1913). Это толковый словарь, но в каждой его статье есть подробная история слова, его происхождение и развитие значений.

Несмотря на различия в русском и английском языках, их история имеет общие корни. Следовательно, этимологи, работающие с русским и английским языками, используют схожие методы реконструкции, обращаясь к одним и тем же праязыкам, восстанавливая первоначальные формы слов и подчеркивая важность культурно-исторического подхода к этимологии для понимания ментальности носителей языка [5].

Изучая историю того или иного слова в английском языке, исследователи часто привлекают данные славянских языков для иллюстрации древних фонетических или семантических процессов —

и точно так же русские этимологи обращаются к германским и балтийским параллелям. Таким образом, этимология представляет собой не совокупность изолированных национальных школ, а область знания, объединяющую усилия исследователей разных стран в реконструкции глубинных процессов становления языка и мышления.

Этимология слова «страх» в русском языке

Обратимся к истории происхождения слова «страх», известного в древнерусском языке с XI в. Выявление этимологического первоисточника слова «страх» сопряжено со значительными трудностями, что обусловлено наличием целого ряда неоднозначных и противоречивых гипотез о его происхождении.

Согласно этимологическому словарю М. Фасмера, праславянское слово straxъ изначально имело значение *оцепенение, остолбенение* (или состояние *неподвижности, вызванное сильным испугом*). Слово имеет идентичные формы во всех славянских языках, что говорит о глубокой древности его происхождения. Наиболее тесные параллели лексикограф обнаруживает в балтийских языках, где сохранилось значение физического оцепенения или застывания (в литовском *stregti, stregiu — оцепенеть, превратиться в лед*, в латышском *strēģele – сосулька, struõstêt — угрожать*). Фасмер указывает на соответствия в германских языках, где корень *strek-/strag-* также связан с идеей *напряжения*, вытягивания, что может описывать позу застывшего от страха человека (в немецком *strecken — растягивать*; в древнеанглийском *onðrecan — страшиться*). На основе анализа словаря М. Фасмера можно сделать вывод о том, что слово «страх» происходит от общеславянского корня *strax-*, восходящего к древней индоевропейской основе *ster-* со значением *коченеть, застывать, становиться неподвижным*. Исконное значение слова — не просто «боязнь», а именно физиологическая реакция на угрозу — оцепенение, состояние, при котором человек теряет способность двигаться (что сохранилось в выражениях *оцепенеть от страха или застыть от ужаса*)[1].

Этой же трактовки придерживается большинство исследователей. Еще в 1914 г. А. Г. Преображенский в своем этимологическом словаре русского языка признавал данное объяснение наиболее убедительным, возводя слово к корню *ster-* со значением «цепенеть, коченеть»[2]. Впоследствии эту точку зрения поддержал лингвист Н. М. Шанский, который также указывал на соответствия в балтийских и германских языках, например, литовское *stregti (коченеть, застывать)* и немецкое *strecken (вытягивать)*[3]. Аналогичной позиции придерживается и Л. В. Успенский, подчеркивающий, что первоначальный смысл слова «страх» сводился именно к физиологическому оцепенению, вызываемому ужасом (ср. лит. *strogti — цепенеть*)[4]. Кроме того, Г. А. Крылов, разделяя эту версию, дополнительно проводит параллель с английским *strike (поражать)*, что также согласуется с идеей внезапного поражающего воздействия[5].

Согласно этимологическому словарю русского языка Г. П. Цыганенко, общеславянская основа *strachъ* не имеет явных соответствий в неславянских языках и связана с русским *строгий*; восходит к индоевропейскому корню *sterk-* (представленному в русском языке как *торчать*)[6]. П. Я. Черных в своем этимологическом словаре также указывает, что праславянское *strachъ* соответствует немецкому прилагательному strack (*прямой*) и глаголу *strecken (делать прямым)*, которые связаны с *streng (строгий, суровый)*[7]. Таким образом, исходный корень заключал в себе два семантических круга: *вытянутый, прямой* и *строгий*. Вероятно, современное русское прилагательное страшный образовалось именно от значения *строгий*, то есть обозначало того, кто способен внушить страх.

Другая, хотя и не получившая широкой поддержки в лингвистике, этимологическая традиция восходит к А. С. Шишкову, который в «Славянорусском корнеслове» писал: «…ежели от глагола стряхнуться произвести существительное, то есть сотрясение или потрясение. Но что же иное страх, как не сотрясение души?

---

[1] Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. М. : Прогресс, 1987. С. 772.

[2] Преображенский А. Г. Этимологический словарь русского языка. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Spravochniki/etimologicheskij-slovar-russkogo-jazyka-preobrazhenskij/ (дата обращения: 9.02.2026)

[3] Шанский Н. М. Краткий этимологический словарь русского языка. Пособие для учителей. М. : Просвещение, 1975. С. 428.

[4] Успенский Л. В. Этимологический словарь школьника. URL: https://lexicography.online/etymology/uspensky/ (дата обращения: 17.01.2026).

[5] Крылов Г. А. Этимологический словарь русского языка. Санкт-Петербург : Victory, 2004. С. 378.

[6] Цыганенко Г. П. Этимологический словарь русского языка. К. : Рад. шк., 1989. С. 317.

[7] Черных П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка. Т. 2. Москва : Русский язык, 1999. С. 207.

Итак, очевидно, что из *стрях* сделалось *страх*»[1]. На основе своей теории Шишков также связывал *страх* со *страстью*, этой же гипотезы впоследствии придерживался польский славист А. Брюкнер, рассматривавший *страхъ* как славянское новообразование по отношению к *strastь*[2]. Ю. С. Степанов, опираясь на наблюдения А. Вайана, развил эту линию, соединяя этимологию страха со словами *страдать* и *страсть* и подкрепляя свой тезис фактами языка: выражениями *страсти-мордасти, рассказывали страсти* (в значении «ужасы») [11; с. 875]. Той же версии придерживается и А. К. Шапошников. В своём этимологическом словаре он приводит следующие данные: в русском языке XI–XVII вв. известно слово *страхъ*, которое отмечается в словарях с 1704 г. Данная лексема восходит к праславянскому *страхъ* — производному с суффиксом -х- от того же корня, что и *страда, страдать*[3]. М. Фасмер в своем этимологическом словаре оценивал данное мнение как ошибочное[4].

Принципиально иную этимологическую трактовку лексемы «страх» предлагает Н. В. Горяев в своём «Сравнительном этимологическом словаре русского языка». Исследователь возводит русское слово к индоевропейскому корню, засвидетельствованному в санскрите *(trás-ati — дрожит, страшится)*, древнеперсидском *(tars)*, осетинском *(tārs-jn)*, греческом *(τρέει — страшится)*, латинском *(terror)*, французском *(terroriser, terreur)* и чешском *(třísěti — содрогаться)*. Согласно данной концепции, изначальное значение корня связано не с внешней опасностью или страданием, а с физиологической реакцией испуга — дрожью, содроганием перед лицом угрозы[5].

Этимологический анализ слова «страх» выявляет его глубокие индоевропейские корни и неоднозначность трактовок. Наиболее убедительной представляется версия, возводящая праславянское *страхъ* к индоевропейской основе *ster-* со значением *коченеть, застывать, цепенеть*. Эта гипотеза, поддерживаемая Фасмером, Преображенским и Шанским, раскрывает исконный смысл слова — не просто боязнь, а физиологическую реакцию оцепенения перед угрозой. Альтернативная традиция (А. С. Шишков, Ю. С. Степанов, А. К. Шапошников) связывает страх с корнем *sterk- (строгий, прямой)* или сближает его со *страдать* и *страсть*, однако М. Фасмер считал эту версию ошибочной. Особняком стоит гипотеза Н. В. Горяева о связи страха с дрожью (санскр. *tras-*). Несмотря на разногласия, очевидно, что современное понимание страха как психологической эмоции прошло долгий путь от конкретного телесного ощущения — застывания, содрогания или оцепенения — к абстрактному понятию, сохранившему эти древние смыслы в устойчивых выражениях языка.

Этимология слова “fear” в английском языке

Этимология существительного “fear” детально рассматривается в словарях, привлечённых в настоящем исследовании. В отличие от истории происхождения русской лексемы *страх*, относительно которого авторы выдвигают различные гипотезы о происхождении данного слова, в случае с английским “fear” все обстоит иначе: практически все исследователи сходятся на том, что современное английское слово прошло длительный семантический путь от обозначения объективной опасности к выражению субъективного чувства страха.

Так, согласно этимологическому словарю Ч. Оньонса (The Oxford Dictionary of English Etymology), существительное “fear” восходит к среднеанглийской форме *fere*, которая, в свою очередь, происходит от древнеанглийского *fær* (бедствие, внезапная опасность). В других германских языках обнаруживаются прямые соответствия: древнесаксонское *fār* (засада, западня), древневерхненемецкое *fāra* (западня, опасность), древнескандинавское *fár* (зло, вред), а также нидерландское *gevaar* и немецкое Gefahr (опасность). Эта лексема восходит к прагерманской основе *fēra-*, обозначавшей «опасность», которая связана с индоевропейским корнем *per-* в значении «пытаться, рисковать». Ч. Оньонс особо подчёркивает семантическую эволюцию данного слова: от абстрактного «риска/испытания» через конкретное «опасность» к субъективному переживанию «страха». Что касается глагольной формы, древнеанглийский глагол *færan* изначально имел переходное значение «пугать, внушать ужас». В среднеанглийский период эта переходная

[1] Шишков А. С. Славянорусский корнеслов. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Spravochniki/slavjanorusskij-korneslov/ (дата обращения: 11.02.2026).

[2] Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. М. : Прогресс, 1987. С. 772.

[3] Шапошников А. К. Этимологический словарь современного русского языка. М. : Флинта; Наука, 2010. С. 385.

[4] Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. М. : Прогресс, 1987. С. 772.

[5] Горяев Н. В. Сравнительный этимологический словарь русского языка. URL: https://www.slovorod.ru/etym-goryaev/_pdf/goryaev-lexicon.pdf (дата обращения: 11.02.2026).

конструкция была вытеснена из активного употребления, однако сохранилась в виде причастия *afeared*, от которого впоследствии образовалось современное *afraid*[1].

Э. Кляйн в своём словаре "A Comprehensive Etymological Dictionary of the English Language" реконструирует лексему "fear" по той же традиции, дополняя примерный ряд средневерхненемецким *vāre* (ambush, evil, intent — засада, злой умысел), а также проводит ещё более широкие параллели, указывая на греческое *peira* (испытание, попытка, опыт), от которого образовано слово *empeiria* (опыт), а также на латинское *periculum* (проба, риск, опасность), которое дало английское *peril* (опасность)[2].

Аналогичные примеры (древнеанглийское *fær*, древнескандинавское *far* — вред, бедствие, обман, и так далее) приведены и в этимологическом онлайн-словаре ("Online Etymology Dictionary"), составленном Д. Р. Харпером, американским лингвистом и историком языка[3].

Словарь Merriam-Webster частично соглашается с вышеуказанными версиями. Так, согласно словарю, древнеанглийское *fǣr* первоначально обозначало не сам эмоциональный страх, а его причину — «внезапную опасность» или «беду». Эта конкретика восходит к общегерманской основе *fēra-*, что указывает на значение «угроза извне». Как и словарь Э. Кляйна, Merriam-Webster связывает эту германскую форму с гипотетическим индоевропейским корнем *per-*, означающим *испытывать, рисковать*. Однако составители словаря подчёркивают условность этой версии. Главная неопределённость заключается в фонетическом расхождении: индоевропейский [p] в германских языках должен был закономерно перейти в [f] (закон Гримма), что здесь соблюдено, но семантический переход от абстрактного «риска» к конкретному «внезапной засаде» остаётся гипотетичным[4].

Согласно этимологическому словарю У. Скита, английское слово *fear* происходит от древнеанглийского *fǣr*, которое означало «внезапную опасность, подстерегающую путешественника». По мнению Скита, это значение напрямую связано с древнеанглийским глаголом *faran* (*идти, путешествовать*)[5].

В соответствии с данными этимологического словаря Collins, разделяющего версию Скита, древнеанглийское *fær*, древнеисландское *far*, а также древневерхненемецкое *fara* (*опасность, вред, несчастье*) восходят к общеиндоевропейскому корню faran, семантически связанному с движением. Тот же корень присутствует в английском глаголе *fare* (*путешествовать, передвигаться*)[6]. Указанная трактовка подчёркивает роль культурно-бытового контекста в формировании абстрактного понятия страха в английском языке. Так этимология раскрывает, что бояться — значит буквально ощущать «подстерегающую опасность на своём пути».

Данные Oxford Learner's Dictionary согласуются с этимологическими сведениями, представленными в других вышеуказанных словарях: лексема fear восходит к древнеанглийскому *fǣr* (*бедствие, опасность*). Однако в указанном источнике особого внимания заслуживает семантика родственного глагола fǣran, который фиксируется не только в значении «пугать» (frighten), но и как «почитать, благоговеть» (revere). Так, по данным словаря, первоначальное значение фиксирует внешнюю угрозу, а оттенок «благоговеть» указывает на раннее развитие религиозного страха[7].

Однако Х. Веджвуд, британский этимолог, еще в XIX в. предложил совершенно иную версию происхождения лексемы. По его мнению, сходное значение корня fear — внезапность, вызывающая испуг и изумление (швед. f*asa — ужас, содрогание*). В древнеанглийском *færlic* означало не только «страшный», но и «внезапный», а также использовалось для преувеличения. Позже в среднеанглийском и шотландском ferly смягчилось до «удивления, дива». Родственные слова в дру-

[1] Onions C. T. The Oxford Dictionary of English Etymology. New York : Oxford University Press, 1966. P. 348. URL: https://archive.org/details/onions-ed.-the-oxford-dictionary-of-english-etymology-1966/mode/2up (дата обращения: 15.01.2026).

[2] Klein E. A Comprehensive Etymological Dictionary of the English Language. URL: https://archive.org/stream/AComprehensiveEtymologicalDictionaryOfTheEnglishLanguageByErnestKlein/A+Comprehensive+Etymological+Dictionary+of+the+English+Language+by+Ernest+Klein_djvu.txt (дата обращения: 20.01.2026).

[3] Online Etymology Dictionary. URL: https://etymonline.com (дата обращения: 14.02.2026).

[4] Merriam-Webster Dictionary. URL: https://www.merriam-webster.com (дата обращения: 17.03.2026)

[5] Skeat W. W. A concise etymological dictionary of the English language. – Oxford : Clarendon Press, 1976. P. 181. URL: https://archive.org/details/conciseetymologi0000skea/mode/2up (дата обращения: 3.03.2026).

[6] Collins Dictionary. URL: https://www.collinsdictionary.com (дата обращения: 14.03.2026).

[7] Oxford Learner's Dictionary. URL: URL: https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/ (дата обращения: 20.02.2026).

гих языках (швед. *fara — бояться, опасность;* нем. *Gefahr — опасность*) подтверждают связь страха, внезапности и риска. Французское *effarer* означает одновременно «пугать» и «изумлять», показывая близость этих эмоций. В итоге эволюция fear идёт от ужаса через внезапность и опасность к удивлению[1].

Таким образом, анализ этимологии английского *fear* показывает его семантическую эволюцию от объективной внешней угрозы (древнеанглийское *fær* — внезапная опасность, бедствие) к субъективному чувству страха. Большинство словарей сходятся на прагерманской основе *fēra-* и индоевропейском корне *per-* (*рисковать, испытывать*). Отдельные версии (Скит, Collins) связывают страх с движением и «опасностью на пути», а Веджвуд акцентирует связь с внезапностью и изумлением. Уникальной особенностью является раннее развитие религиозного оттенка значения (благоговеть).

[1] Wedgwood H. A dictionary of English etymology. – London : Trübner & co., 1872. P. 251. URL: https://archive.org/details/dictionaryofengl00wedgrich/mode/2up (дата обращения: 4.03.2026).

Выводы

Проведённый этимологический анализ лексем «страх» и “fear” демонстрирует как типологическое сходство, так и принципиальные различия в языковом осмыслении феномена страха в русской и англоязычной лингвокультурах. В обоих случаях исходное значение слова не сводится к обозначению эмоции как таковой: русское «страх» восходит к индоевропейской основе *ster-* (*коченеть, застывать, цепенеть*), фиксируя физиологическую реакцию оцепенения перед угрозой; английское “fear” — к прагерманской основе *fēra-* (*внезапная опасность, бедствие*) и индоевропейскому корню *per-* (*рисковать, испытывать*), акцентируя внешний источник угрозы. Различие заключается в следующем: русская лексема движется от телесного состояния к абстрактному чувству, тогда как английская — от объективной опасности к субъективному переживанию. Полученные результаты подтверждают, что этимологическая реконструкция позволяет понять глубинные механизмы концептуализации страха, закреплённые в языковом сознании носителей разных культур.

Список источников

1. Вежбицкая А. Семантические универсалии и описание языков. Москва : Языки русской культуры, 1971. 299 с.
2. Вежбицкая А. Сопоставление культур через посредство лексики и прагматики. Москва : Языки славянской культуры, 2001. 272 с.
3. Городникова М. Д. Эмотивные явления в речевой коммуникации. М.: Изд-во МГПИИЯ им. М. Тореза, 1985. 70 с.
4. Красавский Н. А. Динамика эмоциональных концептов в немецкой и русской лингвокультурах : дис. ... док. филол. наук. Волгоград, 2001. 507 с.
5. Маковский М. М. Индоевропейская этимология: предмет — методы практика. М. : Либроком, 2019. 352 с.
6. Опарина О. И. Страх как лингво-психологическая составляющая языковой картины мира // Язык, сознание, коммуникация. 2004. № 27. С. 26–35.
7. Пиотровская Л. А. Эмотивные высказывания как объект лингвистического исследования (На материале рус. и чеш. яз.). СПб. : СПбГУ. Яз. центр, 1994. 145 с.
8. Пиотровская Л. А. Эмоциогенность текста: психологический и лингвистический аспекты // Вестник ВолГУ. 2023. № 1 (22). С. 28–38.
9. Пустовайт Ю. В. Феномен «страха»: взгляд сквозь призму этимологии // Вестник ТГУ. 2007. № 2 (46). С. 63–65.
10. Сирота Е. В. Вербализация эмотивного концепта «страх»: лингвокогнитивный и лингвокультурологический аспекты // Русский тест: теория и практика. 2024. № 3 (10). С. 225–236.
11. Степанов Ю. С. Константы. Словарь русской культуры: Опыт исследования. Москва : Академический проект, 1997. 990 с.
12. Трубачев О. Н. Труды по этимологии. Слово. История. Культура. Т. 2. Москва : Языки славянской культуры, 2005. 664 с.
13. Трубачев О. Н. Труды по этимологии. Слово. История. Культура. Т. 3. Москва : Рукописные памятники Древней Руси, 2008. 800 с.
14. Шаховский В. И. Лингвистическая теория эмоций. Москва : Гнозис, 2008. 416 с.
15. Шаховский В. И. Эмоции: долингвистика, лингвистика, лингвокультурология. Москва : Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2010. 128 с.

References

1. Wierzbicka A. Semantic universals and description of languages. Moscow, Yazyki russkoy kul'tury; 1971. 299 p. (In Russ.).

2. Wierzbicka A. Cross-cultural comparison through lexicon and pragmatics. Moscow, Yazyki slavyanskoy kul'tury; 2001. 272 p. (In Russ.).

3. Gorodnikova MD. Emotive phenomena in speech communication. Moscow, Moscow State Pedagogical Institute of Foreign Languages named after M. Torez; 1985. 70 p. (In Russ.).

4. Krasavskiy NA. Dynamics of emotional concepts in German and Russian linguocultures. Dr. Philol. Sci. Diss. Volgograd; 2001. 507 p. (In Russ.).

5. Makovskiy MM. Indo-European etymology: subject – methods – practice. Moscow, Librokom; 2019. 352 p. (In Russ.).

6. Strakh kak lingvo-psikhologicheskaya sostavlyayushchaya yazykovoy kartiny mira = Fear as a linguo-psychological component of the linguistic worldview. *Yazyk, soznanie, kommunikatsiya = Language, Consciousness, Communication.* 2004;(27):26-35. (In Russ.).

7. Piotrovskaya LA. Emotive utterances as an object of linguistic research (Based on Russian and Czech). Saint Petersburg, St. Petersburg State University, Yaz. tsentr; 1994. 145 p. (In Russ.).

8. Piotrovskaya LA. Emotiogenicity of text: psychological and linguistic aspects. *Science Journal of Volgograd State University. Linguistics.* 2023;(1(22)):28-38. (in Russ.).

9. Pustovayt YuV. Fenomen «strakha»: vzglyad skvoz′ prizmu etimologii = The phenomenon of «fear»: a view through the prism of etymology. *Vestnik TGU = Tambov University Review.* 2007;(2(46)):63-65. (In Russ.).

10. Sirota EV. Verbalizatsiya emotivnogo kontsepta «strakh»: lingvokognitivnyy i lingvokul'turologicheskiy aspekty = Verbalization of the emotive concept "fear": linguo-cognitive and linguo-cultural aspects. *Russkiy test: teoriya i praktika = Russian language: theory and practice.* 2024;3(10):225-236. (In Russ.).

11. Stepanov YuS. Constants. Dictionary of Russian culture: An essay of research. Moscow, Akademicheskiy proekt; 1997. 990 p. (In Russ.).

12. Trubachev ON. Works on etymology. Word. History. Culture. Vol. 2. Moscow, Yazyki slavyanskoy kul'tury; 2005. 664 p. (In Russ.).

13. Trubachev ON. Works on etymology. Word. History. Culture. Vol. 3. Moscow, Rukopisnye pamyatniki Drevney Rusi; 2008. 800 p. (In Russ.).

14. Shakhovsky VI. Linguistic theory of emotions. Moscow, Gnosis; 2008. 416 p. (In Russ.).

15. Shakhovsky VI. Emotions: pre-linguistics, linguistics, linguoculturology. Moscow, Knizhnyy dom «LIBROKOM»; 2010. 128 p. (In Russ.).

Информация об авторах

А. А. Дворкина — аспирант, старший преподаватель кафедры теоретического и прикладного языкознания.

С. А. Питина — доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры теоретического и прикладного языкознания.

Information about the authors

A. A. Dvorkina — Postgraduate Student, Senior Teacher at the Department of Theoretical and Applied Linguistics.

S. A. Pitina — Dr. Sci. (Philology), Professor, Professor at the Department of Theoretical and Applied Linguistics.

Статья поступила в редакцию 18.04.2026; одобрена после рецензирования 26.04.2026; принята к публикации 22.05.2026.

The article was submitted 18.04.2026; approved after reviewing 26.04.2026; accepted for publication 22.05.2026.

Вклад авторов: оба автора сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.
Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

The authors declare no conflicts of interests.
Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

ПРИКЛАДНАЯ И КОМПЬЮТЕРНАЯ ЛИНГВИСТИКА, АВТОМАТИЧЕСКАЯ ОБРАБОТКА ТЕКСТА
APPLIED AND COMPUTATIONAL LINGUISTICS, AUTOMATIC TEXT PROCESSING

Вестник Челябинского государственного университета. 2026. № 5 (511). С. 110–118.
Bulletin of Chelyabinsk State University. 2026;(5(511):110-118.

Научная статья

УДК 81›33 + 811.161.1

DOI: 10.47475/1994-2796-2026-511-5-110-118

КОНТЕКСТНЫЕ ФАКТОРЫ В АНАЛИЗЕ ТОНАЛЬНОСТИ

Анастасия Юрьевна Зиновьева[1], Светлана Олеговна Шереметьева[2]

[1] Южно-Уральский государственный университет (национальный исследовательский университет), Челябинск, Россия, zinovevaai@susu.ru, 0000-0002-7658-7376, Scopus ID: 57211475130

[2] Южно-Уральский государственный университет (национальный исследовательский университет), Челябинск, Россия, sheremetevaso@susu.ru, 0000-0003-1245-4213, Scopus ID: 6603648623

Аннотация. В статье рассмотрены лингвистические факторы (лексемы-модификаторы), в контексте которых возможны нейтрализация, ослабление, усиление, а также полное изменение знака контекстно-независимой тональности лексем, что значительно осложняет автоматизированное вычисление тональности высказываний в целом. Цель исследования — выявление контекстных факторов при многоаспектном анализе тональности на основе словаря тональной лексики (е-лексикона), определение лексических единиц, посредством которых данные факторы реализуются в тексте, а также увеличение за счет этих единиц покрываемости аннотационного словаря. В исследовании использованы методы корпусного анализа, лексико-онтологического моделирования и контекстного анализа. В результате исследования выделены классы специфических и неспецифических контекстных факторов. К числу первых относятся ирреалис, выражения иронии и сарказма, тонально окрашенная лексика, используемая не по отношению к объекту оценки, и оценочные слова в тонально-нейтральных многокомпонентных лексических группах; к числу вторых — остальные модификаторы. Исследованы лексические воплощения контекстных факторов каждого из классов и условия реализации их конкретного модифицирующего влияния на контекстно-независимую тональность лексем. Выделенные из корпуса глоссы контекстных факторов внесены в е-лексикон платформы аннотирования с соответствующей маркировкой, кодирующей онтологические концепты, которые отражают их модифицирующие значения. Исследование выполнено в рамках проекта по автоматизированному аспектно-тональному анализу, обеспечивает достаточно широкую покрываемость е-лексикона, что в свою очередь повышает корректность автоматического аннотирования и позволяет на следующих этапах проекта разработать формальные правила для автоматизированной модификации контекстно-независимой тональности лексем. Исследование проведено на материале русскоязычного корпуса отзывов об услугах медицинских центров Челябинска.

Ключевые слова: анализ тональности, контекстные факторы, автоматическое аннотирование, корпус отзывов, медицинские услуги, русский язык

Для цитирования: Зиновьева А. Ю., Шереметьева С. О. Контекстные факторы в анализе тональности // Вестник Челябинского государственного университета. 2026. № 5 (511). С. 110–118. DOI: 10.47475/1994-2796-2026-511-5-110-118

© Зиновьева А. Ю., Шереметьева С. О., 2026

Original article

CONTEXTUAL FACTORS IN SENTIMENT ANALYSIS

Anastasia Yu. Zinoveva[1], Svetlana O. Sheremetyeva[2]

[1] South Ural State University (National Research University), Chelyabinsk, Russia, zinovevaai@susu.ru, 0000-0002-7658-7376, Scopus ID: 57211475130

[2] South Ural State University (National Research University), Chelyabinsk, Russia, sheremetevaso@susu.ru, 0000-0003-1245-4213, Scopus ID: 6603648623

Abstract. This article examines the linguistic factors (modifier lexemes), in the context of which the neutralization, weakening, strengthening, or complete sign change of the lexeme context-independent tonality are possible, which significantly complicates automated tonality calculation. The aim of the study is to identify contextual factors in multi-aspect sentiment analysis based on a dictionary of tonal vocabulary (e-lexicon), to determine lexical units by means of which these factors are realized in the text, and to increase the coverage of the annotation lexicon by means of these units. We use such methods as corpus analysis, lexico-ontological modeling and contextual analysis. We identify two classes of contextual factors: specific and non-specific. The first class encompasses irrealis moods, expressions of irony and sarcasm, evaluative vocabulary related to objects different from that of evaluation, and evaluative words found within tonally neutral multi-component phrases. The second class includes other types of modifiers. We analyze the lexical embodiments of each class of contextual factors and examine the conditions under which they exert their specific modifying influence on the lexeme context-independent tonality. The contextual factor glosses extracted from the corpus are put into an e-lexicon of an annotation platform with markings that encode ontological concepts reflecting their modifying meanings. This study is part of a project focused on automated aspect-based sentiment analysis, and it offers a sufficiently wide coverage of the e-lexicon, which, in turn, increases the correctness of automatic annotation and enables, at the next stages of the project, to develop formal rules for the automated modification of the lexeme context-independent tonality. The study was conducted using a corpus of Russian reviews concerning the services of medical centers in Chelyabinsk.

Keywords: sentiment analysis, contextual factors, automatic annotation, review corpus, medical services, Russian language

For citation: Zinoveva AYu, Sheremetyeva SO. Contextual Factors in Sentiment Analysis. *Bulletin of Chelyabinsk State University.* 2026;(5(511):110-118. (In Russ.). DOI: 10.47475/1994-2796-2026-511-5-110-118

Введение

В последние двадцать лет одной из наиболее востребованных и динамично развивающихся областей автоматической обработки текста является анализ тональности (сентимент-анализ). Его цель состоит в определении, извлечении и систематизации оценок и оценочных суждений, представленных в постах в социальных сетях, блогах, интернет-отзывах о товарах и т. п. В зависимости от задачи исследования выделяют два основных вида анализа тональности: общий, в рамках которого определяют общую эмоциональную окраску целого текста или его части, и таргетированный, к которому относят, например, аспектный анализ, извлечение позиции пользователя по определенной теме, а также извлечение оценочных отношений [4].

В настоящее время выделяют три класса методов анализа тональности:

1) лексические (алгоритмические) методы, предполагающие использование словаря тональной лексики, единицам которого присваиваются веса, позволяющие модифицировать оценку [2–4; 11];

2) методы на основе машинного обучения, в рамках которых анализ тональности рассматривается как задача классификации, решаемая обучением классификатора на аннотированном тональными метками корпусе текстов [6; 11; 14];

3) гибридные методы, комбинирующие машинное обучение с использованием словарей [1; 9; 10; 12].

Вне зависимости от используемого метода задача анализа тональности осложняется рядом факторов, которые могут быть разделены на две основные группы: лексические и контекстные. Первая группа включает факторы, связанные с многозначностью оценочной лексики или изменением исходной тональности слова или выражения в конкретной предметной области [4]. Проблема воздействия этих факторов может быть решена ориентацией модели анализа тональности на данную предметную область. Вторая группа представлена факторами, связанными с изменением исходной тональности слова или выражения в контексте использования [2; 4; 8; 13].

В группу контекстных факторов, по мнению разных авторов, могут быть отнесены слова, модифицирующие тональность соседних слов; оценочные слова в составе нейтральных

многокомпонентных лексических групп; ирреалис, «при котором сообщаемое в предложении не относится к тому, что реально происходит» [4]; идиомы [8]; противительные союзы, ирония [13] и др.

Проблема воздействия контекстных факторов на анализ тональности в основном решается с помощью словарей и лингвистических правил. Например, в работе [2] предлагается решение данной проблемы с использованием словарей операторов и стоп-выражений. Словарь операторов содержит такие слова, как *очень, значительно* и др., усиливающие положительную или отрицательную оценку соседнего выражения, а также слова *не, отменить* и др., изменяющие оценку выражения на противоположную, т. е. изменяющие ее полярность. Словарь стоп-выражений содержит многокомпонентные лексические группы, которые, сами являясь нейтральными, включают тональные компоненты. Применение лингвистических правил в совокупности со словарями также позволяет обнаружить ирреалис и снизить его влияние на вычисление тональности: в частности, снижается оценка клауз, начинающихся с союза *если* или содержащих частицы *бы, ли*. В работе [13] предлагается изменять веса тональных лексических единиц с учетом слов-модификаторов. Например, слова с отрицательной окраской инвертируют тональность соседних слов: *clever +2* в совокупности с модификатором *not* дает *not clever −2*. При этом отрицательные слова выступают в качестве инверторов только в тех случаях, когда соседние с ними слова уже имеют какую-либо тональную окраску, что следует учитывать при создании правил изменения оценки. В этой же работе описаны и другие модификаторы, позволяющие интерпретировать пресуппозицию, иронию и другие факторы.

Настоящая работа направлена на выявление контекстных факторов при многоаспектном анализе тональности на основе словаря тональной лексики, определение лексических единиц, посредством которых данные факторы реализуются в тексте, а также увеличение за счет этих единиц покрываемости аннотационного словаря. Исследование выполнено на материале русскоязычных отзывов об услугах, оказываемых частными медицинскими центрами Челябинска.

Лингво-информационные ресурсы и методы исследования

При выполнении задач исследования использованы следующие предварительно созданные лингво-информационные ресурсы, в число которых входят:

1. Исходный корпус объемом 113 606 словоупотреблений, содержащий 1601 отзыв о восьми медицинских центрах Челябинска. Корпус был создан методом сплошной выборки с сайта электронного справочника 2GIS[1] по состоянию на март 2023 г.

2. Ориентированная на задачу аспектно-тонального анализа трехуровневая онтология предметной области отзывов об услугах медицинских учреждений, которая имеет следующую структуру:

ALL [ASPECT [Q CH EQ … L] SENTIMENT [POS NEG POSX NEGX] MODIFIER [MAG ANT REV] OTHER],

где ALL — концепт первого уровня (корень онтологического дерева); четыре концепта второго уровня: ASPECT — аспект анализа, SENTIMENT — тональность, MODIFIER — модификатор тональности и OTHER, а также 25 концептов третьего уровня, представляющих собой подклассы концепта ASPECT (качество лечения (Q), компетентность врача (CH), техническое оснащение (EQ) и т. д.), подклассы концепта SENTIMENT (POS — положительная, POSX — крайне положительная, NEG — отрицательная, NEGX — крайне отрицательная тональность) и подклассы концепта MODIFIER (MAG — усиление, ANT — ослабление, REV — изменение контекстно-независимой тональности на противоположную).

3. Исходный онтолексикон — список релевантных для аспектно-тонального анализа лексем исходного корпуса, концептуальные значения которых соответствуют значениям концептов онтологии. Особенностью онтолексикона является то, что он содержит не только отдельные слова, как в большинстве проектов по аннотированию корпусов и анализу тональности, но и многокомпонентные лексические группы (именные, глагольные, предложные, наречные, группы прилагательных), а также, когда это практически целесообразно, клаузы, что позволяет снизить многозначность лексем и облегчить последующий анализ тональности.

4. Платформа концептуального аннотирования [7], состоящая из электронной лексико-онтологической базы знаний (е-лексикона) и концептуально-аспектного таггера.

5. Корпус с автоматической аспектно-тональной разметкой, выполненной на платформе концептуального аннотирования на основе знаний исходного е-лексикона аспектной и тональной

[1] URL: https://2gis.ru/chelyabinsk (дата обращения: 29.01.2025).

лексики предметной области отзывов об услугах медицинских учреждений.

6. Корпус с «золотой»[1] аспектно-тональной разметкой [15], полученный посредством ручного постредактирования автоматически аннотированного корпуса на основе исходного е-лексикона.

В исследовании использованы методы корпусного анализа, лексико-онтологического моделирования и контекстного анализа, с помощью которых на основе сравнения исходного, автоматически аннотированного и «золотого» корпусов проведен глубокий анализ контекстных факторов (лексических модификаторов), с целью уточнения и увеличения онтолексиконов исходного е-лексикона, а также условий реализации их конкретного модифицирующего влияния на контекстно-независимую тональность лексем. Проведено исследование как узкого контекста в пределах одного-двух шагов влево и вправо от тональной лексической единицы, так и широкого контекста всего отзыва для более глубокого понимания воздействия контекстных факторов на определение тональности.

Результаты исследования и их обсуждение

В центре настоящего исследования находятся вербальные факторы, влияющие на контекстно-независимую тональность лексических единиц, встречающихся в их контексте. Глубокий сравнительный анализ функционирования лексем-модификаторов в исходном, автоматически аннотированном и «золотом» корпусах отзывов о медицинских услугах позволил выделить специфические и неспецифические контекстные факторы. К числу первых мы отнесли ирреалис, выражения иронии и сарказма, тонально окрашенную лексику, использующуюся не по отношению к объекту оценки, и оценочные слова в тонально-нейтральных многокомпонентных лексических группах; к числу вторых — остальные лексемы-модификаторы контекстно-независимой тональности лексем исследуемой предметной области. При этом для фиксации значений контекстных факторов в случае появления их в узком контексте, как правило, использовано соотнесение их с концептами онтологической ветки MODIFIER, в то время как при реализации контекстных факторов в широком контексте их значение чаще всего описывалось концептами ветки SENTIMENT.

В первую очередь приведем результаты анализа неспецифических контекстных факторов, поскольку их частотность в корпусе намного выше частотности специфических. К неспецифическим контекстным факторам, как правило, относятся лексемы-модификаторы, которые изменяют контекстно-независимую тональность лексемы в узком контексте в пределах одного-двух шагов влево и вправо.

Например (здесь и далее орфография и пунктуация авторов сохранены), в высказывании *«Порадовала **лишь** девушка-администратор»* (1) слово *лишь* ослабляет положительную тональность, представленную словом порадовала. В то время как слово *всегда* в высказывании *«Медицинский центр Лотос **всегда** отличает профессионализм медицинского и административного персонала»* (2) усиливает положительную оценку многокомпонентной именной группы *профессионализм медицинского и административного персонала*. Изменение контекстно-независимой тональности лексемы на противоположную можно проиллюстрировать на примере предложения *«**До сегодняшнего дня** претензий к качеству предоставляемых услуг не было»* (3), где фрагмент предложения *претензий к качеству предоставляемых услуг не было* вне контекста может быть интерпретирован как имеющий положительную тональность, однако предложная группа *до сегодняшнего дня* позволяет сделать вывод о его отрицательной тональности. Модификаторы тональности могут быть также обнаружены в более широком контексте, но в рамках сравнительно короткого предложения. Например, в высказывании *«Бывают недочеты со стороны работы администраторов, но это **не критично**»* (4). Здесь модификатор *не критично* расположен дистантно относительно модифицируемого им тонального слова *недочеты*. Это затрудняет обнаружение и учет влияния модификатора при автоматическом анализе тональности и, как следствие, потребует достаточно сложных правил коррекции тональности высказывания и ручного постредактирования аннотированного отзыва экспертом. Чтобы обеспечить учет такого рода модификаторов при автоматическом аннотировании корпуса, одно- и многокомпонентные лексемы-модификаторы, функционирующие, как в примерах (1)–(4), включены в онтолексикон и соотнесены с концептами MAG, ANT и REV соответственно.

В отдельных случаях влияние лексем-модификаторов проявляется только в контексте аспектных лексических единиц. Например, в предложении *«Это не врач!»* (5) слово *врач* не является тонально окрашенным, это лексема

[1] Термины «золотая разметка», «золотой корпус», «золотой стандарт» обозначают абсолютно корректную разметку корпуса.

с концептуальным значением ‘компетентность врача’ (CH) — подклассом онтологического концепта ASPECT. В таких случаях в онтолексикон включается вся многокомпонентная единица, которая одновременно соотносится с двумя концептами онтологии: аспектом КОМПЕТЕНТНОСТЬ ВРАЧА (CH) и модификатором (NEGX).

Что касается специфических контекстных факторов, то в исследуемом корпусе нередки случаи использования ирреализа, при котором автор не оценивает произошедшее событие, а выражает мнение (зачастую не свое) относительно потенциально возможного события. Например, в корпусе встречаются предложения вида (6)–(8) (жирным шрифтом выделены фрагменты текста, указывающие на ирреализ): *«Как в поликлинику хрен дозвонишься,* ***а я думала,*** *частная клиника высокого профиля»* (6), *«****Где тут*** *профессиональные врачи?»* (7), *«И это при том, что компания* ***позиционирует себя*** *как клиентоориентированная и работающая с обратной связью»* (8).

Выполнив анализ приведенных выше и других аналогичных предложений из корпуса, мы пришли к выводу, что в большинстве случаев ирреалис приводит к изменению контекстно-независимой тональности лексических единиц на противоположную, поэтому такие лексические индикаторы ирреализа были добавлены в онтолексикон и соотнесены с концептом REV.

Еще одним способом фиксации тональности в ирреализе, который мы использовали в нашем исследовании, является включение в онтолексикон модальных выражений и соотнесение их с соответствующим концептом онтологической ветки SENTIMENT. Например, в предложении *«Считаю если вы имеете смелость заявлять такие цены, то и отношение к людям, система* ***должна быть на высшем уровне****»* (9) многокомпонентная лексема *должна быть на высшем уровне,* сигнализирующая об ирреализе, указывает на отрицательное впечатление автора отзыва именно из-за модальности долженствования. Такие фразы целиком заносятся в онтолексикон и соотносятся с концептом NEG.

Отметим, что возможны случаи, когда влияние ирреализа может быть выявлено только на основании анализа более широкого, чем предложение, контекста. Например, в корпусе встречается предложение *«Рекомендовали её как первоклассного специалиста»* (10), в котором используется словосочетание *первоклассный специалист*, вне контекста имеющее положительную тональность. Однако анализ более широкого контекста отзыва позволяет сделать вывод, что в данном случае автор весьма несогласен с такой оценкой врача, и тональность должна быть изменена на отрицательную. Тем не менее, остается вероятность, что в других отзывах такое выражение не будет иметь отрицательной окраски, и окончательное решение в каждом конкретном случае остается за экспертом. Поэтому такие лексемы в онтолексиконе связываются с двумя концептами NEG / NEGX и POS / POSX, подклассами онтологической ветки SENTIMENT, и в ходе автоматического аннотирования получают двойные метки вида ~NEG~POS. Для разрешения возникающей в таких случаях неоднозначности потребуется либо разработка формальных правил, либо привлечение эксперта-постредактора.

В отрицательных отзывах распространены выражения иронии и сарказма, учет которых при определении тональности текста представляет значительные трудности. Некоторые исследователи не случайно рассматривают иронию и сарказм как отдельную группу факторов, осложняющих анализ тональности [4], поскольку решение этой проблемы требует отдельных дополнительных исследований. На текущем этапе нашего проекта тонально окрашенные лексические единицы, часто используемые в рассматриваемом корпусе как в буквальном значении, так и иронично или саркастически, отнесены одновременно к двум полярным онтологическим концептам ветки SENTIMENT: POS и NEG или POSX и NEGX соответственно. Например, слово *спасибо*, нередко употребляемое пользователями саркастически, в нашем онтолексиконе, как и в предыдущем случае, соотнесено с концептами POS и NEG. Как и в описанном выше случае, для разрешения такой неоднозначности потребуется либо разработка формальных правил, либо привлечение эксперта-постредактора.

Еще одним контекстным фактором, обнаруженным в исследуемом корпусе, является оценочное слово в составе нейтральной многокомпонентной группы. Примером является употребление в текстах отзывов устойчивых речевых формул, в частности формул приветствия. Так, слово *добрый*, имеющее положительную тональность вне контекста, в словосочетании *добрый день* не является выражением мнения автора о медицинском центре, а представляет собой исключительно формулу вежливости и не влияет на оценку тональности высказывания: ее в равной степени используют как довольные, так и недовольные пациенты. Решением этой проблемы в нашем проекте

является включение подобных речевых формул в онтолексикон, лексемы которого соотнесены с концептом OTHER. Такая классификация позволяет не учитывать словарно-оценочные лексемы в составе нейтральной многокомпонентной группы при оценке тональности.

Помимо рассмотренных выше факторов, анализ контекстных факторов в широком контексте исходного корпуса позволяет выделить еще один фактор: наличие в отзыве об одном объекте (клинике или аспекте) тонально окрашенной лексики, не относящейся к указанному объекту, что может быть проиллюстрировано на примере следующего отзыва: *«**Была на приеме у терапевта. За прием отдала 1500, прием был 5 минут. Ничего так и не поняла,** пошла в другой центр. Там осмотрели с ног до головы. Назначили правильное лечение, которое действует, и я иду на поправку»* (11). В этом отзыве о медицинском центре N отрицательное впечатление о данном центре выражено только в первой половине отзыва (выделено жирным), в то время как вторая половина отзыва с описанием положительных впечатлений посвящена медицинскому центру M. Во избежание искажения результатов анализа тональности такие отзывы могут быть полностью или частично исключены из анализируемой выборки. Так, в приведенном примере фрагмент отзыва, в котором речь идет о другом медицинском центре, может быть автоматически отсечен по ключевой фразе *в другой центр.* Проблемы могут возникнуть и в тех случаях, когда в отзыве отсутствуют конкретные маркеры изменения темы или темы изменяются слишком часто, — такие отзывы должны быть вручную проверены и исключены экспертом.

Выявленные контекстные факторы с указанием соответствующих им онтологических концептов и примеров лексических единиц, реализующих данные факторы в корпусе, систематизированы в табл. 1.

Таблица 1
Table 1

Контекстные факторы в корпусе отзывов о медицинских услугах

Тип контекстного фактора	**Онтологический концепт (значение)**	**Примеры единиц онтолексикона**
Неспецифический контекстный фактор	MAG (усиление тона)	в особенности хочется отметить, нет никакого сомнения
	ANT (ослабление тона)	вроде, вряд ли, иногда, кое-где, лишь, не столь важно
	REV (изменение тона на противоположный)	без, далеко не, до сегодняшнего дня, не
	POS / NEG / POSX / NEGX + ASPECT (хорошо / плохо / отлично / отвратительно + подкласс концепта ASPECT)	не врач, не берут трубку, не буду сюда больше обращаться
Ирреалис	REV (изменение тона на противоположный)	а я думала, где тут, ладно бы, научите, позиционируют себя, следите лучше за
	POS / NEG / POSX / NEGX + ASPECT (хорошо / плохо / отлично / отвратительно + подкласс концепта ASPECT)	должен быть выбор, должна быть на высшем уровне, не должны занимать парковки
Ирония и сарказм	POS + NEG, POSX + NEGX (комбинация значений хорошо / плохо / отлично / отвратительно)	браво, замечательное руководство, классный специалист, круто, особенно повезло, роскошное место, спасибо
Оценочное слово в составе нейтральной многокомпонентной группы	O (прочее)	дал добро, добрый день, добрый вечер, скорая помощь, уважаемое руководство
Тональная лексика, не относящаяся к объекту отзыва	POS / NEG / POSX / NEGX (хорошо / плохо / отлично / отвратительно)	иду на поправку, правильное лечение, стало еще хуже

(1) {Порадовала}~POS {лишь}~ANT девушка-администратор.

(2) Медицинский центр Лотос {всегда}~MAG отличает {профессионализм медицинского и административного персонала}~S~POS.

(3) {До сегодняшнего дня}~REV {претензий к качеству предоставляемых услуг не было}~Q~POS.

(4) Бывают {недочеты}~NEG со стороны работы администраторов, но это {не критично}~ANT.

(5) Это {не врач}~CH~NEGX!

(6) Как в поликлинику хрен дозвонишься, {а я думала}~REV {частная клиника высокого профиля}~CP~POS.

(7) {Где тут}~REV {профессиональные врачи}~Q~POS?

(8) И это при том, что компания {позиционирует себя}~REV как {клиентоориентированная}~POS и {работающая с обратной связью}~COM~POS.

(9) Рекомендовали её, как {первоклассного специалиста}~Q~NEG~POSX.

(10) Считаю если вы имеете смелость заявлять такие цены, то и отношение к людям,

(11) Была на приеме у терапевта. За прием отдала 1500, прием был 5 минут. {Ничего}~NEG так и не поняла, {пошла в другой центр}~CP~NEG. [Там осмотрели с ног до головы. Назначили {правильное лечение}~POS, которое действует, и я {иду на поправку}~Q~POS.]

Рис. 1. Автоматическая аннотация фрагментов исходного корпуса на основе обновленного е-лексикона

Fig. 1. Automatic annotation of fragments of the original corpus based on the updated e-lexicon

Выделенные и систематизированные в результате описанного выше корпусного анализа глоссы контекстных факторов внесены в онтолексикон платформы концептуального аннотирования, использующей коды связанных с лексемами онтологических концептов в качестве меток аннотации, ориентированной на аспектно-тональный анализ, которая может быть использована как для формулировки правил автоматического постредактирования, так и непосредственно для вычисления тональности текстов. На рис. 1 показана автоматическая аннотация приведенных выше примеров на основе обновленного онтолексикона, более корректно учитывающего контекстные факторы.

Заключение

В настоящей работе представлен анализ контекстных факторов, которые влияют на интерпретацию оценки, выражаемой тональными лексическими единицами, при анализе тональности отзывов о медицинских услугах на основе словаря тональной лексики. Проведенное исследование позволило увеличить покрываемость аннотационного словаря посредством отнесения выделенных лексических единиц, в виде которых контекстные факторы реализованы в исследуемом текстовом материале, в соответствующие концептуальные классы предметной области, что в свою очередь обеспечивает более корректное автоматическое аннотирование отзывов и сокращает время и усилия на их постредактирование.

Полученные результаты открывают горизонты для дальнейших исследований: в частности, планируется более тщательный анализ таких факторов, как ирония и сарказм, а также разработка формальных лингвистических правил для платформы концептуального аннотирования, которые позволят корректно учитывать наличие выявленных контекстных факторов в аннотируемых текстах.

Список источников

1. Бабина О. И. Модель регрессионного анализа тональности текста для оценки уровня удовлетворенности клиента // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Лингвистика. 2024. Т. 21, № 4. С. 63–70.

2. Кузнецова Е. С., Лукашевич Н. В., Четверкин И. И. Тестирование правил для системы анализа тональности // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: по материалам ежегодной международной конференции «Диалог» (2013), Бекасово, 29 мая – 2 июня 2013 года. Вып. 12 (19). Том 2. Доклады специальных секций. М. : Изд-во РГГУ, 2013. С. 71–78.

3. Кулагин Д. И. Открытый тональный словарь русского языка КартаСловСент // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: по материалам ежегодной международной конференции «Диалог» (2021), Москва, 16–19 июня 2021 года. Вып. 20. М. : Изд-во РГГУ, 2021. С. 1106–1119.

4. Лукашевич Н. В. Автоматический анализ тональности текстов: проблемы и методы // Интеллектуальные системы. Теория и приложения. 2022. Т. 26, № 1. С. 50–61.

5. Полозов И. К., Волкова И. А. Применение технологии Word2vec в задаче выделения инверторов тональности // МНИЖ. 2020. № 4–1 (94). С. 36–39.

6. Самигулин Т. Р., Джурабаев А. Э. У. Анализ тональности текста методами машинного обучения // Научный результат. Информационные технологии. 2021. Т. 6, № 1. С. 55–62.

7. Шереметьева С. О., Бабина О. И. Платформа для концептуального аннотирования многоязычных текстов // Вестник ЮУрГУ. Серия «Лингвистика». 2020. Т. 17, № 4. С. 53–60.

8. Abdulla N., Ahmed N. A., Shebab M. A., Al-Ayyoub M., Al-Kabi M., Al-Rifai S. Towards improving the lexicon-based approach for Arabic sentiment analysis // International Journal of Information Technology and Web Engineering. 2014. Vol. 9 (3). P. 55–71.

9. Alfrjani R., Osman T., Cosma G. A hybrid semantic knowledgebase-machine learning approach for opinion mining // Data & Knowledge Engineering. 2019. Vol. 121. P. 88–108.

10. Appel O., Chiclana F., Carter J., Fujita H. Successes and challenges in developing a hybrid approach to sentiment analysis // Applied Intelligence. 2017. Vol. 48. P. 1176–1188.

11. Blinov P. D., Klekovkina M. V., Kotelnikov E. V., Pestov O. A. Research of lexical approach and machine learning methods for sentiment analysis // Computational Linguistics and Intellectual Technologies. 2013. Vol. 2 (12). P. 48–58.

12. Gupta I., Joshi N. Enhanced Twitter sentiment analysis using hybrid approach and by accounting local contextual semantic // Journal of Intelligent Systems. 2019. Vol. 29 (1). P. 1611–1625.

13. Polanyi L., Zaenen A. Contextual valence shifters // Computing Attitude and Affect in Text: Theory and Applications. The Information Retrieval Series. Dordrecht: Springer, 2006. Vol. 20. P. 1–10.

14. Sebastiani F. Machine learning in automated text categorization // ACM Computing Surveys. 2002. Vol. 34. P. 1–47.

15. Sheremetyeva S. O., Babina O. I. On automated creation of gold-standard corpus for multi-aspect sentiment analysis // Proceedings of the of the International Conference “Internet and Modern Society”. Saint-Petersburg: ITMO, 2024 (в печати).

References

1. Babina OI. Regression-based sentiment analysis model for predicting customer satisfaction. *Bulletin of the South Ural State University. Ser. Linguistics.* 2024;21(4):63-70. (In Russ.).

2. Kuznetsova ES, Loukachevitch NV, Chetviorkin II. Testing rules for a sentiment analysis system. *Computational Linguistics and Intellectual Technologies. Papers from the Annual International Conference “Dialogue”.* 2013;12(2):71-78. (In Russ.).

3. Kulagin DI. Publicly available sentiment dictionary for the Russian language KartaSlovSent. *Computational Linguistics and Intellectual Technologies. Papers from the Annual International Conference “Dialogue”.* 2021;20:1106-1119. (In Russ.).

4. Loukachevitch NV. Automatic sentiment analysis of texts: problems and methods. Intelligent Systems. *Theory and Applications.* 2022;26(1):50-61. (In Russ.).

5. Polozov IK, Volkova IA. Applying Word2vec technology to shifter extraction task. *MNIZh = International Research Journal.* 2020;4-1(94):36-39. (In Russ.).

6. Samigulin TR, Djurabaev AEU. Sentiment analysis of text by machine learning methods. *Research Result. Information Technologies.* 2021;6(1):55-62. (In Russ.).

7. Sheremetyeva SO, Babina OI. A platform for knowledge assisted conceptual annotation of multilingual texts. *Bulletin of the South Ural State University. Ser. Linguistics.* 2020;17(4):53-60. (In Russ.).

8. Abdulla N, Ahmed NA, Shebab MA, Al-Ayyoub M, Al-Kabi M, Al-Rifai S. Towards improving the lexicon-based approach for Arabic sentiment analysis. *International Journal of Information Technology and Web Engineering.* 2014;9(3):55-71.

9. Alfrjani R, Osman T, Cosma G. A hybrid semantic knowledgebase-machine learning approach for opinion mining. *Data & Knowledge Engineering.* 2019;121:88-108.

10. Appel O, Chiclana F, Carter J, Fujita H. Successes and challenges in developing a hybrid approach to sentiment analysis. *Applied Intelligence.* 2017;48:1176-1188.

11. Blinov PD, Klekovkina MV, Kotelnikov EV, Pestov OA. Research of lexical approach and machine learning methods for sentiment analysis. *Computational Linguistics and Intellectual Technologies. Papers from the Annual International Conference "Dialogue".* 2013;2(12):48-58.

12. Gupta I, Joshi N. Enhanced twitter sentiment analysis using hybrid approach and by accounting local contextual semantic. *Journal of Intelligent Systems.* 2019;29(1):1611-1625.

13. Polanyi L, Zaenen A. Contextual valence shifters. Computing Attitude and Affect in Text: Theory and Applications. *The Information Retrieval Series. Dordrecht: Springer;* 2006;20:1-10.

14. Sebastiani F. Machine learning in automated text categorization. *ACM Computing Surveys.* 2002;34:1-47.

15. Sheremetyeva SO, Babina OI. On automated creation of gold-standard corpus for multi-aspect sentiment analysis. Proceedings of the of the International Conference "Internet and Modern Society". Saint-Petersburg: ITMO; 2024 (in print).

Информация об авторах

А. Ю. Зиновьева — кандидат филологических наук, доцент кафедры лингвистики и перевода.

С. О. Шереметьева — доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры лингвистики и перевода.

Information about the authors

A. Yu. Zinoveva — Cand. Sci. (Philology), Associate Professor, Department of Linguistics and Translation Studies.

S. O. Sheremetyeva — Dr. Sci. (Philology), Professor, Department of Linguistics and Translation Studies.

Статья поступила в редакцию 09.02.2025; одобрена после рецензирования 24.02.2025; принята к публикации 22.05.2026.

The article was submitted 09.02.2025; approved after reviewing 24.02.2025; accepted for publication 22.05.2026.

Вклад авторов: оба автора сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.
Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

The authors declare no conflicts of interests.
Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

Вестник Челябинского государственного университета. 2026. № 5 (511). С. 119–127.
Bulletin of Chelyabinsk State University. 2026;(5(511):119-127.

Научная статья

УДК 81’374

DOI: 10.47475/1994-2796-2026-511-5-119-127

ПРОБЛЕМА МОДЕЛИРОВАНИЯ СЛОВАРНОЙ СТАТЬИ КОМПЛЕКСНОГО УЧЕБНОГО СЛОВАРЯ АВИАЦИОННОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ

Павел Андреевич Колбин[1], Елена Иосифовна Голованова[2]

[1] Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия, p.kolbin23@gmail.com, 0009-0001-5815-3566, SPIN-cod: 7751-9091

[2] Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия, terminolog2011@rambler.ru, 0000-0002-8777-4484

Аннотация. Статья посвящена проблеме моделирования словарной статьи комплексного учебного словаря авиационной терминологии на основе когнитивно-прагматического принципа репрезентации терминологических единиц. Актуальность исследования обусловлена возрастающими требованиями к профессионально ориентированной языковой подготовке специалистов гражданской авиации, а также необходимостью формирования у обучающихся навыков нормативного, коммуникативно целесообразного и осмысленного употребления авиационной терминологии в условиях профессионального дискурса. В работе рассматриваются особенности репрезентации терминологических единиц в учебном словаре с учетом когнитивных и прагматических характеристик термина. Обосновывается дифференцированный подход к формированию микроструктуры словарной статьи с учетом семантической сложности термина и специфики его функционирования в профессиональной коммуникации. Теоретической основой исследования послужили труды отечественных ученых в области терминоведения, терминографии, когнитивного исследования языка и учебной лексикографии. На основе анализа существующих подходов к организации микроструктуры словаря предлагается модель словарной статьи, включающая формальные, интерпретационные, ассоциативные, прагматические, иллюстративные и микрокомпозиционные параметры. Особое внимание уделяется роли визуализации, отражению в словаре системных терминологических связей и нормативных характеристик профессионального употребления терминов. В статье подчеркивается, что эффективное усвоение авиационной терминологии невозможно без учета концептуальных связей между терминами и особенностей их функционирования в профессиональной коммуникации. Делается вывод о том, что комплексный учебный словарь авиационной терминологии способен выступать не только справочным, но и обучающим инструментом, обеспечивающим системное усвоение специальной лексики и развитие профессиональной коммуникативной компетенции обучающихся.

Ключевые слова: учебная лексикография, авиационная терминология, комплексный учебный словарь, профессиональный дискурс, микроструктура словаря

Для цитирования: Колбин П. А., Голованова Е. И. Проблема моделирования словарной статьи комплексного учебного словаря авиационной терминологии // Вестник Челябинского государственного университета. 2026. № 5 (511). С. 119–127. DOI: 10.47475/1994-2796-2026-511-5-119-127

Original article

PROBLEM OF MODELING A DICTIONARY ENTRY OF A COMPREHENSIVE EDUCATIONAL DICTIONARY OF AVIATION TERMINOLOGY

Pavel A. Kolbin[1], Elena I. Golovanova[2]

[1] Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia, p.kolbin23@gmail.com, 0009-0001-5815-3566, SPIN-cod: 7751-9091

[2] Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia, terminolog2011@rambler.ru, 0000-0002-8777-4484

Abstract. The article is devoted to the problem of modeling a dictionary entry for a comprehensive educational dictionary of aviation terminology based on the cognitive-pragmatic principle of representing terminological units in the context of modern educational lexicography and terminography. The relevance of the study is driven by the

© Колбин П. А., Голованова Е. И., 2026

increasing demands for professionally-oriented language training of civil aviation specialists, as well as the need to develop learners' skills in the normative, communicatively appropriate, and conceptually meaningful use of aviation terminology within professional discourse. The paper examines the specifics of representing terminological units in an educational dictionary, taking into account the cognitive and pragmatic characteristics of the term. A differentiated approach to designing the microstructure of a dictionary entry is substantiated, factoring in the semantic complexity of the term and the specific features of its functioning in professional communication. The theoretical foundation of the study is built upon the works of domestic scholars in the fields of terminology science, terminography, cognitive linguistics, and educational lexicography. Based on the analysis of existing approaches to the organization of dictionary microstructure, a dictionary entry model is proposed, which includes formal, interpretative, associative, pragmatic, illustrative, and microcompositional parameters. Special attention is paid to the role of visualization, systemic terminological relations, and the normative characteristics of professional term usage. The article emphasizes that the effective acquisition of aviation terminology is impossible without considering the conceptual links between terms and the peculiarities of their functioning in professional communication. It is concluded that a comprehensive educational dictionary of aviation terminology can serve not merely as a reference guide, but as an educational tool that ensures the systematic acquisition of specialized vocabulary and the development of learners' professional communicative competence.

Keywords: educational lexicography, aviation terminology, comprehensive educational dictionary, professional discourse, dictionary microstructure

For citation: Kolbin PA, Golovanova EI. Problem of Modeling a Dictionary Entry of a Comprehensive Educational Dictionary of Aviation Terminology. *Bulletin of Chelyabinsk State University.* 2026;(5(511):119-127. (In Russ.). DOI: 10.47475/1994-2796-2026-511-5-119-127

Введение

Потребность специалистов авиационной отрасли, в частности пилотов гражданской авиации, в эффективной коммуникации и понимании специальной литературы как в процессе профессиональной подготовки, так и при выполнении международных полетов обусловливает необходимость совершенствования речевых навыков и овладения профессиональным языком авиации. Для этого обучающимся, помимо владения английским языком на базовом уровне, необходимо усвоить ключевую единицу профессионального языка — термин. Одним из основных инструментов, способствующих освоению специальной лексики, выступает учебный словарь, который обеспечивает обучающихся необходимыми сведениями о соответствующих терминах. П. Н. Денисов считает учебным словарем «лишь такой словарь, в котором минимальная лексическая система, составляющая его словник, в состоянии выполнить четыре функции: учебную, систематизирующую, справочную и нормативную» [6, с. 210].

Среди современных лексикографических и терминографических изданий, посвященных авиационной сфере, доминируют переводческие словари. Данный тип справочных изданий в силу своей специфики — стремлению к максимально полному охвату терминологии — не реализует учебную функцию. Первостепенной задачей подобных ресурсов является обеспечение рецептивных видов деятельности, а именно содействие в переводе и чтении узкоспециальных текстов. Однако перевод не позволяет раскрыть всей полноты значения интересующего термина. Как отмечал основоположник теории лексикографии в отечественном языкознании Л. В. Щерба, «обычные переводные словари не дают настоящего знания иностранных слов, а лишь помогают догадываться об их смысле в контексте» [16, с. 302].

Безусловно, чтение специальной литературы представляет важный аспект профессиональной подготовки авиационных специалистов, однако это не обеспечивает глубокого усвоения терминологических единиц. Именно в силу ориентации исключительно на рецептивные виды деятельности, переводные словари могут служить лишь в качестве справочного пособия, так как не удовлетворяют коммуникативных потребностей учащихся, оставляя вне поля деятельности формирование речевых умений.

Согласно точке зрения И. Б. Игнатовой, основная задача учебного словаря состоит в том, чтобы «облегчить читателю активное воспроизведение речи, выбор нужного слова из лексической совокупности и правильное его употребление» [8, с. 35]. Поскольку любой термин функционирует не изолированно, а как элемент определенной терминосистемы, отражающей концептуальную структуру профессиональной области, его корректное использование предполагает формирование в сознании обучающегося целостного профессионального концепта, включающего содержательное ядро понятия, его системные связи и типичные условия актуализации. Следовательно,

необходима многоаспектная репрезентация термина в учебном словаре, что обусловлено как методическими задачами обучения, так и когнитивной природой терминологической единицы. На это направлена разработка модели комплексного учебного словаря авиационных терминов.

Данная статья написана с учетом достижений отечественного терминоведения (см.: [1; 2; 13 и др.]) и основных направлений развития терминографии [5; 11; 12; 15]. Под последней, по определению З. И. Комаровой, понимается «интегративная научно-прикладная дисциплина об истории, теории и практике терминологических словарей, формирующая методологию, методы, методики и технологии для наиболее оптимального проектирования, составления, поддержки и эффективного использования созданного продукта (терминологических словарей) для решения различных научных и прикладных задач» [12, с. 106].

В качестве основных методов в исследовании использованы общенаучные методы моделирования, анализа, синтеза, обобщения и систематизации. В целом работа базируется на синтезе общелингвистических, лексикографических и терминоведческих методов. Специальный терминографический характер имеет методика конструирования словаря.

Инвариантная модель словарной статьи и специфика построения словарной статьи учебного словаря

Особенности представления языковых единиц определяются микроструктурой каждого словаря и организацией в нем важнейших лексикографических реквизитов. Под микроструктурой словаря понимается построение словарной статьи как отдельной интегративной единицы внутри сложной семиотической системы, которой является словарь.

В. В. Дубичинский в качестве основных элементов словарной статьи выделяет: 1) заголовочную единицу; 2) ее фонетическую характеристику; 3) ее грамматическую характеристику; 4) семантизацию заголовочной единицы (толкование, дефиниция, переводной эквивалент и т.д.); 5) сочетаемостную характеристику заголовочной единицы; 6) словообразовательные возможности заголовочной единицы; 7) этимологические справки; 8) иллюстративные примеры (лексикографические иллюстрации); 9) лексикографические пометы; 10) энциклопедическую информацию; 11) отсылки, примечания [7, с. 107–112].

Представленный перечень рассматривается как инвариантная модель словарной статьи, элементы которой теоретически могут входить в состав любого лексикографического продукта, однако обязательное следование этой модели не всегда оправдано в условиях учебного словаря. А. Е. Супрун сформулировал задачу учебного словаря следующим образом: «Задача учебного словаря, адресованного учащемуся, в отличие от задачи традиционного справочного словаря, состоит не в том, чтобы дать одинаковые справки по всем словам, а в том, чтобы дать необходимые сведения по необходимым словам» [14, с. 46]. В рамках настоящего исследования предполагается, что структура словарной статьи в двуязычном учебном словаре не должна быть однородной для всех терминов. Объем и характер представляемой информации должны варьироваться в зависимости от конкретной терминологической единицы. Вместе с тем словарная статья должна обеспечивать достаточный для понимания и нормативного употребления термина объем информации, сохраняя структурное единообразие при вариативности наполнения отдельных компонентов.

Так, например, для понимания термина *firewall — пожарная перегородка* достаточно перевода, поскольку его значение является семантически прозрачным и не вызывает существенных затруднений при интерпретации. Включение развернутой дефиниции не играет ключевой роли в формировании первичного представления о данном термине. Однако полный отказ от дефиниции не представляется методически обоснованным, поскольку нельзя исключать ситуаций, при которых обучающийся испытывает потребность в уточнении понятийного содержания термина. Иллюстративный материал может рассматриваться как дополнительное средство семантизации, хотя и не является концептуально значимым компонентом словарной статьи применительно к названному термину. В данном случае раскрытие значения посредством перевода и краткой дефиниции без привлечения иллюстративных средств является достаточным и методически обоснованным.

Иная ситуация наблюдается при обращении к термину *dutch roll*. Формальный его перевод — «голландский шаг» — не раскрывает специфики стоящего за ним явления, поскольку его понимание предполагает представление о механизме движения самолета. В данном случае перевода недостаточно, точное определение термина в учебном словаре будет играть ключевую роль в формировании профессионального понятия (подробнее см.: [3; 4]), а визуальный иллюстративный

материал (схема, рисунок) будет способствовать более наглядному осмыслению характера движения воздушного судна и облегчит когнитивную интерпретацию описываемого процесса.

Рассмотрим термин *takeoff — взлет*. На первый взгляд, он не представляет трудностей ни с точки зрения перевода, ни с точки зрения общего понимания. Однако при осуществлении радиосвязи его применение имеет нормативные ограничения: данное слово используется исключительно перед взлетом во фразах *ready for takeoff* и *cleared for takeoff* и запрещено к употреблению в иных ситуациях. Следовательно, в данном случае требуется указание на нормативные особенности использования термина в профессиональной коммуникации, что не является обязательным для функционирования указанных выше наименований.

Приведенные примеры демонстрируют необходимость осознанного и дифференцированного формирования словарной статьи с учетом семантических и функциональных особенностей каждой терминологической единицы, отобранной в словник. Учебный словарь не предполагает механического включения всех возможных характеристик термина. Напротив, отбор представляемой информации должен быть методически мотивирован и ориентирован на реальные потребности обучающегося. Это позволит повысить учебную ценность словаря.

Основные параметры описания авиационных терминов в учебном словаре

Для моделирования структуры словарной статьи двуязычного учебного словаря авиационных терминов мы исходим из описания микрокомпозиции специального словаря, предложенной С. В. Гриневым-Гриневичем. На основе сопоставительного исследования терминологических и общих словарей автор выделил девять групп лексикографических реквизитов: регистрационные, формальные, этимологические, атрибутивные, интерпретационные, ассоциативные, прагматические, иллюстративные и микрокомпозиционные реквизиты [5, с. 50]. В соответствии с названными группами реквизитов возможно говорить о параметрах словарной статьи.

Наиболее актуальными применительно к учебному словарю авиационной терминологии представляются следующие параметры.

1. ***Формальные параметры***

В данную группу целесообразно включить сведения об особенностях формы заглавной вокабулы: ее произношении, словоизменительных характеристиках, а также возможных ареальных вариантах написания.

2. ***Интерпретационные параметры***

В зависимости от степени сложности термина средствами его объяснения могут выступать научная дефиниция, словарное толкование, иллюстративное определение, контекстуальное объяснение значения или энциклопедическое определение.

3. ***Ассоциативные параметры***

К данной группе относится информация о семантическом окружении лексической единицы: дублеты, абсолютные синонимы, вариантные формы, квазисинонимы, антонимические соответствия, смежные термины, а также данные о лексической сочетаемости.

4. ***Иллюстративные параметры***

Несмотря на то, что иллюстративные средства не всегда играют ключевую роль в понимании термина, полный отказ от них не представляется методически оправданным. Визуальная составляющая способствует облегчению когнитивного усвоения терминологического материала, особенно для обучающихся с выраженной визуальной доминантой восприятия.

5. ***Микрокомпозиционные параметры***

К числу значимых характеристик словарной статьи относятся ее графическое оформление и композиционная организация: выбор шрифта, его размер и цветовое решение, структура статьи и расположение ее элементов.

Основываясь на данных элементах, общую структуру словарной статьи учебного словаря авиационной терминологии можно представить следующим образом (рис. 1).

В зависимости от специфики конкретного термина отдельные элементы микрокомпозиции словарной статьи могут быть опущены при отсутствии методической необходимости их включения. Вместе с тем обязательным, на наш взгляд, является наличие дефиниции термина на русском и английском языках.

В качестве иллюстрации приведем вариант словарной статьи термина *aircraft* (рис. 2).

Поскольку данный термин охватывает различные виды летательных аппаратов, использование иллюстративного материала позволяет наглядно представить тип обозначаемых предметов и сформировать корректное концептуальное содержание термина не как наименования отдельного объекта (например, самолета), а как обобщающего наименования летательных аппаратов, которое предполагает существование различных их видов. В блоке формальных параметров приводятся транскрипция термина и указание

Рис. 1. Структурная модель словарной статьи
Fig. 1. Structural model of a dictionary entry

AIRCRAFT – ЛЕТАТЕЛЬНЫЙ АППАРАТ

/ˈeəkrɑːft/

мн. *aircraft*

Летательный аппарат (ЛА) – любое транспортное средство, с двигателем или без него, способное летать, например, самолёт или вертолёт.

Aircraft – any vehicle, with or without an engine, that can fly, such as a plane or helicopter.

Классификация ИКАО:

1) **lighter-than-air aircraft – летательный аппарат легче воздуха**
   - airship - дирижабль
   - balloon - аэростат / воздушный шар

2) **heavier-than-air aircraft – летательный аппарат тяжелее воздуха**
   - aeroplane – самолет
     - landplane – сухопутный самолет
     - seaplane – гидросамолет
     - amphibian – самолёт-амфибия
   - rotorcraft – винтокрылый летательный аппарат
     - gyroplane – автожир
     - helicopter – вертолёт

Классификация по турбулентному следу:

1) (L) Light aircraft – легкое воздушное судно
   (взлетная масса ≤ 7000 кг (15 000 фунтов));
2) (M) Medium aircraft – среднее aircraft
   (7000 кг (15 000 фунтов) <взлетная масса <136 000 кг (300 000 фунтов))
3) (H) Heavy aircraft – тяжелое aircraft
   (взлетная масса> 136 000 кг (300 000 фунтов))

Рис. 2. Словарная статья «AIRCRAFT — ЛЕТАТЕЛЬНЫЙ АППАРАТ»
Fig. 2. Dictionary entry "AIRCRAFT - AIRCRAFT"

на нерегулярную форму множественного числа, поскольку многие обучающиеся ошибочно используют форму *aircrafts*. Ассоциативные параметры реализованы в виде родо-видовой классификации летательных аппаратов, что способствует осмыслению лексико-семантических связей термина и уточнению области его функционирования. Классификация по турбулентному следу отражает нормативный статус термина и указывает на условия употребления обозначений *light, medium* и *heavy aircraft.*

Предполагается, что организация словника в разрабатываемом учебном словаре будет основываться на принципе тематической структуризации, поскольку «тематическая структуризация обладает определенными преимуществами, в частности, демонстрирует взаимосвязь терминов внутри определенной группы, что способствует упрощению процесса их запоминания» [9, с. 340]. Соответственно, логически обоснованным представляется вслед за словарной статьей, посвященной родовому термину *aircraft*, дать описание других членов данной тематической группы, а именно — видовых терминов *airship, balloon, aeroplane, landplane, seaplane, amphibian, rotorcraft, gyroplane, helicopter*, представленных в блоке ассоциативных параметров.

В качестве еще одного примера рассмотрим словарную статью с заголовочным термином *takeoff* (рис. 3).

В данном варианте словарной статьи, помимо толкования заголовочной единицы и указания гипонимических обозначений, формирующих представление о дифференциации соответствую-

TAKEOFF – ВЗЛЕТ

/'teɪk ɒf/

Взлет – этап полета, включающий в себя разбег самолета и отрыв с последующим набором высоты 400 м над уровнем взлетно-посадочной полосы, или высоты, на которой заканчивается переход в полетную конфигурацию в зависимости от того, какая из этих высот больше

Takeoff – a phase of flight that includes the aircraft's takeoff roll and liftoff, followed by a climb to a height of 400 m above runway level, or to the altitude at which the transition to the flight configuration is completed, whichever is higher

1) Normal takeoff – нормальный взлет
2) Aborted takeoff – прерванный взлет
3) Continued (completed) takeoff – продолженный взлет

В английской фразеологии «takeoff» используется **только в указаниях о разрешении и запрещении взлета** – «cleared for takeoff» и «cancel takeoff». В любых других ситуациях используются слова и словосочетания «departure, after departure» (вылет, после вылета) и «airborne, when airborne» (отрыв, после отрыва).

Примеры стандартных фраз:

READY FOR TAKE-OFF – К ВЗЛЕТУ ГОТОВ

CLEARED FOR TAKE-OFF /REPORT AIRBORNE/ – ВЗЛЕТ РАЗРЕШАЮ /ДОЛОЖИТЕ ОТРЫВ/

CLEARED FOR TAKE-OFF RUNWAY (number) – ВПП (номер), ВЗЛЕТ РАЗРЕШАЮ

HOLD POSITION, CANCEL I SAY AGAIN CANCEL TAKE-OFF – ОСТАВАЙТЕСЬ НА МЕСТЕ, ВЗЛЕТ ЗАПРЕЩАЮ, ПОВТОРЯЮ, ВЗЛЕТ ЗАПРЕЩАЮ

Рис. 3. Словарная статья «TAKEOFF – ВЗЛЕТ»
Fig. 3. Dictionary entry for "TAKEOFF"

щих видов объектов, приводятся сведения об особенностях нормативного функционирования наименования. Ключевой характеристикой, требующей обязательного усвоения, является регламентированный характер использования авиационного термина в профессиональной коммуникации. В этой связи в блоке прагматических параметров представлено разъяснение нормативного статуса термина в форме правила его применения в условиях радиообмена. Указаны также стандартные устойчивые сочетания (формулы), закрепленные нормативными документами ИКАО, что направлено на предупреждение типичных ошибок и формирование у обучающегося навыка корректного употребления данной единицы в процессе реальной профессиональной коммуникации.

Заключение

Таким образом, разработка комплексного двуязычного учебного словаря авиационной терминологии предполагает переосмысление традиционных принципов терминографического описания и переход к дифференцированной модели организации словарной статьи. Предлагаемая модель словарной статьи основывается на когнитивно-прагматическом подходе к представлению терминологических единиц. Когнитивный аспект реализуется посредством отражения понятийных связей термина, его места в структуре профессионального знания, а также через использование ассоциативных и иллюстративных компонентов, способствующих формированию целостного профессионального концепта. Прагматический аспект проявляется в фиксации нормативных ограничений, особенностей функционирования термина в условиях профессиональной коммуникации и типичных контекстов его употребления, включая стандартизированную фразеологию радиообмена. Особое значение в структуре словарной статьи приобретают визуальные и интерпретационные средства представления информации. Использование схем, изображений, классификаций и иных средств когнитивной визуализации позволяет существенно повысить степень осмысленности усвоения терминологического материала и облегчает процесс формирования профессиональной языковой компетенции обучающихся.

Принцип вариативности микроструктуры словарной статьи, обоснованный в статье, позволяет адаптировать объем и характер представляемой информации к специфике конкретного термина и реальным образовательным потребностям пользователей словаря. Такой подход обеспечивает методическую целесообразность лексикографического описания и способствует повышению учебной эффективности словаря.

Перспективы дальнейшего исследования связаны с разработкой электронной версии комплексного учебного словаря авиационной терминологии, основанной на принципах мультимедийности и интерактивности. Электронный формат позволит реализовать расширенную систему терминологических связей, интегрировать аудиовизуальные материалы, обеспечить нелинейную навигацию и создать условия для более эффективного формирования профессиональной коммуникативной компетенции специалистов гражданской авиации.

Список источников

1. Авербух К. Я., Карпова О. М. Терминоведение и терминография. Общая лексикография и терминологические словари // Лексические и фразеологические аспекты перевода. М. : Академия, 2009. С. 47–169.

2. Голованова Е. И. Когнитивное терминоведение в России (конец XX – начало XXI веков) // Slavic terminology of the end of the 20th and the beginning of the 21st centuries: a collective monograph of members of the Terminology Commission under the International Committee of slavic Scholars / Ivashchenko V., Kochan I., Bozdechova I., Levicka J., Shelov S., Grinev S., Golovanova E., Komarova Z., Dubichynskyi V. Kiev: Zhnets, 2018. С. 204–229.

3. Голованова Е. И. Особый статус терминов-фразеологизмов в метаязыке науки // Вестник Омского университета. 2013. № 1 (67). С. 69–75.

4. Голованова Е. И. Условность связи формы и содержания как одно из свойств термина // Когнитивные исследования языка. 2019. № 39. С. 29–37.

5. Гринев-Гриневич С. В. Введение в терминографию: Как просто и легко составить словарь / С. В. Гринев-Гриневич. М. : ЛИБРОКОМ, 2021. 222 с.

6. Денисов П. Н. Лексика русского языка и принципы ее описания. М. : Русский язык, 1993. 248 с.

7. Дубичинский В. В. Лексикография русского языка. М. : Наука: Флинта, 2009. 432 с.

8. Игнатова И. Б. Некоторые аспекты учебной лексикографии // Проблемы современной лексикографии : материалы междунар. науч. конф. Белгород, 1999. С. 35–36.

9. Колбин П. А. Специфика представления авиационной терминологии в двуязычном учебном словаре // Когнитивные исследования языка. 2025. № 1–2 (62). С. 338–342.

10. Комарова З. И., Прошина А. А. Моделирование двуязычного словаря-тезауруса по экономике. Екатеринбург : Форум-книга, 2009. 275 с.

11. Комарова З. И. Семантическая структура специального слова и ее лексикографическое описание. Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1991. 156 с.

12. Комарова З. И. Современная терминография как научно-прикладная дисциплина: концептуальный аспект // Актуальные проблемы германистики, романистики и русистики. 2019. № 3. С. 87–108.

13. Лейчик В. М. Терминоведение: предмет, методы, структура. М. : КомКнига, 2006. 256 с.

14. Супрун А. Е. Некоторые свойства учебного словаря и словарь для обучающего // Проблемы учебной лексикографии и обучения лексике. М. : Русский язык, 1978. С. 43–47.

15. Табанакова В. Д. Идеографическое описание научной терминологии. Тюмень: Изд-во Тюмен. гос. ун-та, 1999. 200 с.

16. Щерба Л. В. Языковая система и речевая деятельность. Л. : Наука, 1974. 428 с.

References

1. Averbukh KYa, Karpova OM. Terminology and therminography. General lexicography and terminology dictionaries. In: *Leksicheskiye i frazeologicheskiye aspekty perevoda = Lexical and phraseological aspects of translation.* Moscow, 2009; 47-169. (In Russ.).

2. Golovanova EI. Cognitive terminology in Russia (late XX - early XXI centuries). In: *Slavic terminology of the end of the 20th and the beginning of the 21st centuries: a collective monograph of members of the Terminology Commission under the International Committee of slavic Scholars*. Kiev, 2018; 204-229. (In Russ.).

3. Golovanova EI. Special status of phraseological terms in the metalanguage of science. *Vestnik Omskogo universiteta = Bulletin of Omsk University.* 2013;1(67):69-75. (In Russ.).

4. Golovanova EI. The conventionality of the relationship between form and content as one of the properties of the term. *Kognitivnyye issledovaniya yazyka = Cognitive language research.* 2019;(39):29-37. (In Russ.).

5. Grinev-Grinevich SV. Vvedeniye v terminografiyu: Kak prosto i legko sostavit′ slovar′ = Introduction to Therminography: How simple and easy to create a dictionary. Moscow, 2021, 222 p. (In Russ.).

6. Denisov PN. Leksika russkogo yazyka i printsipy yeye opisaniya = Vocabulary of the Russian language and principles of its description. Moscow, 1993, 248 p. (In Russ.).

7. Dubichinskiy VV. Leksikografiya russkogo yazyka = Lexicography of the Russian language. Moscow, 2009, 432 p. (In Russ.).

8. Ignatova IB. Some aspects of instructional lexicography. In: Problemy sovremennoy leksikografii = Problems of modern lexicography. Belgorod, 1999; 35-36. (In Russ.).

9. Kolbin PA. Specifics of aviation terminology presentation in bilingual training dictionary. *Kognitivnyye issledovaniya yazyka = Cognitive language research.* 2025;1-2 (62):338-342. (In Russ.).

10. Komarova ZI, Proshina AA. Modelirovaniye dvuyazychnogo slovarya-tezaurusa po ekonomike = Modeling a bilingual thesaurus dictionary on economics. Yekaterinburg, 2009, 275 p. (In Russ.).

11. Komarova ZI. Semanticheskaya struktura spetsial′nogo slova i yeye leksikograficheskoye opisaniye = Semantic structure of a special word and its lexicographic description. Sverdlovsk, 1991, 156 p. (In Russ.).

12. Komarova ZI. Modern therminography as a scientific and applied discipline: a conceptual aspect. *Aktual′nyye problemy germanistiki, romanistiki i rusistiki = Actual problems of German studies, novelistics and Russian studies.* 2019;(3):87-108. (In Russ.).

13. Leychik VM. Terminovedeniye: predmet, metody, struktura = Terminology: subject, methods, structure. Moscow, 2006, 256 p. (In Russ.).

14. Suprun AE. Some properties of the training dictionary and the dictionary for the trainer. In: Problemy uchebnoy leksikografii i obucheniya leksike = Problems of educational lexicography and lexicon training. Moscow, 1978; 43-47. (In Russ.).

15. Tabanakova VD. Ideograficheskoye opisaniye nauchnoy terminologii = Ideographic description of scientific terminology. Tyumen′, 1999, 200 p. (In Russ.).

16. Shcherba LV. Yazykovaya sistema i rechevaya deyatel′nost′ = Language system and speech activities. Leningrad, 1974, 428 p. (In Russ.).

Информация об авторах

П. А. Колбин — аспирант кафедры теоретического и прикладного языкознания.

Е. И. Голованова — доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры теоретического и прикладного языкознания.

Information about the authors

P. A. Kolbin — postgraduate student of the Department of Theoretical and Applied Linguistics.

E. I. Golovanova — Dr. Sci. (Philology), Professor, Professor of the Department of Theoretical and Applied Linguistics.

Статья поступила в редакцию 25.05.2026; одобрена после рецензирования 27.05.2026; принята к публикации 28.05.2026.

The article was submitted 25.05.2026; approved after reviewing 27.05.2026; accepted for publication 28.05.2026.

Вклад авторов: оба автора сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.
Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

The authors declare no conflicts of interests.
Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

Вестник Челябинского государственного университета. 2026. № 5 (511). С. 128–135.
Bulletin of Chelyabinsk State University. 2026;(5(511):128-135.

Научная статья

УДК 81›25

DOI: 10.47475/1994-2796-2026-511-5-128-135

КОРАНИЧЕСКИЕ АЛЛЮЗИИ В ПРОЗЕ МАХМУДА ДАРВИША И ОСОБЕННОСТИ ИХ ПЕРЕДАЧИ В АНГЛИЙСКОМ ПЕРЕВОДЕ

Фарида Гаязовна Исмагилова[1], Сергей Владиславович Мельник[2]

[1] Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань, Россия; Болгарская исламская академия, г. Болгар, Россия, gfgismagilova@mail.ru, 0009-0007-6643-7351

[2] Институт научной информации по общественным наукам (ИНИОН) РАН, г. Москва, Россия, melnik.s.vl@ya.ru, 0000-0002-1491-7624

Аннотация. В статье рассматриваются коранические аллюзии в прозе палестинского поэта и писателя Махмуда Дарвиша на материале произведений *Journal of an Ordinary Grief u In the Presence of Absence*. Актуальность исследования обусловлена возрастающим интересом современной гуманитарной науки к проблемам интертекстуальности, а также к особенностям функционирования религиозного дискурса в художественной литературе и его передаче в переводе. Особое значение данная проблематика приобретает в контексте изучения арабской литературы, в которой коранический текст выступает важным источником художественных образов, символов и риторических моделей. Коранические мотивы и образы активно используются в произведениях современных арабских авторов, формируя особый тип религиозно-культурного интертекста. Цель исследования заключается в выявлении основных типов коранических аллюзий в прозе Махмуда Дарвиша и анализе способов их передачи в английском переводе. Материалом исследования послужили фрагменты арабских оригиналов указанных произведений и их английские переводы, выполненные Ибрахимом Мухави и Синаном Антуном. Методологическую основу работы составляют интертекстуальный, лингвокультурологический и сравнительно-сопоставительный методы анализа, а также положения современной теории художественного перевода. Результаты исследования показывают, что коранический интертекст в прозе Дарвиша реализуется на нескольких уровнях художественного текста: лексическом, стилистическом и символическом. В английском переводе данные элементы передаются преимущественно посредством стратегии эквивалентного перевода, однако в ряде случаев наблюдается частичная нейтрализация религиозных и культурных коннотаций исходного текста. Сделан вывод о том, что перевод коранических аллюзий представляет собой сложный процесс межкультурной интерпретации, требующий учета религиозного, культурного и исторического контекста произведения.

Ключевые слова: Махмуд Дарвиш, коранические аллюзии, интертекстуальность, художественный перевод, арабская литература, перевод религиозных текстов

Для цитирования: Исмагилова Ф. Г., Мельник С. В. Коранические аллюзии в прозе Махмуда Дарвиша и особенности их передачи в английском переводе // Вестник Челябинского государственного университета. 2026. № 5 (511). С. 128–135. DOI: 10.47475/1994-2796-2026-511-5-128-135

© Исмагилова Ф. Г., Мельник С. В., 2026

Original article

QUR'ANIC ALLUSIONS IN THE PROSE OF MAHMOUD DARWISH AND THEIR RENDERING IN ENGLISH TRANSLATION

Farida G. Ismagilova[1], Sergey V. Melnik[2]

[1] Kazan (Volga Region) Federal University, Kazan, Russia; Bolgar Islamic Academy, Bolgar, Russia, gfgismagilova@mail.ru, 0009-0007-6643-7351

[2] Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia, melnik.s.vl@ya.ru, 0000-0002-1491-7624

Abstract. The article examines Qur'anic allusions in the prose of the Palestinian poet and writer Mahmoud Darwish based on the works *Journal of an Ordinary Grief and In the Presence of Absence.* The relevance of the study is determined by the growing interest of contemporary humanities in the problems of intertextuality and in the functioning of religious discourse in literary texts and its rendering in translation. This issue is particularly significant in the context of Arabic literature, where the Qur'anic text has had a considerable influence on the development of literary imagery and rhetorical structures. The aim of the research is to identify the main types of Qur'anic allusions in Mahmoud Darwish's prose and to analyze the ways in which these elements are rendered in English translation. The material of the study includes fragments of the Arabic originals of the selected works and their English translations produced by Ibrahim Muhawi and Sinan Antoon. The methodological framework of the research combines intertextual, linguocultural, and comparative approaches together with the principles of modern translation studies. The results demonstrate that Qur'anic intertext in Darwish's prose is realized at several levels of the literary text, including lexical, stylistic, and symbolic ones. In English translation these elements are mainly conveyed through equivalent translation, although in some cases partial neutralization of religious and cultural connotations can be observed.The study concludes that the translation of Qur'anic allusions represents a complex process of intercultural interpretation requiring consideration of the cultural and religious context of the literary work.

Keywords: Mahmoud Darwish, Qur'anic allusions, intertextuality, literary translation, Arabic literature, translation of religious texts

For citation: Ismagilova FG, Melnik SV. Qur'anic Allusions in the Prose of Mahmoud Darwish and Their Rendering in English Translation. *Bulletin of Chelyabinsk State University.* 2026;(5(511):128-135. (In Russ.). DOI: 10.47475/1994-2796-2026-511-5-128-135

Введение

Коранические аллюзии занимают важное место в прозе палестинского поэта и писателя Махмуда Дарвиша, выступая значимым средством формирования художественного и культурного интертекста. На материале произведений *Journal of an Ordinary Grief u In the Presence of Absence* можно проследить, каким образом коранические мотивы, образы и риторические модели функционируют в авторском тексте и какие трудности возникают при их передаче в английском переводе.

Выбор данных произведений не случаен. Более ранний текст *Journal of an Ordinary Grief* (1970-е гг.) отражает этап формирования художественной и мировоззренческой системы Дарвиша и характеризуется высокой степенью политической и культурной рефлексии, связанной с опытом изгнания и утраты родины. В этих текстах концепт РОДИНА тесно связан с образами земли, памяти и коллективной идентичности, что создаёт богатый материал для анализа лексико-семантических и интертекстуальных средств.

Более позднее произведение *In the Presence of Absence* (2006) представляет собой философско-лирическую прозу, в которой автор обращается к проблемам памяти, самоидентификации и культурного наследия. Текст отличается высокой степенью интертекстуальности и включает многочисленные отсылки к религиозной, поэтической и культурной традиции арабского мира, включая коранические аллюзии и символику арабского языка. Сопоставительный анализ раннего и позднего произведений позволяет выявить особенности функционирования религиозно-культурного интертекста в прозе Дарвиша, а также проследить способы его передачи в английском переводе.

Большинство исследователей рассматривают перевод как систему межъязыковых соответствий и преобразований, поддающихся описанию на уровнях лексики, грамматики и синтаксиса (Р. Якобсон, Дж. Кэтфорд; в русскоязычной традиции — Я. И. Рецкер, А. В. Фёдоров, Л. С. Бархударов, В. Н. Комиссаров). В рамках

данного направления центральными являются категории эквивалентности, переводческих соответствий и трансформаций.

Так, Я. И. Рецкер описывает перевод как процесс выбора закономерных межъязыковых соответствий и вводит понятие эквивалентов как устойчивых соответствий [10, с. 10]. При этом автор выделяет вариантные соответствия, выбор которых определяется контекстом [10, с. 14], а при отсутствии прямых соответствий существенную роль играют лексико-семантические преобразования [10, с. 39].

Л. С. Бархударов трактует перевод как межъязыковую трансформацию при сохранении инвариантного содержания и подчёркивает, что предметом лингвистической теории перевода выступают закономерности таких преобразований [1, с. 29]. В качестве базовой классификации переводческих преобразований автор выделяет перестановки, замены, добавления и опущения [1, с. 191–226].

Дальнейшую детализацию переводческих приёмов предлагает В. Н. Комиссаров, выделяющий такие процедуры, как транскрипция и транслитерация, калькирование, лексико-семантические замены, синтаксическое уподобление, членение и объединение предложений, грамматические замены, антонимический перевод, экспликация и компенсация [5, с. 208–225].

Для настоящего исследования лингвистическая перспектива методологически значима как основа сопоставительного анализа: она позволяет фиксировать способы передачи религиозно-культурных элементов текста и описывать переводческие решения при передаче коранических аллюзий в художественном переводе.

Важным теоретическим уточнением для анализа переводческих решений служит позиция M. Baker, последовательно показывающей, что ключевая для переводоведения категория эквивалентности не должна пониматься как абсолютная мера соответствия. Автор подчёркивает, что термин *equivalence* используется «for the sake of convenience», будучи привычным для переводческой практики, однако не обладая статусом строгой универсальной теоретической категории [13, с. 5]. Эквивалентность в переводе мыслится как относительная и зависит от различных лингвистических и культурных факторов, вследствие чего она «is therefore always relative» [13, с. 5].

Методологически значимыми для исследования также являются положения дискурсивного подхода, представленные в работах B. Hatim и I. Mason. В их концепции перевод рассматривается как коммуникативно обусловленный процесс, направленный на воспроизведение смыслового и прагматического эффекта текста в иной культурной среде. Авторы подчёркивают, что перевод не может быть сведен к механическому переносу языковых структур, поскольку он связан с интерпретацией текста в определённом дискурсивном и социокультурном контексте [14].

Когнитивно-семантический подход используется для анализа фреймовой структуры концепта РОДИНА и её трансформации в переводе (Дж. Лакофф, М. Джонсон; Ч. Филлмор; Ю. С. Степанов; В. А. Маслова) [11; 7].

Представители лингвокультурологического и лингвострановедческого подходов рассматривают культурно маркированные значения, фоновые знания и реалии как важные факторы, влияющие на процесс перевода [15; 3; 2].

Культура понимается как особая форма знания и познания, а язык — как «механизм хранения и передачи культурной информации», в котором «заключены все когнитивные категории, лежащие в основе человеческого мышления» [12, с. 28–30].

Для анализа прозы М. Дарвиша данный подход является методологически значимым, поскольку ключевые элементы репрезентации концепта РОДИНА в его текстах связаны с культурно и религиозно маркированными образами, такими как **الأرض** (земля), **الجنة** (рай), **القدس** (Иерусалим), а также символикой арабского письма. Эти элементы формируют сложную систему культурных и религиозных ассоциаций, восходящих как к коранической традиции, так и к историко-культурному опыту Палестины. Поскольку подобные единицы обладают специфической семантической и символической нагрузкой, их передача в английском переводе требует учёта культурного контекста и использования специальных переводческих стратегий [2; 3].

Актуальность исследования обусловлена возрастающим интересом современной гуманитарной науки к проблемам интертекстуальности, а также к особенностям функционирования религиозного дискурса в художественной литературе и его передаче в переводе [3]. Особое значение данная проблематика приобретает в контексте изучения арабской литературы, в которой коранический текст выступает важным источником художественных образов, символов и риторических моделей. Коранические мотивы и образы активно используются в произведениях современных арабских авторов, формируя особый тип религиозно-культурного текста [6].

В прозе Махмуда Дарвиша коранические аллюзии выполняют не только стилистическую функцию, но и выступают важным элементом формирования концепта РОДИНЫ. При этом особый интерес представляет вопрос о том, каким образом данные аллюзии передаются в переводе. Например, в тексте встречается образ утраченного рая: «كنا نشتاق إلى الجنة التي كانت هنا»[1] («Мы тосковали по раю, который был здесь»), где РОДИНА концептуализируется как сакральное пространство.

Переводоведение как междисциплинарная область характеризуется значительным методологическим многообразием: различные научные школы по-разному определяют единицу перевода, критерии эквивалентности и факторы, влияющие на переводческое решение.

Как отмечает Ю. Н. Караулов, современная лингвистика «расширяет сферу анализа, вовлекая в него пограничные с традиционно принятыми явления — психологические, философские, этнографические, социологические» [4, с. 11]. Эта тенденция привела к антропоцентрическому повороту в языкознании, где в центре внимания находится человек, его сознание и культурный опыт.

Для исследования коранических аллюзий в арабском оригинале и английском переводе прозы М. Дарвиша существенны те подходы, которые, с одной стороны, обеспечивают сопоставительный анализ языковых средств репрезентации религиозно-культурных элементов текста, а с другой — позволяют учитывать их культурно-смысловую и прагматическую многослойность.

Цель настоящего исследования — выявить основные типы коранических аллюзий в прозе Махмуда Дарвиша и определить особенности их передачи в английском переводе.

Научная новизна исследования заключается в систематизации коранических аллюзий в прозе М. Дарвиша и их классификации по уровням художественного текста (лексическому, стилистическому и символическому) в сопоставлении с английским переводом. В работе также выявлены переводческие стратегии передачи религиозно-культурных элементов текста и показаны случаи частичной нейтрализации их символических коннотаций в переводе. Работа также вносит вклад в изучение механизмов передачи религиозно-культурных элементов художественного текста в условиях межкультурной коммуникации.

Материалы и методы исследования

Материалом исследования послужили фрагменты арабского оригинала прозаических произведений Махмуда Дарвиша, вошедших в сборник *Journal of an Ordinary Grief*, а также их английский перевод, выполненный Ibrahim Muhawi. В качестве дополнительного корпуса был привлечён более поздний прозаический текст автора — *In the Presence of Absence*, переведённый на английский язык Sinan Antoon.

В настоящем исследовании используется комплексная методика анализа, объединяющая положения лингвистической теории перевода, когнитивно-семантического и дискурсивного подходов. Это позволяет рассматривать перевод коранических аллюзий в прозе М. Дарвиша как процесс межъязыковой и межкультурной интерпретации, в котором взаимодействуют языковые, культурные и прагматические факторы.

Для анализа были отобраны фрагменты текста, содержащие религиозно-культурные элементы, которые могут рассматриваться как интертекстуальные отсылки к кораническому дискурсу. Высокая степень интертекстуальности проявляется, в частности, в использовании религиозно маркированных образов, например, «الأرض كانت تعرف أسماءنا»[2] («Земля знала наши имена»), где земля выступает как носитель коллективной памяти и символ связи человека с пространством РОДИНЫ. К таким элементам относятся религиозно маркированная лексика, символические образы, а также стилистические конструкции, напоминающие риторику коранического текста.

В исследовании применяются следующие методы:

– интертекстуальный анализ;

– лингвокультурологический анализ;

– сравнительно-сопоставительный анализ оригинала и перевода;

– переводоведческий анализ.

Данные методы позволяют рассмотреть коранические аллюзии как важный компонент художественной структуры текста и определить способы их передачи в переводе.

Результаты исследования и их обсуждение

В современных исследованиях отмечается, что межрелигиозное взаимодействие может выражаться в различных видах – от полемического обсуждения религиозных воззрений до укрепления согласия, сотрудничества (в гуманитарной,

[1] Darwish M. Yawmiyyāt al-ḥuzn al-ʿādī. Beirut: Dār al-ʿAwda, 1973.
(درويش، محمود. يوميات الحزن العادي. بيروت: دار العودة، 1973.)

[2] Darwish M. Yawmiyyāt al-ḥuzn al-ʿādī. Beirut: Dār al-ʿAwda, 1973.
(درويش، محمود. يوميات الحزن العادي. بيروت: دار العودة، 1973.)

социальной, экологической сферах) и диалога, направленного на взаимное понимание мировоззренческих установок и культурных ценностей [8]. Классическая философская концепция единства истины, блага и красоты позволяет рассматривать формы межрелигиозного диалога через призму трех этих фундаментальных категорий. Красота слова и образа позволяет увидеть духовное богатство иной традиции, а тема родины — найти точки соприкосновения, объединяющие людей разных вероисповеданий; таким образом, эстетическое переживание «чужого» текста обеспечивает «мягкую» интеграцию в культурный контекст другого [9]. В художественной литературе подобная стратегия может проявляться через использование религиозного интертекста.

Одной из распространённых форм кораического интертекста в прозе Махмуда Дарвиша является использование религиозно маркированной лексики. Ярким примером стилистической коранической аллюзии является использование ритмической формулы из суры «Ар-Рахман», известной повторением стиха «فَبِأَيِّ آلَاءِ رَبِّكُمَا تُكَذِّبَانِ» («Какое же из благ Господа вашего вы считаете ложным?»), который повторяется в суре 31 раз. В тексте Дарвиша данная формула подвергается художественной трансформации и включается в авторский контекст:

«وأنت، وحاضران أنا وأنت، وغائبان / فبأي آلاء ربكما تكذبان»[1]
«فبأي آلاء ربكما تكذبان / وغائبان أنا

В английском переводе данный фрагмент передаётся следующим образом:

“Then which of the blessings of your Lord will you both deny / absent as we are, you and me, and present as we are, you and me, and absent / then which of the blessings of your Lord will you both deny”[2]. Перевод: «Тогда какое из благ вашего Господа вы оба отвергаете? / отсутствуем мы — ты и я, и присутствуем мы — ты и я, и отсутствуем / тогда какое из благ вашего Господа вы оба отвергаете?»

Использование данной формулы демонстрирует интертекстуальную связь прозы Дарвиша с кораническим дискурсом и воспроизводит характерную для Корана риторическую структуру повторения. Повтор выступает не только стилистическим приёмом, но и средством усиления философского содержания текста, связывая тему человеческого существования с идеей божественного дара и ответственности. В данном контексте кораническая аллюзия способствует формированию символического измерения концепта РОДИНА, поскольку сакральный дискурс используется для осмысления опыта утраты, памяти и духовной связи человека с родной землёй.

С точки зрения перевода наблюдается стремление к сохранению ритмико-синтаксической структуры оригинала посредством эквивалентного перевода, однако частично утрачивается культурно-религиозная ассоциативность, очевидная для носителя арабского языка.

В арабской литературной традиции подобные единицы обладают устойчивыми культурными и религиозными коннотациями. К числу таких лексем относится **الأرض** («земля»), которая в кораническом и художественном дискурсе может обозначать как физическое пространство, так и символ родной земли. В сборнике *Journal of an Ordinary Grief* (يوميات الحزن العادي) данная лексема нередко используется для обозначения родной территории и пространства национальной принадлежности. Так, в одном из фрагментов встречается выражение: **حدود تفصل أرض غربتك ولجوئك عن أرض وطنك** — *“A border separates the land of your exile and refuge from the land of your homeland”* («Граница отделяет землю твоего изгнания и твоего беженства от земли твоей родины»).[3, 4] В данном контексте лексема **أرض** обозначает родную территорию, противопоставленную пространству изгнания; в английском переводе она передаётся словом *land*, сохраняющим базовое значение исходной единицы. Другой пример: **حين تراهم يحرثون أرضك** — *“when you see them plowing your land”* («когда ты видишь, как они пашут твою землю»),[5, 6] где форма **أرضك** («твоя земля») актуализирует идею принадлежности и связи человека с родной территорией; в переводе также используется прямое соответствие land. Ещё один пример:

[1] Darwish M. Yawmiyyāt al-ḥuzn al-ʿādī. Beirut: Dār al-ʿAwda, 1973.
(درويش، محمود. يوميات الحزن العادي. بيروت: دار العودة، 1973.)

[2] Darwish M. Journal of an Ordinary Grief. Translated from Arabic by I. Muhawi. New York: Archipelago Books, 2010.

[3] Darwish M. Journal of an Ordinary Grief. Translated from Arabic by I. Muhawi. New York: Archipelago Books, 2010.

[4] Darwish M. Yawmiyyāt al-ḥuzn al-ʿādī. Beirut: Dār al-ʿAwda, 1973.
(درويش، محمود. يوميات الحزن العادي. بيروت: دار العودة، 1973.)

[5] Darwish M. Journal of an Ordinary Grief. Translated from Arabic by I. Muhawi. New York: Archipelago Books, 2010.

[6] Darwish M. Yawmiyyāt al-ḥuzn al-ʿādī. Beirut: Dār al-ʿAwda, 1973.
(درويش، محمود. يوميات الحزن العادي. بيروت: دار العودة، 1973.)

المهم ألا تعطش الأرض — “what matters is that the land should not go thirsty” («главное, чтобы земля не испытывала жажды»)[1, 2] где лексема **الأرض** приобретает метафорическое значение и персонифицируется, усиливая эмоционально-символическое звучание образа родной земли. Лексема **الأرض** активно функционирует и в более позднем произведении Дарвиша *In the Presence of Absence* («В присутствии отсутствия»). Так, в одном из фрагментов встречается описание **الأرض تطير وترقص** — *“the earth flies and dances”* («земля летит и танцует»),[3, 4] а в другом эпизоде: **...يسقط مذنب على الأرض** — *“...the fall of a comet on earth...”* («…падение кометы на землю…»)[5, 6].

В арабской религиозной традиции арабские буквы обладают дополнительной сакральной коннотацией, поскольку именно ею начинается ряд сур. Например, кораническая сура القلم) «ن ۚ وَٱلۡقَلَمِ وَمَا يَسۡطُرُونَ») — «Нун. Клянусь пером и тем, что они пишут», Коран 68:1). В тексте Дарвиша она интерпретируется как источник ритма и поэтического звучания: “the rhythm spurred on by the letter Nūn takes you into a white night” («ритм, движимый буквой нун, уносит тебя в белую ночь»)[7, 8].

В том же контексте появляется религиозно маркированная лексема الرحمن (al-Raḥmān) — одно из коранических имён Бога: «الرحمن يقودك إلى الإيمان مصحوباً بالنشوة» — “al-Raḥmān will take you to faith accompanied by ecstasy” («ар-Рахман приведёт тебя к вере, сопровождаемой экстазом»). [9, 10]

Особенностью английского перевода данных фрагментов является преимущественно буквальная передача синтаксической структуры и лексического значения исходных предложений. Однако подобная стратегия не в полной мере воспроизводит символический аспект, связанный с визуальной формой арабских букв. Для читателя, не знакомого с графикой арабского письма, трудно уловить ассоциативные образы, возникающие из начертания букв ت и ن, которые в оригинале выступают важным элементом поэтической символики текста. В связи с этим переводчик С. Антун сопровождает соответствующие фрагменты развернутыми пояснениями в примечаниях (endnotes), где объясняет графическую форму букв арабского алфавита, их положение в слове и культурно-семиотические коннотации. Подобный переводческий приём можно рассматривать как форму экспликативного комментария, направленного на компенсацию культурно-обусловленных смыслов оригинала и облегчение их интерпретации для англоязычного читателя.

В прозе Махмуда Дарвиша присутствуют не только лексические, но и **жанрово-стилистические коранические аллюзии**, связанные с имитацией структуры и риторики кораического текста. Одним из наиболее показательных примеров является рассказ **«Импровизация на суру Иерусалима»** *(Improvisations on the Sura of Jerusalem).*

Само название произведения отсылает к коранической традиции: автор использует термин **«сура»**, обозначающий главу Корана, тем самым стилизуя текст под форму священного откровения. При этом в Коране не существует суры, посвящённой Иерусалиму, что подчёркивает художественный и символический характер данного приёма. Тем не менее образ Иерусалима в исламской традиции связан с коранической текстом.

В произведении Дарвиша использование формы «суры» придаёт повествованию торжественную и пророческую интонацию, характерную для коранического дискурса. Показательно, что уже начальные строки рассказа воспроизводят стилистику сакрального текста и включают

---

[1] Darwish M. *Journal of an Ordinary Grief.* Translated from Arabic by I. Muhawi. New York: Archipelago Books, 2010.

[2] Darwish M. Yawmiyyāt al-ḥuzn al-ʿādī. Beirut: Dār al-ʿAwda, 1973.
(درويش، محمود. يوميات الحزن العادي. بيروت: دار العودة، 1973.)

[3] Darwish M. In the Presence of Absence. Translated from Arabic by S. Antoon. New York: Archipelago Books, 2011.

[4] Darwish M. Fī ḥaḍrat al-ghiyāb. Beirut: Riyāḍ al-Rayyis li-l-Kutub wa-l-Nashr, 2006.
(درويش، محمود. في حضرة الغياب. بيروت: رياض الريس للكتب والنشر، 2006.)

[5] Darwish M. In the Presence of Absence. Translated from Arabic by S. Antoon. New York: Archipelago Books, 2011.

[6] Darwish M. Fī ḥaḍrat al-ghiyāb. Beirut: Riyāḍ al-Rayyis li-l-Kutub wa-l-Nashr, 2006.
(درويش، محمود. في حضرة الغياب. بيروت: رياض الريس للكتب والنشر، 2006.)

[7] Darwish M. Fī ḥaḍrat al-ghiyāb. Beirut: Riyāḍ al-Rayyis li-l-Kutub wa-l-Nashr, 2006.
(درويش، محمود. في حضرة الغياب. بيروت: رياض الريس للكتب والنشر، 2006.)

[8] Darwish M. In the Presence of Absence. Translated from Arabic by S. Antoon. New York: Archipelago Books, 2011.

[9] Darwish M. Fī ḥaḍrat al-ghiyāb. Beirut: Riyāḍ al-Rayyis li-l-Kutub wa-l-Nashr, 2006.
(درويش، محمود. في حضرة الغياب. بيروت: رياض الريس للكتب والنشر، 2006.)

[10] Darwish M. In the Presence of Absence. Translated from Arabic by S. Antoon. New York: Archipelago Books, 2011.

религиозный интертекст. В арабском оригинале произведение начинается следующими словами:

اليوم عُلِّق على خشبة من علّق الأرض على المياه [1]

что восходит к христианскому литургическому тексту, используемому в богослужении Великой пятницы:

«Сегодня распят на древе Тот, кто повесил землю на водах».

Далее автор продолжает:

اليوم تبكون على أورشليم، وأورشليم لا تبكي على أحد [2]

«Сегодня вы плачете о Иерусалиме, но Иерусалим не плачет ни о ком».

В английском переводе Ибрагима Мухави данные строки передаются близко к оригиналу:

"Today as hung on a piece of wood he who hung the earth upon the waters… Today you are all crying over Jerusalem, and Jerusalem does not cry for anyone."[3]

Переводчик сопровождает данный фрагмент пояснительным комментарием, указывая, что Дарвиш использует начало христианского песнопения византийской традиции, а также аллюзию на слова Христа из Евангелия от Луки (23:28): «Дочери Иерусалима, не плачьте обо Мне, но плачьте о себе и о детях ваших». Таким образом, текст объединяет исламский и библейский интертекст, формируя образ Иерусалима как универсального сакрального пространства. Использование жанровой формы «суры» усиливает пророческую интонацию повествования и подчеркивает связь художественного текста с религиозной традицией.

Результаты исследования показывают, что коранический интертекст в прозе Дарвиша реализуется на нескольких уровнях художественного текста: лексическом, стилистическом и символическом. В английском переводе данные элементы передаются преимущественно посредством стратегии эквивалентного перевода, однако в ряде случаев наблюдается частичная нейтрализация религиозных и культурных коннотаций исходного текста. Сделан вывод о том, что перевод коранических аллюзий представляет собой сложный процесс межкультурной интерпретации, требующий учета религиозного, культурного и исторического контекста произведения.

[1] Darwish M. Yawmiyyāt al-ḥuzn al-ʿādī. Beirut: Dār al-ʿAwda, 1973.

(درويش، محمود. يوميات الحزن العادي. بيروت: دار العودة، 1973.)

[2] Darwish M. Yawmiyyāt al-ḥuzn al-ʿādī. Beirut: Dār al-ʿAwda, 1973.

(درويش، محمود. يوميات الحزن العادي. بيروت: دار العودة، 1973.)

[3] Darwish M. Journal of an Ordinary Grief. Translated from Arabic by I. Muhawi. New York: Archipelago Books, 2010.

Список источников

1. Бархударов Л. С. Язык и перевод (Вопросы общей и частной теории перевода). М. : Международные отношения, 1975. 240 с.
2. Верещагин Е. М., Костомаров В. Г. Язык и культура. М. : Высшая школа, 1981. 224 с.
3. Влахов С., Флорин С. Непереводимое в переводе. М. : Международные отношения, 1980. 343 с.
4. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. Изд. 6-е. М. : Изд-во ЛКИ, 2007. 264 с.
5. Комиссаров В. Н. Теория перевода (лингвистические аспекты). М. : Высшая школа, 1990. 253 с.
6. Лункин Р. Н., Мельник С. В. Межрелигиозный диалог: актуальное значение, типология и особенности постсоветского пространства // Россия и мир: научный диалог. 2024. № 2 (12). С. 52–65. DOI 10.53658/RW2024-4-2(12)-52-65. EDN VKERJR.
7. Маслова В. А. Языковая картина мира и её связь с концептуальными структурами. М. : Наука, 2001. 230 с.
8. Мельник, С. В. Понятие межрелигиозного диалога в академическом и общественно-политическом пространстве: некоторые актуальные проблемы интерпретации // Научный результат. Социальные и гуманитарные исследования. 2022a. Т. 8, № 1. С. 31–41. DOI 10.18413/2408-932X-2022-8-1-0-3. EDN YRQCOO.
9. Мельник С. В. Миротворческий межрелигиозный диалог: основные концептуальные подходы // Миссия конфессий. 2022b. Т. 11, № 3 (60). С. 12–22. EDN RMSXMV.
10. Рецкер Я. И. Теория перевода и переводческая практика. М. : Международные отношения, 1974. 240 с.
11. Степанов Ю. С. Русский язык: Структура и динамика. М. : Наука, 2004. 250 с.
12. Хагба Л. Р. Базовые лингвокультурные концепты в абхазском и абазинском языках (на материале идиоматики): дис. … д-ра филол. наук. Нальчик: Кабардино-Балкарский гос. университет, 2008. 332 с.
13. Baker M. In Other Words: A Coursebook on Translation. 2nd ed. London: Routledge, 2011. 340 p.
14. Hatim B., Mason I. Discourse and the Translator. London: Longman, 1990. 276 p.
15. Newmark P. Approaches to Translation. Oxford: Oxford University Press, 1988. 256 p.

References

1. Barkhudarov LS. Language and Translation (Problems of General and Particular Translation Theory). Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya; 1975. 240 p. [In Russ.].
2. Vereshchagin EM, Kostomarov VG. Language and Culture. Moscow: Vysshaya shkola; 1981. 224 p. [In Russ.].
3. Vlakhov S, Florin S. Untranslatable in Translation. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya; 1980. 343 p. [In Russ.].
4. Karaulov YuN. The Russian Language and the Linguistic Personality. 6th ed. Moscow: LKI Publishing House; 2007. 264 p. [In Russ.].
5. Komissarov VN. Theory of Translation (Linguistic Aspects). Moscow: Vysshaya shkola; 1990. 253 p. [In Russ.].
6. Lunkin RN, Melnik SV. Interreligious Dialogue: the Actual Meaning, Typology and Features of the Post-Soviet Space. *Rossiya i mir: nauchnyy dialog (Russia & World: Scientific Dialogue).* 2024;2(12):52-65. DOI 10.53658/RW2024-4-2(12)-52-65. [In Russ.].
7. Maslova VA. Language Worldview and Its Connection with Conceptual Structures. Moscow: Nauka; 2001. 230 p. [In Russ.].
8. Melnik SV. The Concept of Interreligious Dialogue in Academic and Socio-Political Space: Some Current Problems of Interpretation. *Nauchnyy rezultat. Sotsialnye i gumanitarnye issledovaniya (Research Result. Social Studies and Humanities).* 2022;8(1):31-41. DOI 10.18413/2408-932X-2022-8-1-0-3. [In Russian].
9. Melnik SV. Peacemaking Interreligious Dialogue: Main Conceptual Approaches. *Missiya konfessiy (Mission of Confessions).* 2022;11(3):12-22. [In Russ.].
10. Recker YaI. Translation Theory and Translation Practice. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya; 1974. 240 p. [In Russ.].
11. Stepanov YuS. The Russian Language: Structure and Dynamics. Moscow: Nauka; 2004. 250 p. [In Russ.].
12. Khagba LR. Basic Linguocultural Concepts in the Abkhaz and Abaza Languages (Based on Idiomatic Expressions): Dissertation. Nalchik: Kabardino-Balkarian State University; 2008. 332 p. [In Russ..
13. Baker M. In Other Words: A Coursebook on Translation. 2nd ed. London: Routledge; 2011. 340 p.
14. Hatim B, Mason I. Discourse and the Translator. London: Longman; 1990. 276 p.
15. Newmark P. Approaches to Translation. Oxford: Oxford University Press; 1988. 256 p.

Информация об авторах

Ф. Г. Исмагилова — аспирант (Казанский (Приволжский) федеральный университет); заместитель начальника управления по науке (Болгарская исламская академия).

С. В. Мельник — доктор философских наук, ведущий научный сотрудник, заведующий отделом философии; доцент Общецерковной аспирантуры и докторантуры.

Information about the authors

F. G. Ismagilova — Postgraduate Student (Kazan (Volga Region) Federal University); Deputy Head of the Research Department (Bolgar Islamic Academy).

S. V. Melnik — Dr. Sci. (Philosophy), Senior Research Fellow, Head of the Philosophy; Associate Professor at Cyril and Methodius Institute of Post-Graduate Studies.

Статья поступила в редакцию 04.03.2026; одобрена после рецензирования 20.04.2026; принята к публикации 22.05.2026.

Вклад авторов: оба автора сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.
Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

The article was submitted 04.03.2026; approved after reviewing 20.04.2026; accepted for publication 22.05.2026.

The authors declare no conflicts of interests.
Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

ОБЩЕЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ, ИСТОРИЯ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ИДЕЙ
GENERAL LINGUISTICS, HISTORY OF LINGUISTIC IDEAS

Вестник Челябинского государственного университета. 2026. № 5 (511). С. 136–145.
Bulletin of Chelyabinsk State University. 2026;(5(511):136-145.

Научная статья

DOI: 10.47475/1994-2796-2026-511-5-136-145

СРЕДНЕВЕКОВЫЙ КОНЦЕПТУАЛИЗМ И СОВРЕМЕННАЯ ЛИНГВИСТИКА: ИСТОРИЯ ИДЕЙ

Ольга Александровна Турбина

Южно-Уральский государственный университет, Челябинск, Россия, 0000-0002-0074-3483

Аннотация. Статья посвящена анализу наследия мыслителей прошлого, в частности — идей представителей средневекового концептуализма, модизма и авторов универсальных грамматик Нового времени. В статье показано, что многие из них незаслуженно забыты, хотя по своей глубине и содержанию они созвучны гипотезам и идеям, вокруг которых выстраиваются концепции известных лингвистов XX и XXI вв., в числе которых представители когнитивной лингвистики, генеративной грамматики, психолингвистики и других направлений, где анализ когнитивно-семиотической деятельности направлен на всестороннее изучение языка как особой теории, сотворенной человеческим разумом, как системы систем, объединяющей различные интра- и экстралингвистические аспекты, как уникальной знаковой системы, в которой закодированы механизмы познания мыслью самой себя, как единого живого организма, в котором господствует антропологическое начало. В частности, такие термины как «языковое сознание», «концепт» (и его производные), «глубинные» и «поверхностные структуры» предложения многими лингвистами XX в., включая отечественных, были восприняты и оценены как «новые», а между тем они были введены в научный узус и употреблялись философами и грамматистами в их трудах несколькими столетиями ранее, чем в исследованиях представителей вышеуказанных современных направлений лингвистики. Тем не менее, среди языковедов XX в. особо выделяется выдающийся французский лингвист Г. Гийом, в когнитивно-семиотических исследованиях которого учтены и получили развитие идеи мыслителей прошлого, которые он блестяще использовал в своей концепции при описании и анализе когнитивно-семиотических процессов, в том числе — идея о вариативности языкового представления и выражения.

Ключевые слова: средневековый концептуализм, модизм, универсальная грамматика, когнитивная лингвистика, генеративная грамматика, человеческий разум

Для цитирования: Турбина О. А. Средневековый концептуализм и современная лингвистика: история идей // Вестник Челябинского государственного университета. 2026. № 5 (511). С. 136–145. DOI: 10.47475/1994-2796-2026-511-5-136-145

Original article

MEDIEVAL CONCEPTUALISM AND MODERN LINGUISTICS: THE HISTORY OF IDEAS

Olga A. Turbina

South Ural State University, Chelyabinsk, Russia, 0000-0002-0074-3483

Abstract. This article examines the intellectual legacy of past thinkers, specifically focusing on medieval conceptualism, modism, and the universal grammars of the Modern Age. It demonstrates that many of these ideas have been undeservedly forgotten, yet their depth and content resonate with hypotheses underlying the work of renowned linguists of the 20th and 21st centuries. These include representatives of cognitive linguistics, generative grammar, psycholinguistics, and other fields where cognitive-semiotic activity is analyzed to study language as a unique theory created by the human mind; as a system of systems uniting various intra- and extralinguistic aspects; and as a unique sign system encoding the mechanisms by which thought understands itself. Essentially, language is viewed

© Турбина О. А., 2026

as a single living organism dominated by the anthropological principle. In particular, terms such as “linguistic consciousness,” “concept” (and its derivatives), and “deep” and “surface structures” of a sentence were perceived and assessed as “new” by many 20th-century linguists, including Russian scholars. Meanwhile, these terms were introduced into scientific usage and employed by philosophers and grammarians in their works several centuries prior to the studies of representatives of the above-mentioned modern trends in linguistics. Nevertheless, among 20th-century linguists, the outstanding French linguist Gustave Guillaume stands out. In his cognitive-semiotic research, he accounted for and developed the ideas of past thinkers, which he brilliantly utilized in his conception to describe and analyze cognitive-semiotic processes, including the idea of the variability of linguistic representation and expression.

Keywords: medieval conceptualism, modism, grammar universals, cognitive linguistic, generative grammar, human mind

For citation: Turbina OA. Medieval Conceptualism and Modern Linguistics: the History of Ideas. *Bulletin of Chelyabinsk State University.* 2026;(5(511):136-145. (In Russ.). DOI: 10.47475/1994-2796-2026-511-5-136-145

Введение

В 1977 г. под редакцией А. Жоли и Ж. Стефанини вышел сборник статей[1], задачей которого было опровергнуть, наконец, существующее мнение, ставшее расхожим в современной лингвистике благодаря Н. Хомскому и его последователям, что генеративная (универсальная) грамматика берет свое начало от «Общей и рациональной грамматики Пор-Рояля» (1660 г.), и показать в этой связи первостепенную роль средневековых грамматистов и особенно модистов, ибо это они в своем учении о модусах впервые сформулировали основные принципы общей грамматики [15, с. 9]. Однако данное мнение остается в тени могучего авторитета Пор-Рояля. Объясняется это, видимо, тем, что дошедшие до нас труды средневековых мыслителей по известным причинам очень малочисленны и труднодоступны[2], в то время как Грамматика Пор-Рояля регулярно переиздается: в начале девяностых только в нашей стране вышло два ее русских перевода[3], а в 1991 г. опубликован также русский перевод «Логики» Пор-Рояля[4]. В это время такое оживление интереса отечественных лингвистов к универсальным грамматикам было вызвано, с одной стороны, дошедшим и прочно укрепившимся «эхом» распространения влияния в мировой лингвистической среде генеративной грамматики Н. Хомского, теоретический аппарат которой в числе прочего оказался полезен для разработки лингво-инженерных компьютерных программ. С другой стороны, отечественная лингвистика, по мнению некоторых ученых, в последней четверти XX в. вступила в «предметный кризис» [10, с. 250]. В поисках свежих идей и под влиянием активно развивающегося в зарубежном языкознании когнитивного направления в начале 90-х прошлого столетия она рывком освободилась от советских оков материализма и обратила свой взор на запретный для нее до сей поры плод — языковое сознание: «С начала 90-х годов в московской психолингвистической школе начинает формироваться новый объект исследования, получивший название “языковое сознание”, и новая методологическая база для этнопсихолингвистических исследований» [Там же]. Данный период ознаменовался также и зарождением отечественной когнитивной лингвистики, представители которой посвящают свои исследования анализу структуры и формирования коллективного языкового сознания, изучая выделенные ими его единицы — *концепты. Языковое сознание* и *концепт* становятся центральными объектами активно развивающейся отечественной когнитивной лингвистики, обозначив, наряду с серией производных, ее понятийно-теоретический аппарат: *концептосфера, концептуальный анализ, концептуализация, концептуальная метафора* и др. Здесь стоит вспомнить, что до начала девяностых годов прошлого столетия отечественная наука обходилась без термина *концепт*, оперируя термином *понятие* (переводным от латинского *conceptus*), что подтверждают Философский словарь — 1991[5] и Лингвистический

[1] La grammaire générale / Des modistes aux idéologues // Présenté par André Joly et Jean Stéfanini. Lille, 1977. 255 p.

[2] См. об этом: Арно А., Лансело Кл. Грамматика Пор-Рояля / пер. с франц. Н. Ю. Маслова, Е. Д. Панфилова, М. В. Гординой. Л. : Изд-во ЛГУ, 1991. 126 с.; там же см. библиографию средневековых трудов по универсальной грамматике.

[3] Арно А., Лансело, Кл. Грамматика общая рациональная Пор-Рояля / пер. с франц. Н. Ю. Бокадоровой. М. : Наука, 1990. 212 с.; Арно А., Лансело, Кл. грамматика Пор-Рояля / пер. с франц. Н. Ю. Маслова, Е. Д. Панфилова, М. В. Гординой. Л. : Изд-во ЛГУ, 1991. 126 с.

[4] Арно А., Николь П. Логика, или Искусство мыслить / пер. с франц. В. П. Гайдмана. М. : Наука, 1991. 417 с.

[5] Современная западная философия: Словарь. М. : Политиздат, 1991. 414 с.

энциклопедический словарь — 1990, где термин *концепт* не упоминается [8, с. 59].

А нов ли термин, да и сам объект?

Возвращаясь к грамматике Пор-Рояля, ставшей своеобразным триггером для оживления в конце XX века в отечественной лингвистике идеи языкового универсализма и связанной с ней идеи языкового ментализма, вспомним о первородной роли в этом вопросе средневековых грамматических трудов, на которую по праву обратили внимание авторы процитированного выше сборника научных статей[1]. И действительно, в этой связи весьма остро ощущается необходимость еще раз вернуться в средневековье и проследить развитие схоластической мысли в указанном направлении.

1. Кратко о парадигме философско-грамматической мысли в Средневековье

Средневековая схоластика сосредоточилась на двух философских проблемах: на споре номинализма и реализма и на доказательствах бытия Божия. Первый, известный еще как *спор об универсалиях*, непосредственно затрагивает лингвофилософский аспект. Корнями он уходит в эпоху позднего эллинизма, с новой силой возобновляется в период ранней схоластики и через все средневековье переходит в философию Нового времени. Принципиальные разногласия философов касались вопроса «существуют ли реально универсалии?»[2]. По Аристотелю, идеи (в более поздних философских концепциях — универсалии) вторичны по отношению к вещам, но находятся в прямой зависимости от них. У Платона вещи — тени идей. Чтобы решить проблему онтологии бытия, сводимую по сути к отношению «материя-дух», достаточно было бы принять (с поправками, или без) концепцию либо Платона, либо Аристотеля. Но по мере развития человеческого самоосознания все более настойчиво привлекает к себе внимание проблема слова (языка) и его связи с мышлением. Ведь ни Платон, ни Аристотель не дали в итоге однозначного ответа на вопрос, где место языка в ряду (да и в ряду ли?) «материя-дух». Сам предмет для средневекового человека крайне загадочен, таинственен, даже окрашен в мистические тона. Для ученого ума вопрос о сущности единицы языка сложился в проблему: знаки языка – это и есть категории Аристотеля, или же категории Аристотеля являются видами реальных вещей?

Крайний номиналист Иоан Росцелин (ок. 1050–1120) полагал, что слова служат лишь для обозначения единичных вещей. Даже если в их значении и усматривается нечто универсальное, оно признается лишь пустым «выдохом голоса», а потому существование универсалий отрицается как в языке, так и в метафизике. Реальными считались лишь материальные предметы, а не отвлеченные понятия. Слово же реально лишь в момент его произнесения и только потому, что оно называет конкретную вещь. Реальность слова кончается вместе с прекращением его звучания.

Сторонники радикального реализма, ярким представителем которых был Гийом де Шампо (1070–1121), признавали реальность и универсальность общих идей. Согласно их взглядам, универсалии обладают первичным бытием по отношению к материальным вещам и существуют автономно от них, воплощаясь в языковых единицах, которые, собственно, и подтверждают реальность универсалий: языковая семантика рассматривалась представителями реализма как хранилище идеальных форм, что позволяло им рассматривать знаки языка в качестве аргумента в пользу реальности универсалий.

Как видим, в сущности, спор об универсалиях непосредственно касается проблемы референции языкового знака. При этом решалось два вопроса: 1) что является денотатом языкового знака; 2) каково содержание понятия, выражаемое языковым знаком. Второй вопрос в крайнем номинализме во внимание не принимался. Для крайнего реалиста понятие, заключенное в отдельном слове, ограничивается общими признаками класса предметов, к которому принадлежит именуемый предмет: например, понятие имени «Сократ» включает только признак «человечность». Что касается ответа на первый вопрос, то для номиналиста денотатом языкового знака является конкретный единичный предмет, а для реалиста — идея, или универсалия образа предмета.

Переходим к главному.

2. Истоки средневекового концептуализма

Уже в период ранней схоластики наблюдаются попытки преодолеть антагонизм крайних направлений номинализма и реализма. В наибольшей степени это удалось замечательному человеку, выдающемуся философу и теологу, значительно опередившему свое время, а потому далеко не однозначно оцененному современниками, — Пьеру Абеляру (1079–1142). Опыт обучения Абеляра у представителей двух противоположных концепций — Росцелина и де Шампо — позволил ему

[1] La grammaire générale / Des modistes aux idéologues // Présenté par André Joly et Jean Stéfanini. Lille, 1977. 255 p.

[2] Современная западная философия: Словарь. М. : Политиздат, 1991. С. 231.

выработать диалектический взгляд на природу универсалий. Он хорошо осознавал уязвимые и сильные стороны каждого направления, что определило его собственный подход. Так, восприняв от своих учителей наиболее ценное, он занял позицию умеренного номиналиста. Позднее это направление получило название *концептуализм* [8, с. 60].

Согласно Абеляру, универсалии ни до, ни после вещей: они суть в вещах, ибо каждая единичная вещь принадлежит к тому или иному классу. Эти общие признаки объектов идеальны по своей природе и доступны лишь мысли. Это означает, что универсалии существуют исключительно «внутри» разума конкретного человека, а не за его пределами. В ментальном пространстве универсалии представлены в форме *концептов*, которые находят свое материальное выражение в словах и которые определяются Абеляром как единицы мышления, сложившиеся в результате опыта познания окружающей действительности [5, с. 258–261]. Как не прислушаться, ведь сказано вполне достаточно даже для уровня современной науки, в особенности это было бы полезно для того ее состояния, в котором пребывала зарождающаяся в начале 90-х гг. XX в. отечественная когнитивная лингвистика. Для сравнения вспомним известное определение концепта Е. С. Кубряковой, которая блестяще и совершенно точно охарактеризовала его как единицу мысли — как оперативную содержательную единицу памяти, ментального лексикона, концептуальной системы и языка мозга (lingua mentalis), как единицу познания[1].

Но вернемся к Абеляру. Для него мышление концептами — это языковое мышление, а речь предстает как бы внешним мышлением и, значит, подчиняется логике последнего. Номиналистический уклон теории Абеляра проявляется в том, что для него все сознание языковое: помыслить о чем-либо значит — мысленно сказать, ибо, по мнению Абеляра, концептуальный мир человека целиком заполнен внутренними языковыми знаками. И все-таки в своем стремлении направить интересы науки на изучение внутреннего мира человека (в контексте средневековья это воистину был подвиг), попытавшись дать ему толкование на материалистической основе, Абеляр вырвался из своего времени, что вызвало недовольство церкви, и ряд его трактатов был осужден как заблуждения, а сам он долгие годы провел в заключении.

Однако, когда полтора столетия спустя Фома Аквинский (1225–1274) работал над своей концепцией, он уже не мог не учитывать того, что сделал в свое время Абеляр. В споре об универсалиях Аквинский занимал позицию умеренного реалиста. По его мнению, существуют универсалии трех видов: 1) до единичных вещей как идеальный предобраз индивидуальных предметов и явлений в божественном разуме; 2) в самих вещах; 3) в познающем человеческом разуме как результат абстрагирования от единичного [5, с. 253]. Универсалии как первого, так и второго типов существуют вне человеческого разума, хотя вторые и могут быть объектами познания. В человеческом мышлении в качестве объектов познания они соотносятся с понятиями, а те в свою очередь — с именами, представляющими собой что-то вроде «внутреннего слова» — *концепта*, стоящего не в конце (как у Абеляра), а в начале «цепочки» мысли: не от реальной вещи и не от мысленного образа отталкивается мысль, а от этого концептуального знака, который придает определенную направленность акту восприятия и познания в целом. Говоря на языке современного языкознания, содержание понятия языкового знака в трактатах Абеляра и Аквинского приобретает, соответственно, несколько специфическую направленность: Абеляр акцентирует денотативное значение, в то время как для Аквинского первостепенную важность имеет интенциональный характер концептуального знака.

3. Идея универсального языка и правильной грамматики

В целом же, по единодушному мнению схоластов, логико-понятийный аппарат у всех людей в мире одинаков, т. е. его устройство универсально. Поэтому универсальна и концептуальная языковая структура [2, с. 236]. Различия начинаются только на уровне речи — они затрагивают лишь означающее, «звуковую оболочку», и чтобы перевести фрагмент речи на другой язык, достаточно, согласно схоластической теории, заменить одни наборы звуков другими [7, с. 218; 17, с. 34; 19, с. 126]. Здесь невольно вспоминается идея Н. Хомского об общности грамматик, суть которой в том, что основные понятия некоего языка (фонема, предложение) определяются независимо от конкретного языка.

Итак, сознание людей, по-средневековому — разум, имеет универсальную природу. Оно строится на основе и посредством языка, но и язык

[1] Краткий словарь когнитивных терминов / Е. С. Кубрякова, В. З. Демьянков, Ю. Г. Панкрац, Л. Г. Лузина; под общ. ред. Е. С. Кубряковой. М. : Филол. фак. МГУ, 1996. С. 90.

всецело зависит от порождающего его разума, из чего следует, что должен существовать универсальный язык, всеохватывающе отражающий свойства человеческого интеллекта, его логико-понятийного аппарата. Поиски универсального языка, характерные для схоластики, приводили к тому, что статус такового получал обычно какой-либо древний язык: греческий, древнееврейский, а на территории бывшей Римской империи чаще всего — латынь.

В ответе на вопрос, почему в средневековой Европе латинский язык (реже греческий) характеризовался как универсальный, следует уточнить коннотацию исходного понятия. Во-первых, «универсальный» в контексте средневековья нужно понимать не как «в большей степени отражающий операции разума», а как «наиболее развитый», т. е. имеющий в своем арсенале достаточное количество форм, позволяющих выразить мысль наиболее адекватно, полно и эстетично. Сама же потребность в поиске универсального языка обусловлена философско-дидактической парадигмой эпохи, когда в условиях развития национальных языков и растущей необходимости их кодифицировать ощущалась нужда в опоре на непогрешимый авторитет [2, с. 219], который видели в античных теориях и, соответственно, в древних языках. Латынь была своего рода эталоном, «дидактической моделью», посредством которой можно было истолковать явления других и новых европейских языков. «Универсальный язык» в этом смысле значит «образцовый». Во-вторых, говоря об универсальном устройстве всех языков, имели в виду не единую языковую структуру, а универсальную врожденную потенциальную способность всех людей к языку, единство материальной основы речи и принципов ее использования.

И вот несколько столетий спустя Н. Хомский водит понятие «правильной грамматики», на которой базируется «правильная теория языка» [11, с. 9]. Из нее должны выводиться грамматики конкретных языков, ибо это на общих для всех языков элементарных правилах и универсальных моделях построены структуры базы (глубинные структуры) — прототипы поверхностных структур, их трансформов, распространенных в грамматиках разных языков [11, с. 60–65]. При этом Н. Хомский так же, как и грамматисты средневековья, опирается на идею об универсальном устройстве понятийно-логического аппарата. Здесь стоит заметить, что уже в 70-х гг. XX в. учеными (в том числе и отечественными: В. М. Солнцевым, В. Г. Гаком, Д. Н. Шмелевым, Р. Г. Пиотровским и др.) было выражено сомнение не только в объяснительной ценности ядерных (глубинных) структур для универсальной теории языка, но и в их когнитивной реальности, ибо не было ни в эпоху средневековья, как нет и сегодня, доказательств тому, что выделенные Н. Хомским глубинные модели определяются мыслительными операциями. А ведь именно к ним апеллирует ученый.

А как решали эту проблему мыслители средневековья?

Универсальные потенции человеческого разума к языку и универсальный понятийно-логический аппарат – это тема отнюдь не обусловленная связью с языком, хотя и решается не без участия последнего. Представление об этом не было чуждо средневековым мыслителям. Более того, они прекрасно осознавали, что мир невербальных представлений человека устроен принципиально иначе, нежели отражательная способность животных. Концептуальный мир человека отличается от последней прежде всего своей абстрактной, символической природой и его существование немыслимо без языка. Взаимообусловленная связь области невербальных представлений сознания с языком и стала причиной ее отождествления с концептуальной языковой структурой. Но суть в том, что ни о какой структуре языка, особенно в грамматическом аспекте (в современном значении) пока не могло быть и речи. По средневековому, мысль — это внутреннее проговаривание, не более того.

4. Учение модистов об универсальных принципах грамматики

Положение существенно меняется в позднем Средневековье с возникновением на базе теории умеренного реализма (в частности, на основе томизма) философско-грамматического, теперь уже с полным основанием можно сказать — лингвистического учения модистов, выдающимися в числе которых были Иоанн Дакийский, Боэций Дакийский, Мартин Дакийский, Фома Эрфуртский, Сигер из Куртре и др. [16]. Именно модисты впервые заговорили о концептуальной языковой (грамматической) картине мира, обозначив тем самым объект интересов лингвистики и отграничив последнюю от логики. Такой поворот в истории науки стал возможен, с одной стороны, в силу дальнейшего развития грамматической мысли. С другой — благодаря переосмыслению научной ориентации: поздняя схоластика ставит метафизику выше логики, стремясь к созданию глобальной концепции реальности. Любая научная

дисциплина в этот период ищет в частных явлениях универсальные закономерности, позволяющие выявить фундаментальные законы всего сущего.

Основу понятийно-методологического аппарата философско-грамматической теории модистов составляют способы проявления сущностей различных уровней, или видов бытия — *модусы* (modi). Основными из них являются: *модус существования* (modus essendi) — способ бытия объекта реального мира; *модус представления*, или познания (modus intelligendi) — результат осмысления восприятия объекта как способ его бытия в человеческом сознании; *модус обозначения* (modus significandi) — способ бытия первых двух модусов в языковом знаке и *модус построения* (modus construendi) — способ выражения модуса обозначения в речи. Несмотря на свою абстрактную природу, модусы обнаруживают себя в объектах материального мира или языковых единицах, становясь доступными для эмпирического наблюдения.

Понимание модуса представления в контексте языка затруднено его косвенным характером. Он соотносится с материальным миром и с единицами языка не напрямую, а через систему «посредников» — модуса существования и модуса обозначения. Однако осмысление модуса представления — первостепенная задача граммаиста, так как это им определяется модус обозначения — *исходный принцип* (principia) *грамматики* (Боэций Дакийский; цит. по: [15, с. 310]). Следовательно, в трактовке модистов модус обозначения выступает инструментом репрезентации действительности в языке. Но при этом сама грамматика признается вторичной (posteriora), ибо она обусловлена модусом представления.

Итак, по теории модистов, грамматика берет свое начало от вещей. Модусы существования, модусы представления и, следовательно, модусы обозначения, согласно общности их природы, тоже общие. Вывод: грамматическая система, построенная на основе модуса обозначения, носит универсальный характер. Данное заключение нередко связывают с учением модистов, не учитывая важный нюанс: универсальный статус они приписывали не самой грамматике, а фундаментальным принципам (principia) её организации. Для модистов «единство грамматики» — это общие для всех языков способы их построения (modi construendi), которые воплощают в себе, по свидетельству Иоанна Дакийского, универсальные грамматические законы (Иоанн Дакийский; цит. по: [17, с. 36]; см. об этом также: [4, с. 18]).

Для модистов грамматика — это абстрактная структура, отражающая принципы бытия реального мира. Ее описание является задачей лингвиста. Все, что сегодня мы называем лексико-семантическим анализом, модисты относили к области интересов логики [4, с. 33]. Грамматическая единица, согласно модистам, возникает тогда, когда модус обозначения оформляет членораздельный звук (dictio) в соответствии с модусами бытия обозначаемого объекта и его интеллектуального восприятия. Так возникают части речи (слова) и предложения, или, как мы скажем сегодня, — категоризация, концептуализация и номинация полностью определяются модусом обозначения на основе модуса представления, формируемого модусом существования: модисты видели в грамматике способ обозначения, продиктованный самим устройством бытия, и вся система модусов имела четкий онтологический вектор, где модусы всех уровней взаимообусловлены, опираясь на первичный модус существования.

Таким образом, модисты были первыми, кто выделил концептуальную область языка, отграничив ее как от невербального мышления, так и от материального речевого субстрата. Правда, следует отметить, что сами модисты не дали описания ни концептуальной области языка, ни соответствующих дефиниций, но по их высказываниям можно восстановить эту структуру такой, какой она им представлялась.

Согласно модистам, та область интеллекта, которая оперирует модусами представлений, является над-языковой, но здесь формируется база для порождения модусов обозначения — особых операций мышления, отвечающих за порождение вербальных единиц. Сфера бытия модусов обозначения сосредоточена в *концептуальной структуре языка*, где они аккумулируют интенцию модусов представления и транслируют её модусам построения — на уровень формирования конкретных высказываний. Языковая концептосфера включает в себя грамматический строй, который представители этой школы уподобляли геометрии, акцентируя внимание на его абстрактности и строгой универсальной логике. Также она охватывает лексико-семантическую область, изучение которой ошибочно считается второстепенным в трудах модистов. Тем не менее, модисты прекрасно осознавали значение этой области языковой концептосферы, но они игнорировали ее, считая недостойной внимания лингвиста (грамматиста).

Для современной лингвистики теория модистов ценна тем, что она изобилует подсказками

для исследователей. Так, например, в парадигме модусов просто и элегантно представлен механизм лингвосемиозиса языка и речи, равно как и вариативность (относительность) восприятия, представления и выражения. Поэтому разработанный модистами метод может быть с успехом использован, к примеру, лингвистами-дискурсологами при анализе как актуализации, так и восприятия когнитивно-дискурсивного целого и его частей (от ощущения — к восприятию, от восприятия — к представлению, от представления — к выражению), или при контрастивном анализе языков разных типов.

Итак, система модусов в грамматической теории модистов ориентирована онтологически. Однако онтологические воззрения эпохи поздней схоластики, как и всего Средневековья в целом, имеют коренные отличия от того, как категория бытия трактуется в современной философии. Истоки современной онтологии лежат в немецкой классике, прежде всего в учении И. Канта. Она знаменует собой фундаментальный сдвиг фокуса с категории «бытия объективного мира» на исследование онтологических основ человеческого существования[1]. Учение о бытии в Средние века было почти дистанцировано от вопросов человеческой природы. Это «почти» прямо указывает на специфику позиции модистов: опора на теорию модусов демонстрирует, что человеческий интеллект выступает не пассивным созерцателем, а деятельным участником осмысления и наименования объектов мира. Но человеческий интеллект у модистов ориентирован исключительно на внешний мир и находится в полной зависимости от него. Это означает, что формирование модуса представления обусловлено не субъективными порывами, а исключительно онтологическими характеристиками самих предметов. Так что об интерпретации познающим человеческим разумом явлений внешнего, а тем более внутреннего мира и трансляции результатов когниции в систему языка модисты мыслили лишь поверхностно. Данное обстоятельство и определяет главную особенность грамматического универсализма, характерного для поздней схоластики: концептуальный строй языка зеркально воспроизводит мир. Поскольку разум как «зеркало» одинаков у всех людей, то и результат отражения универсален. Любые расхождения между языками носят поверхностный характер и касаются только их звуковой формы.

К сожалению, к концу XIV в. модизм утратил свои позиции, так как его сторонники сосредоточились на абстрактном философствовании в ущерб эмпирическому изучению языка, что привело к самоизоляции теории от лингвистической практики. А параллельно с этим бурное развитие национальных языков Европы и необходимость их кодификации требовали от исследователей внимания к реальным фактам речи. В канун Возрождения деятельность грамматиста должна была отвечать на запросы практики, а не только на отвлеченные философские вопросы.

Первыми против модистов выступили номиналисты, объявив, что всё общее (универсальное) в языках (т. е. все концептуальное) принадлежит к сфере исследований логика или философа, дело же грамматиста — изучать явления, свойственные отдельным конкретным языкам. Тем самым на триста лет грамматистами была оставлена тема изучения концептуальной языковой структуры.

5. Грамматический универсализм Нового времени

Универсальную грамматику возрождают два аббата из монастыря Пор-Рояль А. Арно и Кл. Лансело в изданной в 1660 г. «Общей и рациональной грамматике», оживив интерес к теоретическому обоснованию явлений языка. Однако грамматический универсализм Нового времени, гимном которого стала Грамматика Пор-Рояля, — это шаг назад от концепции модистов. Главная причина — в идеологии эпохи рационализма, начало которой ознаменовало изреченное Р. Декартом в 1650 г. и разнесшееся до самых отдаленных уголков Европы его знаменитое: «Cogito ergo sum!» — «Я мыслю, следовательно, я существую!». Казалось бы, человеческий разум стал главным объектом научно-философской мысли. Но именно это и стало причиной ошибки в оценке его роли в лингвосемиотических процессах: разум, понятийно-логический аппарат и подчиняющаяся ему (обслуживающая его) грамматика универсальны — эти истины воспринимаются в эпоху рационализма уже как априорные, и место поисков универсального языка необходимо систематизировать и математически исчислить грамматику существующих языков. Это даст основу для проектирования совершенного (универсального) языка межнационального общения, ибо «нет ничего такого, что не допускало бы выражения через число. Следовательно, число есть как бы метафизическая фигура, а арифметика является своего рода статикой универсума, посредством которой исследуются потенции вещей» [3, с. 427].

[1] Современная западная философия: Словарь. М. : Политиздат, 1991. С. 221.

Так в эпоху рационализма вновь оживает фантом общей для всех языков универсальной, рациональной, следовательно, — правильной грамматики, и более ста лет после выхода Грамматики Пор-Рояля ее адепты — грамматисты-универсалисты — публикуют одну за другой «Общую грамматику». Такой была и изданная в Париже в 1769 г. грамматика C. Du Marsais. «Logique et principes de grammaire» («Логика и принципы грамматики») [13], где ее автор в духе Пор-Рояля описывает анализ высказывания от глубинных структур к поверхностным — от логического суждения к конструкции, определяемой как «расположение слов в речи» [13, с. 159, 164]. Когда, уже в середине XX в., Н. Хомский ее прочел, он был поражен тем, что его идеи (о правильной и адекватной грамматике, о глубинных и поверхностных структурах и проч.), оказывается, не новы [12, с. 27], чем признал, что при разработке своей концепции с теорией Пор-Рояля он знаком не был.

А были ли знакомы авторы Грамматики Пор-Рояля с теорией модистов? Конечно, отрицать этого нельзя, ибо все трактаты средневековых философов и грамматистов хранились по преимуществу в церковных и монастырских архивах, тем более, что почти все их авторы, как и авторы Грамматики, написанной в аббатстве Пор-Рояль А. Арно и Кл. Лансело, были аббатами. Однако при оценке влияния средневекового концептуализма и модизма на Пор-Рояль важен учет общефилософского и национально-культурного контекста европейской мысли XV–XVI вв. Безусловно, мировоззрение Ренессанса располагало к тому, чтобы одним из главных объектов искусства и науки стал человек. Но науку о языке, к сожалению, это не затронуло в силу того, что, как уже отмечалось выше, перед грамматистами стояли практические задачи описания новых европейских языков, т. е. создания их практических грамматик. И только к середине XVII в., когда остро обозначился вопрос нормализации этих языков, оживилась идея нормы, правила, «правильности», а значит — универсальности грамматики, и встала задача обоснования общих правил. Однако к этому времени Возрождение «замерло». Как заметил В. И. Вернадский, его прервал в 1660 г. огонь костра, на котором сожгли Джордано Бруно. Вступивший в силу и окрепший к середине XVII в. рационализм возвел любое правило в абсолют: никаких вариантов (модусов существования, представления, обозначения, выражения и проч.) не признается. Нужно найти (лучше — исчислить) рациональное решение, идеал. Такую задачу и поставили перед собой аббаты из Пор-Рояля, авторы Общей и рациональной грамматики, которые если и унаследовали что-то из средневекового концептуализма, то это наследство сводилось лишь к веками избитой идее: «у всех языков одна грамматика».

Заключение

Нашли ли место идеи средневекового концептуализма и модизма в современной лингвистике?

Идеи относительности, вариативности языкового представления и выражения блестяще использовал в своей концепции Г. Гийом (1883–1960) при описании и анализе когнитивно-семиотических процессов. Выдвинутая и обоснованная им в начале XX в. гипотеза об интуитивной механике лингво-когнитивной деятельности, на первый взгляд, близка идее Н. Хомского об универсальных глубинных структурах. Но принципиальное отличие теории Г. Гийома от порождающей грамматики состоит в том, что его анализ языка и речевой деятельности противится «чистому» формализму [9, с. 83], ибо язык представляется ученым своеобразным «хранилищем» не только всего содержательного материала (лексем, граммем, моделей), но и механики (систематики) его построения и актуализации [14, с. 220–240]. Не случайно за акцент на априорности не грамматической структуры языка, а принципов (princopes) ее организации (principia у модистов) Ж. Стефанини назвал Г. Гийома последним и величайшим из модистов [18, с. 14]. Наряду с этим за рассмотрение языка как основного способа, причины и условия существования разума и разумной деятельности в целом, за введение в лингвистическую науку еще в начале XX в. такого объекта, как когнитивно-семиотические механизмы Г. Гийома по праву можно назвать первым и величайшим из когнитивистов [9, с. 79].

В заключение стоит заметить, что концепция Г. Гийома, к сожалению, до сих пор остается малоизвестной в отечественных лингвистических кругах, хотя еще в 1974 г. Ю. С. Степанов отмечал, что значение работ Г. Гийома, утверждавшего в лингвистическом анализе антропологический принцип, «только сейчас начинает осознаваться во всей полноте» [6, с. 14–15]. Наконец, хочется согласиться с Н. Н. Болдыревым и утвердиться в надежде, что сегодня к лингвистам пришло понимание того, что «единственно надежный доступ к сознанию обеспечивает только естественный язык» [1, с. 56]. Главное — не забывать то наследие, которое оставили нам мыслители прошлого, в частности, бесценные и продуктивные для современной науки идеи средневекового концептуализма.

Список литературы

1. Болдырев Н. Н. Междисциплинарная доминанта когнитивных лингвистических исследований // Когнитивные исследования языка. 2020. № 2 (41). С. 56–62.

2. Грошева А. В. Грамматические учения западноевропейского средневековья // История лингвистических учений. Средневековая Европа. Л. : Ин-т языкознания, Ленингр. отд., 1985. С. 208–242.

3. Лейбниц Г. В. Сочинения в четырех томах. Т. 2. Ред., авт. вступ. статьи и примеч. И. С. Нарский. М. : Мысль, 1983. 686 с.

4. Перельмутер И. А. Грамматическое учение модистов // История лингвистических учений. Позднее средневековье. СПб. : Наука, 1991. С. 7–66.

5. Реферовская Е. А. «Спор» реалистов и номиналистов // История лингвистических учений. Средневековая Европа. Л. : Ин-т языкознания, Ленингр. отд., 1985. С. 243–287.

6. Степанов Ю. С. Эмиль Бенвенист и лингвистика на пути преобразований. Вступительная статья / Эмиль Бенвенист. Общая лингвистика. М. : Прогресс, 1974. С. 8–16.

7. Сус Я. Средневековая философия // История философии в кратком изложении / пер. с чеш. И. И. Богута. М. : Мысль, 1991. С. 196–287.

8. Турбина О. А. Концепт как объект лингвистической науки // Вестник ЮУрГУ. Серия «Лингвистика». Т. 10, № 1, 2013. С. 59–65.

9. Турбина О. А. Лингвистическое наследие Г. Гийома: первый и величайший из когнитивистов // Когнитивные исследования языка. 2021. № 4 (47). С. 76–83.

10. Уфимцева Н. В. Языковое сознание: динамика и вариативность. М. : Ин-т яз-знания РАН, 2011. 251 с.

11. Хомский Н. Аспекты теории синтаксиса. Выпуск 1. М. : Изд-во МГУ, 1972а. 259 с.

12. Хомский Н. Язык и мышление. Выпуск 2. М. : Изд-во МГУ, 1972б. 123 с.

13. Du Marsais C. Logique et principes de grammaire. T. 1. P. : Chez Briasson, Le Breton, Herissant Fils, 1769. 324 p.

14. Guillaume G. Psycho-systématique du langage. Essai de mécanique intuitionnelle. Espace de temps en pensée commune et dans les structures de langue. Manuscrit. (Fonds G. Guillaume). P. 220–240.

15. Joly A., Stéfanini J. Avant-propos // La grammaire générale. Lile, 1977.

16. Kelly L. G. La grammaire à la fin de la moyen âge et les universaux essais de bibliographie // La grammaire générale. Lille, 1977. P. 1–10.

17. Rosier I. La grammaire spéculative des modistes. Lile, 1983. 223 p.

18. Stefanini J. Avant-propos á une histoire de la psychomécanique // Langage et psychomécanique du langage. Lille: Presses Universitaires de Lille, 1980. P. 3–18.

19. Thurot Ch. Notices et extraits de divers manuscrits latins pour servir à l'histoire des doctrines grammaticales au Moyen Age // Notices et extraits des manuscrits de la Bibliothèque Impériale et autres bibliothèques, publiées par l'Institut Impérial de France. P. : Imprimerie Impériale, 1868. 592 p.

References

1. Boldyrev NN. A multidisciplinary dominant of cognitive linguistic research. *Cognitive Studies of Language.* 2020;(2(41):56-62. (In Russ.).

2. Grosheva AV. Grammatical teachings of the Western European Middle Ages. Grammaticheskie ucheniya zapadnoevropeyskogo srednevekov'ya. *Istoriya lingvisticheskikh ucheniy. Srednevekovaya Evropa.* L.: In-t yazykoznaniya, Leningr. otd., 1985. Pp. 208-242. (In Russ.).

3. Leibniz GV. Works in four volumes. Sochineniya v chetyrekh tomakh. T. 2. Red., avt. vstup. stat'i i primech. I. S. Narskiy. M.: Mysl', 1983. 686 s. (In Russ.).

4. Perelmuter IA. The grammatical doctrine of the modists. Grammaticheskoe uchenie modistov. *Istoriya lingvisticheskikh ucheniy. Pozdnee srednevekov'e.* SPb.: Nauka, 1991. Pp. 7-66. (In Russ.).

5. Referovskaya EA. The "Dispute" between Realists and Nominalists. «Spor» realistov i nominalistov. *Istoriya lingvisticheskikh ucheniy. Srednevekovaya Evropa.* L.: In-t yazykoznaniya, Leningr. otd., 1985. Pp. 243-287. (In Russ.).

6. Stepanov YuS. Emil' Benvenist i lingvistika na puti preobrazovaniy. Vstupitel'naya stat'ya = Emile Benveniste and linguistics on the path of transformation. / Emil' Benvenist. Obshchaya lingvistika. M.: Progress, 1974. Pp. 8-16. (In Russ.).

7. Sus Ya. Medieval philosophy. Srednevekovaya filosofiya. *Istoriya filosofii v kratkom izlozhenii; per. s chesh.* II Boguta. M.: Mysl', 1991. P. 196-287. (In Russ.).

8. Turbina OA. Concept as an object of linguistics. *Bulletin of the South Ural State University. Series "Linguistics".* 2013;10(1):59-65. (In Russ.).

9. Turbina OA. Linguistic Heritage of G. Guillaume: The First and the Greatest of Cognitivists. *Cognitive Studies of Language.* 2021;(4(47):76-83. (In Russ.).

10. Ufimtseva NV. Linguistic Consciousness: Dynamics and Variability. Yazykovoe soznanie: dinamika i variativnost'. M.: In-t yaz-znaniya RAN, 2011. 251 p. (In Russ.).

11. Chomsky N. Aspects of the Theory of Syntax. Aspekty teorii sintaksisa. Vypusk 1. M.: Izd-vo MGU, 1972a. 259 p. (In Russ.).

12. Chomsky N. Language and Mind. Yazyk i myshlenie. Vypusk 2. M.: Izd-vo MGU, 1972b. 123 p. (In Russ.).

13. Du Marsais C. Logique et principes de grammaire. T 1. P.: Chez Briasson, Le Breton, Herissant Fils, 1769. 324 p. (In Fr.).

14. Guillaume G. Psycho-systématique du langage. Essai de mécanique intuitionnelle. Espace de temps en pensée commune et dans les structures de langue. Manuscrit. (Fonds G. Guillaume). P. 220-240. (In Fr.).

15. Joly A, Stéfanini J. Avant-propos. La grammaire générale. Lile, 1977. (In Fr.).

16. Kelly LG. La grammaire à la fin de la moyen âge et les universaux essais de bibliographie. La grammaire générale. Lille, 1977. Pp. 1-10. (In Fr.).

17. Rosier I. La grammaire spéculative des modistes. Lile, 1983. 223 p. (In Fr.).

18. Stefanini J. Avant-propos á une histoire de la psychomécanique. Langage et psychomécanique du langage. Lille: Presses Universitaires de Lille, 1980. Pp. 3-18. (In Fr.).

19. Thurot Ch. Notices et extraits de divers manuscrits latins pour servir à l'histoire des doctrines grammaticales au Moyen Age. Notices et extraits des manuscrits de la Bibliothèque Impériale et autres bibliothèques, publiées par l'Institut Impérial de France. P.: Imprimerie Impériale, 1868. 592 p. (In Fr.).

Информация об авторе

О. А. Турбина — доктор филологических наук, профессор кафедры лингвистики и перевода Института лингвистики и международных коммуникаций

Information about the author

O. A. Turbina — Dr. Sci. (Philology), Professor of the Department of Linguistics and Translation at Institute of Linguistics and International Communications.

Статья поступила в редакцию 27.02.2026; одобрена после рецензирования 16.03.2026; принята к публикации 22.05.2026.

The article was submitted 27.02.2026; approved after reviewing 16.03.2026; accepted for publication 22.05.2026.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

БИЛИНГВИЗМ
BILINGUALISM

Вестник Челябинского государственного университета. 2026. № 5 (511). С. 146–152.
Bulletin of Chelyabinsk State University. 2026;(5(511):146-152.

Обзорная статья

УДК 81.33

DOI: 10.47475/1994-2796-2026-511-5-146-152

HOMO BILINGUIS: ВАРИАТИВНОСТЬ КАК КЛЮЧЕВОЕ СВОЙСТВО ЯЗЫКОВОГО ОПЫТА ЧЕЛОВЕКА-БИЛИНГВА

Хасанхужа Фаррух угли Хамидуллаев [1*], Ирода Илхомбаевна Турамуратова[2]

[1] Узбекский государственный университет мировых языков, Ташкент, Узбекистан, mrwithglasses99@gmail.com

[2] Узбекский государственный университет мировых языков, Ташкент, Узбекистан, iroda1983@gmail.com, 0000-0002-6830-5148

Аннотация. На сегодняшний день, по оценкам ЮНЕСКО, не менее половины населения планеты являются билингвами, говорящими в повседневной жизни на двух или более языках или диалектах. Следовательно, формирование компетентных знаний в области междисциплинарного исследования языка и изучение феномена билингвизма как отдельного когнитивного компонента через призму формирования, возрастного изменения и функционирования мозговой системы имеет важное прикладное значение. Так, в данной статье рассматриваются основные концепции определения языковых навыков у билингвов, сформулированные ведущими специалистами современности в области билингвизма. Рассматривание языка как линейной и иерархической системы на основе редукционистского метода в течение долгих лет сменилось хаотизацией в начале 1960-х гг. На основе теории хаоса Лоренца, в таком сложном явлении, как овладение вторым языком, каждая переменная имеет значение при формировании уникального лингвистического профиля индивида. В результате изучения были раскрыты основные концепции определения человека-билингва и принципы исследования процесса формирования и развития билингвизма, как: *билингвизм — это континуум* (каждый возрастной этап и жизненный опыт может отражаться в формировании и развитии билингвизма), *билингвизм — это динамическое и многомерное явление* (языковые навыки, как и другие когнитивные способности, являются системой взаимосвязанных переменных, то есть комбинацией различных факторов) и *билингв — это не два монолингва* (измерение успеваемости изучающих второй язык на основе стандартов «носителя языка» является дискуссионным). Основным выводом работы является необходимость рассмотрения билингвизма как гетерогенного феномена с широкой вариативностью в центре которого находится человек-билингв с индивидуальным языковым опытом. Результаты анализа имеют важное значение для исследователей в данной области, так как разнообразие подходов к пониманию и оценке лингвистических способностей билингвов затрудняет изучение имеющейся литературы и решение вопроса о сопоставимости результатов исследований друг с другом.

Ключевые слова: билингвизм, полифакторность, вариативность, континуум, динамическая модель

Для цитирования: Хамидуллаев Х. Ф., Турамуратова И. И. Homo Bilinguis: вариативность как ключевое свойство языкового опыта человека-билингва // Вестник Челябинского государственного университета. 2026. № 5 (511). С. 146–152. DOI: 10.47475/1994-2796-2026-511-5-146-152

Original article

HOMO BILINGUIS: VARIABILITY AS A KEY FEATURE OF A BILINGUAL PERSON'S LINGUISTIC EXPERIENCE

Khasankhuja F. Khamidullaev[1*], Iroda I. Turamuratova[2]

[1] Uzbekistan State World Languages University, Tashkent, Uzbekistan, mrwithglasses99@gmail.com

[2] Uzbekistan State World Languages University, Tashkent, Uzbekistan, iroda1983@gmail.com, 0000-0002-6830-5148

© Хамидуллаев Х. Ф., Турамуратова И. И., 2026

Abstract. Today, according to UNESCO estimates, at least half of the world's population are bilinguals, speaking two or more languages or dialects in everyday life. Consequently, the formation of competent knowledge in the field of interdisciplinary language research and the study of the phenomenon of bilingualism as a separate cognitive component through the prism of formation, age-related changes and functioning of the brain system has important applied significance. Thus, this article examines the main concepts of determining language skills in bilinguals, formulated by leading modern experts in the field of bilingualism. Over the years, the view of language as a linear and hierarchical system based on the reductionist method was replaced by chaotic thinking in the early 1960s. As a result, based on Lorenz's chaos theory, in a complex phenomenon like second language acquisition, each variable is important in shaping an individual's unique linguistic profile. As a result of the study, the main concepts of defining a bilingual person and principles for studying the process of formation and development of bilingualism were revealed, such as: *bilingualism is a continuum* (each age stage and life experience can be reflected in the formation and development of bilingualism), *bilingualism is a dynamic and multidimensional phenomenon* (language skills, like other cognitive abilities, are a system of interrelated variables, that is, a combination of various factors) and a *bilingual is not two monolinguals* (measuring the academic performance of those learning a second language based on the standards of a "native speaker" is debatable).The central conclusion of this study is the necessity to consider bilingualism as a heterogeneous phenomenon with a wide variability at the center of which is a bilingual person with individual language experience. The findings of this analysis have important implications for researchers in this field, as the diversity of approaches to understanding and assessing the linguistic abilities of bilinguals engenders considerable challenges in the review of extant literature and the comparison of research findings.

Keywords: bilingualism, polyfactoriality, variability, continuum, dynamic model

For citation: Khamidullaev KhF, Turamuratova II. Homo Bilinguis: Variability as a Key Feature of a Bilingual Person's Linguistic Experience. *Bulletin of Chelyabinsk State University.* 2026;(5(511):146-152. (In Russ.). DOI: 10.47475/1994-2796-2026-511-5-146-152

Введение

Феномен билингвизма, имеющий давние корни возникновения и развития, на сегодняшний день является объектом исследования не только для лингвистов, но и специалистов в области социологии, нейронауки и медицины. По оценкам Организации Объединенных Наций по вопросам образования, науки и культуры (ЮНЕСКО), не менее половины населения планеты является билингвами, говорящими в повседневной жизни на двух или более языках или диалектах [5]. В США с 1980 г. число тех, кто говорит дома не только на английском, увеличилось в три раза [7], а со второй половины XX — начала XXI вв. на нынешней территории Центральной Азии (в постсоветском пространстве) наблюдается русско-тюркский билингвизм, когда языком профессиональной деятельности является русский язык, а родной (тюркский) язык используется в межличностной коммуникации [16, с. 26]. Следовательно, на сегодняшний день половина населения планеты является не только представителями «Homo Loquens» (Человек Говорящий), но и субъектами, владеющими двумя и более языками, то есть «Homo Bilinguis» (Человек Двуязычный). Но возникает вопрос: на основе каких методов и моделей мы можем изучить всю многогранность и сложность феномена билингвизма?

Принято считать, что истоки современной лингвистики берутся из структуралистских подходов Фердинанда де Соссюра, сформированных в начале XX в. на базе диахронической школы сравнительно-исторического языкознания и неограмматической традиции [17, с. 5]. Поиск логических объяснений процессам формирования и развития человеческого языка в значительной степени характеризовался поиском структурных моделей, что, в свою очередь, исходит из идеи о том, что для того, чтобы понять нечто сложное, нужно разложить его на составные части, изучить их и сложить воедино свои представления о каждой из этих частей, то есть из идеи редукционизма. Однако проблемы возникли, когда учёные поняли, что изменчивость и непредсказуемость сценариев формирования и развития языковых навыков, а также их потеря являются ключевыми элементами, а не исключением. Говоря иначе, идея рассматривать язык как линейную и иерархическую систему утратила доминирование, что привело к радикальной смене научной парадигмы в начале 1960-х гг., которую назовут хаотизацией, или теорией хаоса [16, с. 120]. Пионером данной теории является метеоролог из Массачусетского технологического института Эдвард Лоренц, который работал над увеличением точности прогнозов погоды. Изучая на компьютере модель с 12 переменными, Лоренц допустил маленькое отклонение в начальных условиях, что привело к огромным расхождениям в конечном результате (при редукционизме величина каждого последующего и конечного отклонения должна быть идентична первоначальной ошибке). В 1963 г. Лоренц

объявил о своем открытии в статье «Детерминированное непериодическое течение» (Deterministic Non-periodic Flow), а в 1972 г. в докладе в Американской Ассоциации содействию развития науки, чувствительность сложных систем к начальным условиям становится известна как «эффект бабочки». Взмах крыльев бабочки символизирует мелкие изменения в первоначальном состоянии системы, которые вызывают цепочку событий, ведущих к крупномасштабным изменениям.

Материалы и методы исследования

Объектом исследования являются нейрокогнитивные процессы, происходящие в мозге, а также их поведенческие проявления в процессе обработки двух языков. *Предмет исследования* — влияние билингвизма на нейрофизиологические механизмы обработки языка в мозге, а также особенности взаимодействия двух языковых сетей, характерные для билингвов в сравнении с монолингвами.

Метод исследования — с применением методов лингвистического описания, сравнения и теоретической интерпретации были проанализированы труды специалистов в области когнитивной лингвистики и билингвизма, результаты научных ERP-исследований, проведённых при помощи технологий нейровизуализации (фМРТ и ЭЭГ).

Цель исследования — формирование компетентных знаний в области междисциплинарного исследования языка и изучение феномена билингвизма как отдельного когнитивного компонента через призму формирования, возрастного изменения и функционирования мозговой системы.

Актуальность исследования — на сегодняшний день изучение предмета исследования является актуальным по нескольким причинам.

Глобализация: в глобальном мире информационных технологий, со стремительно развивающимися международными отношениями и тесным взаимодействием различных культур и цивилизаций, билингвизм становится все более распространенным. Люди взаимодействуют с различными культурами и языками, и умение говорить на нескольких языках становится ценным навыком.

Лингвистические исследования: изучение билингвизма помогает лингвистам и другим исследователям лучше понять, как функционирует человеческий мозг, каким образом мы усваиваем и обрабатываем родной/иностранный язык и как языки взаимодействуют друг с другом. Кроме того, изучение феномена билингвизма позволяет исследовать вопросы о том, как язык взаимодействует с другими когнитивными элементами, такими как внимание, обучение, эмоции, принятие решений и так далее.

Прикладная значимость исследования: результаты исследования могут иметь важное значение для понимания механизмов двуязычного мышления и его воздействия на когнитивные функции, а также представляют широкое практическое значение представителям различных профессий, включая педагогов, обучающих детей и взрослых иностранным языкам, специалистов в области образования в разработке более эффективных методик обучения.

Результаты исследования и их обсуждение

Несомненно, процесс овладения вторым языком и его обработка является сложным явлением с множеством переменных. Например, гипотеза критического (сенситивного) периода при овладении вторым языком, первоначально сформулированная Э. Леннебергом в 1967 г., вызвала столько общественного внимания, дебатов и споров, что была включена в список 125 важнейших научных вопросов на ближайшую четверть века в юбилейном выпуске журнала Science [12, с. 75]. На сегодняшний день, хотя фактор возраста овладения языком (AoA) уже принят в исследовательских сообществах лингвистов и когнитивных нейробиологов, не совсем ясно, в каком именно возрасте ребёнок достигает границ естественного овладения языком по Леннебергу — около трех лет [14] или несколько позже в возрасте шести лет? Кроме того, точное и прагматическое измерение языковых навыков у билингвов остаётся центральной дилеммой для исследователей в этой области. В действительности, разнообразие подходов к пониманию и измерению билингвальных навыков затрудняет обобщение имеющейся литературы и сопоставление результатов исследований. К примеру, при анализе 140 статей, опубликованных в одном из ведущих журналов в этой области «Bilingualism: Language and Cognition» за период с первой публикации в 1998 г. по 2011 г., было обнаружено, что только в 19 % статей, опубликованных в первой половине этого периода, использовался объективный тест для измерения языковых навыков респондентов, тогда как во второй половине периода этот процент увеличился до 54 % статей. Это означает, что в течение рассматриваемого в исследовании периода большое количество статей все еще не предоставляло подробной информации о языковых навыках участников [9]. Несомненно, за последние годы область изучения билингвизма

значительно расширилась, о чем свидетельствуют многочисленные научные труды по этой теме и исследования в таких направлениях, как обработка и репрезентация языка у взрослых билингвов, овладение языком детьми-билингвами, когнитивные аспекты билингвизма, мозг билингвов помогли раскрыть следующие основные концепции определения человека-билингва и принципы к исследованию процесса формирования и развития билингвизма.

Билингвизм как континуум. Каждый возрастной этап представляет собой различные виды общего жизненного опыта, и это может отражаться в формировании и развитии билингвизма. Например, с точки зрения структурного развития мозга, раннее развитие сенсомоторных отделов мозга и более позднее лобных долей влияют на распознавание слов и лексическую обработку языка. Иными словами, обучение языку в детстве отличается от обучения во взрослом возрасте, и лексические единицы, выученные относительно рано в жизни, требуют большей сенсорной обработки. А слова, выученные позже, проходят более тщательную и долгую семантическую обработку, которая включает в себя связи с другими типами вещей, имеющие сходные значения. Следовательно, это создаёт неравномерную модель развития и предполагает, что дети и взрослые приходят к экспертности, оснащенными очень разными нейронными и когнитивными конфигурациями [8]. Кроме того, предполагается, что использование каждого языка, частота использования различных языковых навыков и привычки переключения между языками могут меняться в течение жизни в зависимости от социальных условий, миграционной мобильности и новых условий жизни [15]. Яркой иллюстрацией этого является анализ опыта взрослых женщин в возрасте от 34 до 59 лет в контексте изучения английского языка в Мексике. Собранные данные показали, что восприятие возраста и возрастная идентичность (социально-психологический фактор) этих взрослых учащихся повлияли на процесс овладения языком. Иными словами, их достижения сдерживались не столько когнитивными способностями, сколько их негативным восприятием возрастной идентичности. Для женщин среднего возраста изучение английского языка представлялось скорее средством приобретения культурного капитала, чем средством общения в повседневной жизни [3, с. 67]. С другой стороны, все билингвы прямо или косвенно подвержены влиянию глобальных контекстов, а именно, языковые идеологии часто приводят к языковому неравенству и лежат в основе конкретной языковой политики (возможность выбора языка в образовании, в залах суда и т. д.). К примеру, в 173 семьях США, принадлежащих к низшему и/или среднему классу почти, половина (47 %) родителей (в основном матерей) или опекунов детей говорили дома только или в основном на испанском, когда детям было 4,5 года. При повторном опросе родителей, когда их детям было 11 лет, этот процент снизился до 22 %. На такие резкие изменения в выборе языка родителями, возможно, повлияло общее негативное отношение к испанскому языку в Соединенных Штатах. Интересно то, что изменения в выборе языка родителями в 173 семьях могли повлиять и на выбор языка детьми: в возрасте 4,5 лет 45 % детей говорили дома в основном или только по-испански, но к 11 годам только 17 % детей по-прежнему использовали дома в основном или только испанский язык [13]. Эти примеры наглядно показывают, что контекст, в котором люди становятся двуязычными, имеет первостепенное значение.

Билингвизм как динамическое и многомерное явление. Конец 1980-х гг. положил начало новому взгляду на разум как о нелинейной динамической системе. Согласно этому коннекционистскому или нейросетевому взгляду, обработка информации человеческим разумом происходит с помощью огромного набора взаимодействующих систем, которые гораздо более взаимосвязаны, чем считалось ранее. Так, вышеупомянутое предполагает, что язык и когнитивные способности являются системой взаимосвязанных переменных или, иными словами, комбинацией различных факторов. В отличие от дискретной системы, в которой существует четкая взаимосвязь между двумя переменными, динамическую систему трудно предсказать, поскольку результат одной переменной может повлиять на результат других и эти системы постоянно меняются. Другими словами, динамические системы развиваются в результате взаимодействия с окружающей средой и подвергаются постоянной самоорганизации [8]. В частности, примером этому служит метаанализ исследований ПЭТ и фМРТ, проведённый в попытке выявить достоверные нейронные различия между обработкой и организацией языковой информации на L1 (родной язык) и L2 (иностранный язык). В анализе учитывалось несколько факторов, включая **тип задания** (продуцирование слов, семантический выбор, грамматические / семантические решения в предложениях)

и характеристики участников (возраст овладения L2, уровень владения L2 и объем воздействия L2). Мета-анализ 30 ключевых исследований выявил только 15 различий в активации в 114 идентифицированных областях мозга. *Важно отметить, что эти различия были связаны не с расположением активированных нейронов, а скорее с силой активации.* А именно, почти во всех случаях различий в активации наблюдалась более сильная активация в L2 по сравнению с L1. Случаи различий в силе активации были в основном обнаружены в нижнем лобном извилине левого полушария, что свидетельствует о более интенсивной и менее эффективной обработке информации на L2, чем на L1. Когда проверялось влияние характеристик участников, все три переменные сыграли свою роль в различиях активации при выполнении заданий на продуцирование слов. Однако только уровень владения L2 повлиял на задания на принятие семантических решений, и только возраст овладения L2 предсказал грамматическое / семантическое решение предложений [11, с. 279]. Учитывая количество важных факторов, влияющих на овладение, изучение и использование языка билингвами, само собой разумеется, что каждый билингв обладает уникальной комбинацией различных билингвальных характеристик. Билингвы различаются не только по своей личной истории овладения языком (т. е. по обстановке, количеству и качеству воздействия двух языков), но и уровнем владения, своими личными моделям использования языка и их динамическими изменениями. Удивительно, но даже речевые моторные зоны варьируются индивидуально, то есть существует «высокая степень вариативности между субъектами в отображении моторных и сенсорных аспектов человеческого языка» [2, с. 28].

Билингв — не два монолингва. Несмотря на стремительное развитие области исследования билингвизма, в научной литературе до сих пор преобладает рассмотрение билингвизма через призму «золотого стандарта» монолингвизма, а именно через идеализированное представление о носителях языка. Во многих исследованиях проводится сравнение между носителями языка (монолингвами) и билингвами, а их различия обозначаются как «билингвальный дефицит», а билингвы, владеющие как более сильным, так и более слабым языком, называются «несбалансированными билингвами». Например, в исследованиях билингвизма в раннем детстве многие двуязычные и одноязычные сравнения используются для того, чтобы говорить о так называемом замедленном или ускоренном развитии, причем в качестве эталона всегда выступают монолингвы [4, с. 27]. В свою очередь, в фундаментальном труде Франсуа Грожан предостерег нейролингвистов от монолингвального взгляда на билингвизм, утверждая, что «билингв — это не два монолингва в одном человеке!». Он отметил, что билингвы имеют «уникальную и специфическую языковую конфигурацию» [6, с. 3]. Причиной этому является широкая вариативность языковых способностей среди носителей. Как обнаружил Олдерсон, различия между носителями и неносителями языка (L2) очень малы, а некоторые неносители превосходят носителей языка. *«Показатели носителей языка варьируются даже при выполнении заданий низшего порядка, и использование носителей языка в качестве критериев, определяющих уровень владения языком неносителями в тестах, является ошибочным»,* — утверждает Олдерсон [1, с. 75]. С другой стороны, предполагается, что носители языка разделяют наиболее распространенные слова и грамматические правила, используемые в устной/слуховой речи (базовое языковое познание). Однако они не обязательно разделяют менее частотные лексические единицы и грамматические правила, используемые в письменных (и иногда в устных/слуховых) формах (высшее языковое познание [10]). Таким образом, знания носителей языка сильно варьируются, что делает использование монолингвальных «норм» в качестве мерила, по которому измеряется успеваемость изучающих второй язык, весьма проблематичным.

Заключение

На сегодняшний день результаты многих исследований индивидов в билингвальном контексте позволяют предположить, что развитие языка может быть комплексным (сложным) и непредсказуемым процессом. Ввиду этого можно предположить, что это стало веской причиной отказа от моделей, основанных на линейных и иерархических системах, и что, в свою очередь, привело к радикальной смене научной парадигмы во второй половине XX в. Кроме того, под термином «комплексная система» подразумевается набор процессов, возникающих в результате взаимодействия и самоорганизации отдельных компонентов и в которых порядок возникает без направления со стороны внешних факторов и без плана порядка, заложенного в отдельном компоненте. Резюмируя, можно отметить, что билингвизм — это полифакторный,

ориентированный на развитие феномен. В центре внимания находится человек-билингв с индивидуальным языковым опытом с точки зрения вариативности демографического фона, географического положения, возраста и языковых способностей. В частности, при изучении билингвизма, в разработке исследований и отборе участников необходимо учитывать множество различных аспектов, таких как индивидуальные различия и их изменчивость, языковая среда и ее изменения, привычки использования языка, социально-экономический фон и т. д. Следовательно, исходя из многоаспектности билингвизма, при оценке языковых способностей следует принимать во внимание гораздо более широкий спектр важных деталей о биографии билингвов, чтобы результаты были сопоставимы и четко связаны с конкретной выборкой.

Список источников

1. Alderson J. C. Native and non-native speaker performance on cloze tests. Language Learning, 1980. 30 (1). С. 59–76.

2. Andrew P. The social construction of age: Adult foreign language learners. Bristol : Multilingual Matters, 2012.

3. Andrews E. Cognitive neuroscience and multilingualism. In J. W. Schwieter (Ed.). The handbook of the neuroscience of multilingualism, 19–47, Wiley, 2019.

4. De Houwer A, Ortega L, eds. In: The Cambridge Handbook of Bilingualism. Cambridge Handbooks in Language and Linguistics. Cambridge University Press, 2018. DOI: https://doi.org/10.1017/9781316831922

5. Giannini S. Multilingual education: A key to quality and inclusive learning. The UN Chronicle, 20 February 2024. URL: https://www.unesco.org/en/articles/multilingual-education-key-quality-and-inclusive-learning. [Электронный ресурс] (дата обращения: 20.02.2025).

6. Grosjean F. Neurolinguists, beware! The bilingual is not two monolinguals in one person // Brain and language. 1989. 36 (1). С. 3–15.

7. Happy Mother Language Day. URL: https://www.un.org/en/information-center-washington/happy-mother-language-day [Электронный ресурс] (дата обращения: 20.02.2025).

8. Hernandez A. The Bilingual Brain. Oxford University Press, 2013. ISBN 978–0–19–982811–1, 1–206.

9. Hulstijn J. The construct of language proficiency in the study of bilingualism from a cognitive perspective // Bilingualism: Language and Cognition. 2012. № 15 (2). С. 422–433.

10. Hulstijn J. Language proficiency in native and non-native speakers: Theory and research. Amsterdam: John Benjamins, 2015.

11. Indefrey P. A meta-analysis of hemodynamic studies on first and second language processing: Which suggested differences can we trust and what do they mean? // Language Learning. 2006. № 56. С. 279–304.

12. Kennedy D., Norman C. What Don't We Know? // Science. Vol. 309, Iss. 5731: 125th Anniversary July 2005. DOI 10.1126/science.309.5731.75

13. Mancilla-Martinez J., Lesaux N. The gap between Spanish speakers' word reading and word knowledge: A longitudinal study // Child Development. 2011. 82 (5). С. 1544–1560.

14. McLaughlin B. Second language acquisition in childhood. Erlbaum, 1984. Vol. 1.

15. Pfenninger S., Festman J., Singleton D. Second language acquisition and lifelong learning: An introduction and methodological guide. Routledge, 2023.

16. Sapolsky R. Determined: a science of life without free will. New York: Penguin Press, 2023. 528 p. ISBN 9780525560975.

17. Schmid M. S., Lowie W. M. Modeling Bilingualism: from structure to chaos. 43 ed. Amsterdam, Philadelphia : John Benjamins Publishers, 2011. 308 p.

18. Джусупов М. Билингвизм и полилингвизм с участием тюркского, арабского и персидского языков // Tiltanym. 2015;(2):20-28.

References

1. Alderson JC. Native and non-native speaker performance on cloze tests. *Language Learning.* 1980;30(1):59-76.

2. Andrew P. The social construction of age: Adult foreign language learners. Bristol: Multilingual Matters, 2012.

3. Andrews E. Cognitive neuroscience and multilingualism. In JW Schwieter (Ed.), The handbook of the neuroscience of multilingualism 19-47, Wiley, 2019.

4. De Houwer A, Ortega L, eds. In: The Cambridge Handbook of Bilingualism. Cambridge Handbooks in Language and Linguistics. Cambridge University Press, 2018. DOI: 10.1017/9781316831922

5. Giannini S. Multilingual education: A key to quality and inclusive learning the UN Chronicle 20 February 2024. Available from: https://www.unesco.org/en/articles/multilingual-education-key-quality-and-inclusive-learning. [Electronic resource] (date of access: 20.02.2025)/

6. Grosjean F. Neurolinguists, beware! The bilingual is not two monolinguals in one person. *Brain and language.* 1989;36(1):3-15.

7. Happy Mother Language Day. Available from: https://www.un.org/en/information-center washington/happy-mother-language-day [Electronic resource] (date of access: 20.02.2025).

8. Hernandez A. The Bilingual Brain. Oxford University Press, 2013. ISBN 978–0–19–982811–1, 1-206.

9. Hulstijn J. The construct of language proficiency in the study of bilingualism from a cognitive perspective. *Bilingualism: Language and Cognition.* 2012;15(2):422-433.

10. Hulstijn J. Language proficiency in native and non-native speakers: Theory and research. Amsterdam: John Benjamins, 2015.

11. Indefrey P. A meta-analysis of hemodynamic studies on first and second language processing: Which suggested differences can we trust and what do they mean? *Language Learning.* 2006;56:279-304.

12. Kennedy D, Norman C. What Don't We Know? *Science.* Vol. 309, Iss. 5731: 125th Anniversary July 2005. DOI: 10.1126/science.309.5731.75

13. Mancilla-Martinez J, Lesaux N. The gap between Spanish speakers' word reading and word knowledge: A longitudinal study. *Child Development.* 2011;82(5):1544-1560.

14. McLaughlin B. Second language acquisition in childhood. Erlbaum, 1984. Vol. 1.

15. Pfenninger S, Festman, J, Singleton D. Second language acquisition and lifelong learning: An introduction and methodological guide. Routledge, 2023.

16. Sapolsky R. Determined: a science of life without free will. New York: Penguin Press, 2023. 528 p. ISBN 9780525560975.

17. Schmid MS. Lowie WM. Modeling Bilingualism: from structure to chaos. 43 ed. Amsterdam, Philadelphia : John Benjamins Publishers, 2011. 308 p.

18. Zhusupov M. Bilingvizm i polilingvizm s uchastiem tyurkskogo, arabskogo i persidskogo yazykov = Bilingualism and polylingualism with the participation of the turkic, arabic and persian languages. *Tiltanym.* 2015;(2):20-28. (In Russ.).

Информация об авторах

Х. Ф. Хамидуллаев — магистрант 1 курса (направление: «Лингвистика» (испанский язык)).

И. И Турамуратова — доктор философии по филологическим наукам, заведующий кафедрой теоретических наук испанского языка.

Information about the authors

Kh. F. Khamidullaev — 1st year Master's student of Linguistics (Spanish).

I. I. Turamuratova — Doctor of Philological Sciences (PhD), Head of the Department of Theoretical Sciences of the Spanish Language.

Статья поступила в редакцию 27.05.2025; одобрена после рецензирования 10.06.2025; принята к публикации 22.05.2026.

Вклад авторов: оба автора сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.
Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

The article was submitted 27.05.2025; approved after reviewing 10.06.2025; accepted for publication 22.05.2026.

The authors declare no conflicts of interests.
Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

MONTIBVS ET SIL
LO IACTABAT COR
CRVDELIS ALEXI NE
CARMINA NOS TRI
RE MORIAM F DN VI
MONTIBVS ET SIL
LO IACTABAT COR
CRVDELIS ALEXI NE
CARMINA NOS TRI